

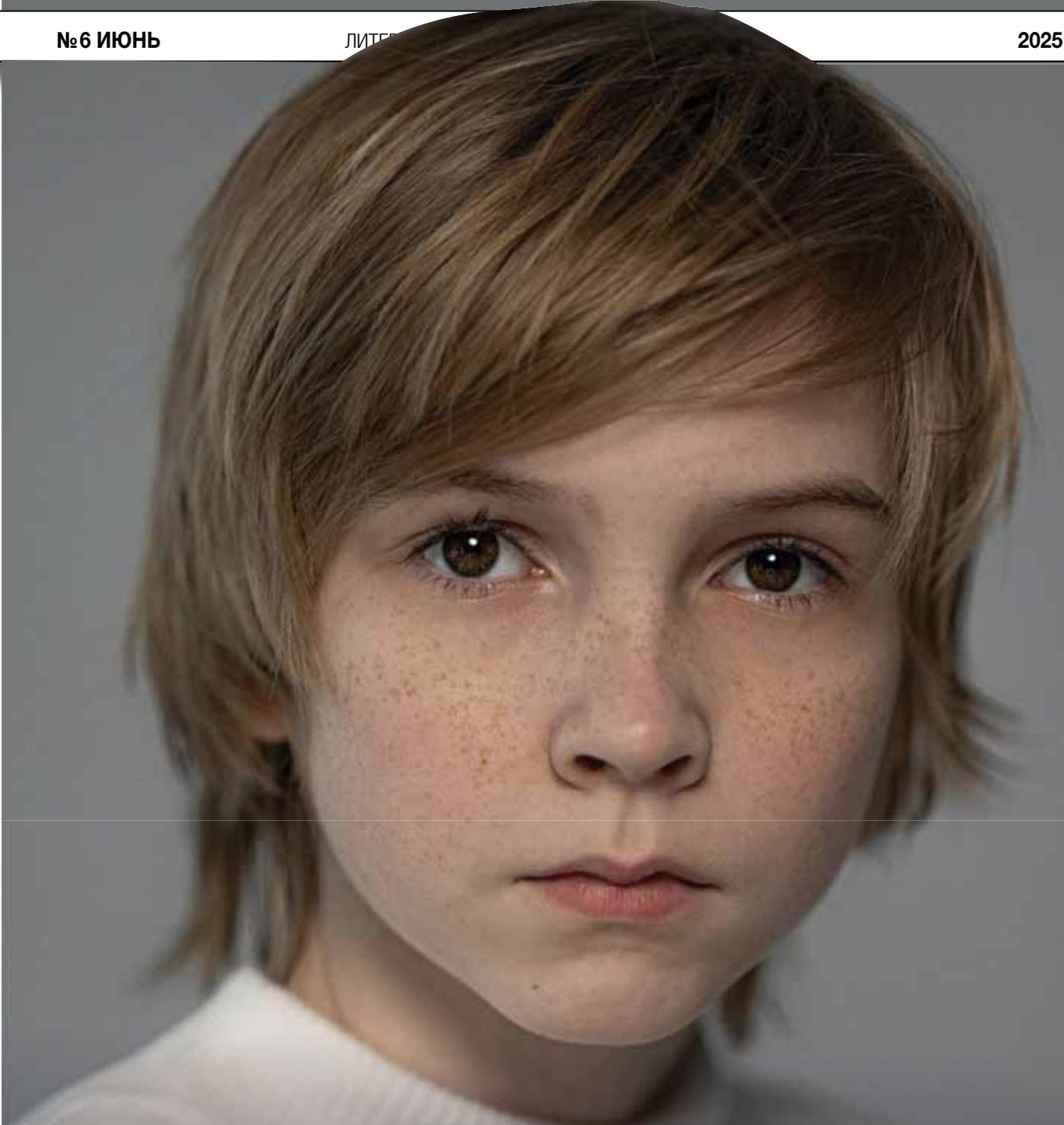

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРА

2025

МИРОН ЛЕБЕДЕВ:

*«Я верю, что в жизни
всегда есть место волшебству!»*

О галерее Боргезе и шедеврах ее собрания читайте на стр. 85

Неизвестное об известном

<i>Светлана Марлинская</i>	Трагический «Певец туманов» 4
<i>Юрий Осипов</i>	Вечный «Папа Хем» 108

Эссе

<i>Светлана Леонтьева</i>	Секрет одного одеяльца 22
---------------------------	--

Из российской истории

<i>Александр Ралот</i>	Матушка двух самодержцев 27
------------------------	--

Рассказ

<i>Олег Визер</i>	Ненужный 34
-------------------	--------------------------

Молодые таланты

<i>Дарья Парчинская</i>	Мирон Лебедев: «Сниматься в кино было сначала просто любопытно, а потом стало интересно...» 44
-------------------------	---

Поэзия

<i>Дарья Останина</i>	Стихи 50
-----------------------	-----------------------

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Греческий ирландец на службе русской сказки 57
--------------------------	---

Страничка психолога

<i>Светлана Антипова</i>	Семейные традиции как основа эмоционального благополучия 65
--------------------------	--

Житейские истории

<i>Александр Пономарев</i>	Подарок 70
----------------------------	-------------------------

Это интересно

<i>Ирина Опимах</i>	Волшебный ларец Шипионе Боргезе 82
<i>Николай Долгополов</i>	Разведка знала: скоро война 125

Путевые заметки

<i>Владимир Замышляев</i>	Эфиоп...и я 95
---------------------------	-----------------------------

Остросюжетная повесть

<i>Юрий Шурчков</i>	Доказательство ангелов 132
---------------------	---

Кроссворд. Эрудит

.....	188
-------	------------

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Юный Киноактер Мирон Лебедев
Фото Оксаны Ковтун

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

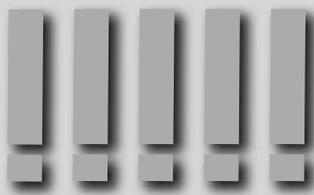
Зак. №

Цена свободная

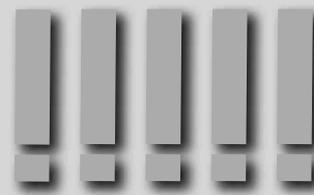
Номер подписан в печать: 20.05.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

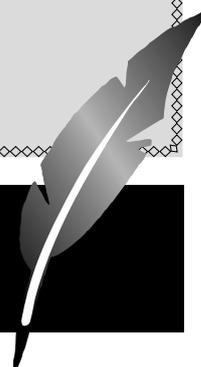
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Светлана
Марлинская

Трагический «Певец туманов»

В написанном ранней молодостью стихотворении он воскликнул: «О, я хочу безумно жить!» А за полгода до смерти в одном разговоре, прервав собеседника на полуслове, вдруг спросил: «Вы хотели бы умереть?» И, не дожидаясь ответа, порывисто, горячо, страстно сам же и выдохнул: «А я очень хочу»...

Вот между этими «безумно хочу жить» и «очень хочу умереть» — прошла, нет, промелькнула метеором вся жизнь одного из величайших поэтов Серебряного века. «Трагического тенора эпохи» Александра Блока.

16 ноября 1880 года у Александры Андреевны Блок (урожденной Бекетовой) родился сын Александр. Отец ребенка, профессор права Александр Львович Блок, был в то время преподавателем Варшавского университета. Семейные отношения у родителей поэта не сложились. По воспоминаниям, мать Блока хотела уйти от мужа еще до рождения ребенка. Он истязал ее вспышками ревности и яростного гнева. Когда

родился Александр, его отец был в Варшаве. Узнав о рождении сына, Александр Львович приехал за женой, но его со скандалом выгнали из дома Бекетовых. С огромным трудом, с бурными объяснениями и даже драками, он все же оставил мать с новорожденным ребенком в покое. Правда, развод она не могла получить несколько лет — пока Александр Львович сам не надумал снова жениться. Но через четыре года и

вторая жена сбежала от него вместе с маленькой дочерью.

Александр мало виделся с отцом и, к счастью, почти ничего от него не унаследовал: ни взрывного темперамента, ни пристрастия к юриспруденции, ни презрительного отношения к женщинам вообще. Он был «мамыным сынком», «бабушкиным внуком» Бекетовым, а Блоком — лишь по фамилии, которую обессмертил.

Дед маленького Саши, ректор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов, был знаком с Щедриным, писал критические статьи и очерки, принимался даже за автобиографический роман. Жена его, Елизавета Григорьевна, помимо переводов выпускала популярные книжки для «образовательного чтения». И оба они души не чаяли в своем «маленьком ангеле», по очереди читали ему на ночь сказки Пушкина. Это имя запало в память Саши еще до того, как он научился читать самостоятельно.

«С раннего детства, — писал Александр Блок в автобиографии, — я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные еще с чьим-либо именем».

Пушкин, Жуковский, Полонский, Фет... очень скоро мальчик знал наизусть невероятное количество стихов. И страстно любил природу — все его детство прошло в имении деда Шахматово.

В августе 1889 года брак родителей Блока был, наконец, расторгнут. Не прошло и месяца, как Александра Андреевна вторично вышла за-

муж, на этот раз за Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттуха, поручика лейб-гвардии Гренадерского полка, и переехала с сыном на казенную квартиру мужа в офицерский корпус на Петроградской стороне. Из профессорского дома мальчик переехал в казармы, утонченная атмосфера бекетовской гостиной сменилась пошловатой офицерской средой. Добряк Франц Феликсович обожал жену, но был равнодушен к ее сыну, даже ревновал ее к нему. Александра Андреевна поняла, что вновь совершила ошибку.

Впоследствии, вспоминая пробы в воспитании сына, она склонна была принять на себя всю вину. «Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей...» — писала она. Детей у Александры Андреевны больше не было.

В августе 1890 года Александр Блок поступил в Введенскую гимназию в Петербурге. Учился он неплохо, но переход из уютного семейного мира к жестокой атмосфере гимназии был слишком резок. Все казалось мальчику грубым и чуждым. Интересы его расходились с педантичными гимназическими требованиями.

Его мать, например, вспоминала, что юный Саша никак не может подготовиться к экзамену по Закону Божьему:

«Вот если б я спросила его об отношениях Отелло к сенату, это он бы мне охотно изложил. А то, что положено знать каждому православному... ему это было неинтересно».

Неинтересно? Блоку, чья ранняя (и не только) поэзия буквально пропитана божественными откровениями? О котором впоследствии другой великий поэт — Марина Цветаева — скажет:

*Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
Плачьте о мертвом ангеле!..*

«В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями не имеют».

Да имел ли он сам что-то общее с этими самыми «человеческими отношениями»? Даже его первая любовь была проявлением чего-то неземного, почти ангельского, оставившая в его творчестве неизгладимый след. «Гений первой любви надомной...» — обронит он впоследствии.

Хотя предметом этой неземной любви была очень земная и обыкновенная женщина — Ксения Михайловна Садовская. Красавица — хотя уже и начинающая увядать, мать троих детей... Блок познакомился с ней, когда сопровождал мать и тетку на курорт Бад-Наугейм. Ему было семнадцать лет, скрывать свои чувства он еще не умел (да и не хотел), а окружающим влюбленность гимназиста казалась просто забавной.

«Сашура у нас тут ухаживал с великим успехом, пленил барыню 32-х лет, мать трех детей и действительную статскую советницу», — писала родителям Александра Ан-

дреевна. Даже она, сама романтическая и страстная натура, не поняла первого чувства сына. А это чувство впоследствии привело к появлению стихотворных циклов «Ante Lucem» (1898–1900) и «Через двенадцать лет» (1909–1914).

Летом семья уезжала в имение деда в Шахматово. А рядом — в Боблово, имении профессора Дмитрия Ивановича Менделеева — было еще одно счастье — Люба. «Ваш принц что делает? — смеивался Менделеев, спрашивая у Бекетова про внука. — А то наша принцесса уже пошла гулять». «Принцессой» он называл свою двухлетнюю дочь, а «принцем» — трехлетнего Сашуру Блока. И не зря, наверное. Ведь только трехлетний «принц», возвращаясь с дедом из леса, мог, встретив синеглазую двухлетнюю «принцессу» в плюшевом пальто, сидевшую на руках у матери, вдруг протянуть ей собранный им букет ночных фиалок. Это был первый букет будущего поэта его первой «Прекрасной Даме»!

Правда, эти встречи закончились вместе с детством, но... возобновились с приходом юности. Сохранилась любительская фотография любительского спектакля: совсем юная девушка в костюме Офелии стоит лицом к зрителю, а ее созерцает коленапреклоненный юный Гамлет.

«У обоих удивительные лица, — передала свое впечатление от снимка одна мемуаристка. — Никогда, ни в каком девичьем лице я не видела

такого выражения невинности, какое было у нее. Это полудетское, чуть скуластое, некрасивое по чертам лицо было прекрасно. А его лицо — это лицо человека, увидевшего небесное видение».

Принц и его избранница...

После спектакля они так и ушли в костюмах. И пока семнадцатилетний принц и шестнадцатилетняя Офелия медленно спускались от сенного сарая, преображенного в театр, под гору, впереди медленно прочертил путь большой, сияющий голубизною

перешел на славяно-русское отделение филологического факультета. Сдал выпускные экзамены в 1906 году. И...

И продолжилась самостоятельная, уже взрослая жизнь, которая началась за три года до этого. 17 августа 1903 года Александр обвенчался с Любовью Менделеевой в церкви Михаила Архангела в Тараканове — между Бобловом и Шахматовом. После того любительского спектакля они «вдруг» словно заново познакомились и полюбили друг друга...

Ему невероятно везло: все его мечты сбывались. Он стал поэтом, как хотел, женился на «Первой тайне» и «Последней надежде», наконец, захотел счастья и получил его. Но... не сумел удержать — на слишком большую высоту поднял он свою Прекрасную Даму. Ей же там было неуютно и холодно, хотелось обычных человеческих отношений, тепла. Увы...

метеор. И обоим это показалось предзнаменованием.

«Кто знает, где это было? Куда упала Звезда?» — напишет Блок в стихотворении «Тебя скрывали туманы». В одном из сотен стихотворений. Но первую — безуспешную — попытку их опубликовать в журнале «Мир божий» он решился только в 1900-м году, уже будучи студентом юридического факультета Петербургского университета. Почему он выбрал юриспруденцию — он и сам, пожалуй, не знал. Но, прослушав два курса, понял, что это «не его» и

Блок любил Любу страстно, истово, возвышенно. За полгода до свадьбы он написал ей в одном из писем:

«Ты — Первая моя тайна и Последняя моя Надежда... Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться... все будет Твое, от Тебя и к Тебе... Я — Твой раб, слуга, пророк и глашатай. Зови меня рабом».

А в следующем письме напугал ее почти до полусмерти:

«Вели — и я убью первого и второго и тысячного человека из тол-

пы... Вся жизнь в одних твоих глазах, в одном движении».

Все — крайности, все — на уровне полумистического экстаза, обожествления любимой, стремления служить ей как Высшему существу.

А она — она была вполне земной девушкой, захваченной этим неуправляемым потоком страсти.

Ему невероятно везло: все его мечты сбывались. Он стал поэтом, как хотел, женился на «Первой тайне и Последней надежде». Наконец, захотел счастья — и получил его. Но... не сумел удержать. На слишком большую высоту поднял он свою Прекрасную Даму. Любви Менделеевой было там неуютно и холодно, хотелось человеческих отношений, человеческого тепла. Увы...

То же самое происходило и с творчеством. Сейчас в это невозможно поверить, но стихи Блока отвергались маститыми поэтами, критиками и редакторами журналов довольно долго. «Не поэт, и никогда им не будет» — вот приговор, вынесенный двадцатилетнему Блоку. Подавляющее большинство «молодых дарований» на этом бы и закончило свой творческий путь, но не Блок.

Вот отрывок из его «Автобиографии»:

«От полного незнания и неумения сообщаться с миром со мною случился анекдот, о котором я вспоминаю с удовольствием и благодарностью: как-то в дождливый осенний день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами к старинному знакомому нашей семьи, Виктору

Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Он редактировал тогда «Мир божий». Не говоря, кто меня к нему направил, я с волнением дал ему два маленьких стихотворения, внушенных Сирином, Алконостом и Гамаюном В. Васнецова. Пробежав стихи, он сказал: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься этим, когда в университете бог знает что творится!» — и выпроводил меня со свирепым добродушием. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать об этом приятнее, чем обо многих позднейших похвалах.

После этого случая я долго нигде не совался, пока в 1902 году меня не направили к В. Никольскому, редактировавшему тогда вместе с Репиным студенческий сборник...»

Блок расплывчато пишет «направили», а за этим стоит очень многое, прежде всего, знакомство с поэзией Владимира Соловьева, творчеством Брюсова и других поэтов-символистов. А главное — близкое знакомство с семьей Соловьевых (Ольга Михайловна Соловьева была двоюродной сестрой матери Блока). Молодой поэт, незаметно для себя, втянулся в сложную творческую атмосферу этой семьи.

Летом 1901 года он уже прямо называл Владимира Соловьева «властителем» своих дум, буквально пропитывался его поэзией, овеванной мистическими предчувствиями.

А в июне 1901 года появляется «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» — одно из важнейших стихотворений «мистического лета»,

знаковое во всем будущем творчестве. О.М. Соловьева, «ужасно придирчивая насчет стихов», писала матери Блока об огромном впечатлении, которое его стихи произвели на приятеля ее сына Сергея Бориса Бугаева (впоследствии известного под псевдонимом Андрей Белый), и советовала послать стихи Брюсову. Андрей Белый впоследствии сыграет роковую роль в семейной жизни Блока. А Брюсов...

рекая ему «большого будущего», однако не отказали ему в публикации.

Год прошел в бесконечных творческих спорах, которые самому Блоку уже становились тяжелы. Правда, конец его оказался успешным: в ноябре на студенческом балу в зале Дворянского собрания Люба Менделеева дала согласие стать женой Блока, а в конце декабря М.С. Соловьев сообщил, что его стихи приняты к публикации

Любовь Менделеева и Александр Блок

Символисты не принимали и не понимали Блока, и Валерий Брюсов высказался категорически: — «Блока знаю. Он из мира Соловьевых. Он — не поэт».

Вскоре произошло знакомство Блока с З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским, которые оказали на него огромное влияние. Сначала они «разбранили» стихи Блока, не пред-

В. Брюсовым для альманаха «Северные цветы».

В марте следующего, 1903, года стихи Блока были впервые напечатаны в журнале «Новый путь» Гиппиус и Мережковского и, почти одновременно, в альманахе «Северные цветы» и «Литературно-художественном сборнике студентов Петербургского университета». Его мечта, наконец-то исполнилась. А в

ноябре он получил от московского издательства «Гриф» предложение выпустить сборник стихов.

К этому времени Блок изменился почти полностью. Он прошел через период увлечения Мережковским, переписку с Гиппиус и с Андреем Белым, через сопротивление их надуманным теориям и метания от одного лагеря к другому.

Казалось, ничто не предвещало такого хода событий. Напротив, во время приезда в Москву в январе 1904 года Блоки познакомились с

кий, широкоплечий, но с тонкой талией; и молодая нарядная дама... Веселые, молодые, изящные, распространяющие запах духов. Студент и курсистка, «царевич с царевной». В оливковой моей гостиной все сели в старофасонные потертые кресла и заговорили о Москве. И вдруг я, как сорвавшийся с горы камень, полетел и понес чепуху. И Саша застенчиво улыбнулся... Улыбнулся душой моей душе. И с этой минуты я по-новому, без памяти влюбился в него».

Б *лока принято описывать как холодного, надменного петербуржца, «певца туманов», сдержанного и желчного человека. Частично мы обязаны этим портретом его современнику — графу Толстому, который вывел поэта под именем Бессонова в романе «Хождения по мукам». Но это описание, скорее, карикатурно, чем правдиво. И только недавно начало открываться, что было два Блока: канонический — петербургский и неизвестный — московский*

Белым, проводили с ним почти все время и еще теснее сблизились с ним и с Сергеем Соловьевым. Следующим летом Белый и Соловьев долго гостили у Блоков в Шахматове.

Зимой 1904 года молодая чета Блоков приехала в Москву. И первый визит был, конечно, к Борису Бугаеву — Андрею Белому.

«Меня спрашивают в переднюю, — вспоминал позже Белый, — вижу: стоит молодой человек и снимает пальто, очень статный, высо-

Молодожены поселились в двухэтажном белом домике на Спиридоновке. Примерно на этом месте стоит сейчас памятник Блоку, совершенно затерявшийся среди высоких зданий более поздней постройки. Об их житье здесь вспоминали и Сергей Соловьев, и Андрей Белый. Вспоминали, как первый приходил сюда всегда с белыми лилиями, а второй — непременно с розами. Как приходили сюда Брюсов и Бальмонт, как Блок бегал в угловую ла-

вочку за сардинками, а Люба разливала гостям великолепный борщ. Бальмонт декламировал посвященные Любе стихи: «Я сидел с тобою рядом, Ты была вся в белом...» Он, писал Белый, «выбрасывал» строчки как перчатки — с надменством: «Вот вам — дарю!» Брюсов, напротив, читал, словно подавал на стол «блюдо в великолепнейшей сервировке: «Пожалуйста-с!»

А сам Белый ходил и спрашивал: — «Хорошо? Правда? Хорошо, что приехал Блок? Вам нравится Любовь Дмитриевна?»

— Еще бы! — кричали поэты.

Но, когда расходились, когда гасли парадные канделябры, лишь двое гостей оставались тут до зари: Белый и Соловьев. Именно тогда они и основали «Братство Рыцарей Прекрасной Дамы». То есть Любы. «Мы даже в лицо смотреть ей не смели, боялись осквернить ее взглядом, — писал Белый. — Она, светловолосая, сидела на диване, свернувшись клубком, и куталась в платок. А мы поклонялись ей...»

Господи, как же, наверное, в конце концов, наскучили Любове Дмитриевне, земной до мозга костей женщине, эти сверхизысканные ухаживания! Как не могла она понять людей, одинаково восторгавшихся и борщом, и сардинками, и Прекрасной Дамой! Может быть, в одну из таких ночей и начало зреть в ней желание уйти на сцену и притворяться там, где это необходимо?..

Блока принято описывать как холодного, надменного петербуржца, «певца туманов», сдержанного и желчного человека. Частично мы обязаны этим портретом его современнику — «красному графу» Алексею Толстому, который вывел поэта под именем Бессонова в «Хождении по мукам». Чего больше в этом описании — зависти или ненависти — трудно сказать, но оно, скорее, карикатурно, чем правдиво.

И только недавно начало открываться, что было два Блока: канонический — петербургский и неизвестный — московский. В какой-то полушутливой юношеской анкете на вопрос, как он хотел бы умереть, Блок ответил: «На сцене от разрыва сердца». Он ведь одно время мечтал стать актером, даже выбрал себе сценический псевдоним — Борский. Псевдоним так и не пригодился, сценой стал Петербург, а Москва... Москва была родным и живым закулисьем.

Да, их было двое: утренний и вечерний, светлый и темный, трезвый и пьяный, добрый и злой. Мы знаем только одного, даже его жена в книге воспоминаний через много лет написала: «Рассказать... другого Блока, рассказать Блока, каким он был в жизни? Во-первых, никто не поверит; во-вторых, все будут, прежде всего, недовольны — нельзя нарушать установившихся канон».

Канонический Блок — мрачный мистик, подверженный приступам депрессии. Много и тяжело пьющий, презирующий женщин, но пользую-

Андрей Белый

щийся ими как куклами. И неизвестный нам доселе Блок — светлый, счастливый... московский! Он любил Москву, и именно в Москве в октябре 1904 года вышел первый сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме». В него вошло около 100 из 800 стихотворений, написанных, начиная с 1897 года. В авторе критика единодушно признала ученика и последователя Вл. Соловьева, а в образе Прекрасной Дамы увидела одно из воплощений Вечной женственности, Души Мира.

Это был звездный час Блока. Абсолютное, ничем не омраченное счастье. Гармония в творчестве, любви и дружбе. Вольный московский воздух. Блок даже хотел переехать в Москву, но... не сложилось. Вернувшись в 1905 году после кани-

кул в Шахматове в Петербург, он сразу ощутил нарастающую тревогу вокруг. В октябре забастовки охватили множество фабрик и заводов, железные дороги. Люди запасались провизией, многие лавки были закрыты. Все эти дни Блок бродил по городу и наблюдал за происходящим. Вспоминают, что осенью 1905 года, после «Манифеста 17 октября» он участвовал в какой-то восторженной демонстрации по поводу «победы» и даже нес красное знамя. Что это было? Романтика революции? Да, безусловно, ибо мало кто из творческой интеллигенции тех лет избежал этой лихорадки. Напротив, страстно, исступленно призывали к революции, к низвержению всего, к очищению...

В мае 1906 года Блок окончил университет, а в сентябре переехал с женой на новую квартиру на Лахтинской улице. Он жадно впитывал в себя новую для него атмосферу: голоса со двора, плач шарманки и даже чье-то пение за стеной по вечерам, и исступленно работал над составлением второго сборника стихов «Нечаянная радость».

Работа шла тяжело: наступил период первого (и далеко не последнего) семейного кризиса. Поводом стали весьма двусмысленные отношения Любови Дмитриевны с Андреем Белым — ей было невероятно трудно сделать выбор между двумя сложнейшими личностями.

Но конфликт между Белым и Блоком был неизбежен и без Любы.

Уж слишком разными они были. Зинаида Гиппиус отмечала:

«Серьезный Блок — и весь извиняющийся Боря... Блок весь твердый, точно деревянный... Боря весь мягкий, сладкий, ласковый... Блок исключительно правдив... Бугаев... исключительно неправдив. Блок по существу верен... Бугаев — воплощенная неверность... Но если в Блоке чувствовался трагизм — Боря был... мелодраматичен...»

Именно эта мелодраматичность продиктовала Белому жуткую фразу, брошенную при встрече в Москве в 1906 году: «Один из нас должен погибнуть...», и определила последующий вызов на дуэль. И именно непостоянство заставило чуть ли не немедленно отказаться от этого вызова, попутно обвинив Блока в «лакействе» перед толпой, в «предательстве» своего дара. Теперь уже Блок был вынужден вызвать Белого на дуэль, но тот после почти двенадцатичасового разговора сумел добиться хоть и зыбкого, но примирения. Блок уехал в Петербург, напутствуемый словами: «Так будем же верить и не позволим людям стоять между нами». Хэппи-энд? Если бы! Почти через четверть века Андрей Белый с нескрываемым раздражением бросил в разговоре с одним знакомым:

— Откуда взялся миф о нашей дружбе с Блоком? Мы с ним были дружны всего два года. Остальные годы изжили все... Первая скрипка! Но только первая скрипка!..» Похоже, Гиппиус была права, ког-

да подметила суть Белого в его неверности.

А что же Любовь Дмитриевна? После нескольких тяжелых встреч все трое решили, что в течение года им не следует встречаться — чтобы потом попытаться выстроить новые отношения. Но «Прекрасная Дама» не выдержала его же установленного срока — увлеклась сначала поэтом Чулковым, потом — Всеволодом Ивановым, тоже другом Блока.

Личная драма была для Блока окончательным крушением романтических иллюзий. Тоска по подлинному чувству и горькое сознание фантастичности его в окружающем мире с поразительной силой выразились в стихотворении «Незнакомка», написанном в апреле 1906 года. Это ведь его жена «дыша духами и туманами» сидела одна в сомнительных ресторанах, дожидаясь очередного любовника...

Справедливости ради следует сказать, что Блок и сам не был образцом супружеской верности. 8 апреля 1907 года вышел из печати очередной его сборник «Снежная маска», посвященный Н.Н.В. — актрисе Наталье Николаевне Волоховой. Роман с ней был бурным, речь даже заходила о разводе и новом браке. Но Волохова отказалась продолжать роман с Блоком и, в конце концов, — подружилась с Любовью Дмитриевной. «Любовный треугольник» стремительно превращался в сложный многоугольник — с надрывом, горечью, примирениями и слезами со

всех сторон. От всего этого немудрено было сойти с ума!

Кстати, по мнению критиков, «Снежная маска» завершила период «мистического романтизма», то есть стремления к реализации «неба на земле». Из «Снежной маски» органично родился в 1908 году сборник «Земля в снегу»: итоги всего пережитого за это время. В том же 1908 году Блок, которого недруги считали «слишком жадным до славы», наотрез отказался от вошедших в моду публичных выступлений, объяснив это тем, что «нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного».

Сам же поэт летом 1908 года увлекся патриотическими настроениями и создал поэтический цикл «На поле Куликовом». Отныне тема Родины будет постоянной в его поэзии. Интимная лирика как-то незаметно отошла на второй (если не на третий) план. И немудрено: «Прекрасная Дама» родила сына... от какого-то начинающего актера...

Блок решил считать его своим, наивно полагая, что ребенок означает собой начало новой жизни. Младенца окрестили Дмитрием, но он прожил всего восемь дней. Ровно столько времени знакомые встречали Блока спокойным, с приветливым лицом, нежной улыбкой и потеплевшим голосом. А потом он переживал смерть «сына» гораздо сильнее своей жены... «Сегодня рождение Мити — 5 лет», — горькая запись в переломном 1914 году.

От навалившейся тоски поэт попытался спастись за границей. «Из всех сил постараюсь я забыть всякую русскую «политику», всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти... Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую родину — Европу, и Италию особенно...»

Но ведь пришлось вернуться... Вернуться во все сгущавшиеся сумерки, ко все более трагичным стихам, к череде утрат. 1 декабря 1909 года умер отец Блока, Александр Львович. Поэт спешно выехал в Варшаву, хотя отца он знал плохо, это имя в доме поэта произносилось редко и неохотно. У гроба отца Блок получил весть о смерти Иннокентия Анненского. В начале 1910 года умерли Вера Комиссаржевская и Михаил Врубель.

«С Комиссаржевской умерла лирическая нота на сцене, — писал он впоследствии, — с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства... С Врубелем я связан жизненно...»

К 1911 году Блок увлекся «политической». Скупил целую серию революционных книжек, выпущенных в предшествующие годы, не раз давал деньги на «политические цели», попадаясь, по своей доверчивости, даже на удочку авантюристов и мошен-

ников. Мысль о революции волновала его, он жадно прислушивался к тому, что говорят на эту тему. Отстранившись от участия в жизни литературно-театральной богемы, он начал поэму «Возмездие», готовил к изданию «Собрание стихотворений» в трех томах, выпущенных к 1912 году. И в то же время писал в дневнике: «Надоели все стихи — и свои... Скорее отделаться, закончить издание «собрания» — и не писать больше лирических стишков до старости...»

Еще одна несбывшаяся мечта...

И при всем этом — тьма романов — однодневных и более длительных, принесших Блоку недобрую славу циника и губителя женщин. Бог мой, они сами жаждали быть погубленными им! И не только светские, полусветские и богемные дамы, но и восторженные девушки-курсистки. Такие, как Надежда Нолле-Коган, которая, по словам самого поэта, любила его всю жизнь.

Первая их встреча состоялась в 1912 году. Она, москвичка, жила тогда в Петербурге. Ее муж, Петр Семенович Коган, служил приват-доцентом Петербургского университета, а она училась на филфаке Бестужевских курсов. И как-то в мае возвращалась под вечер с Островов...

«Я возвращалась с Островов. Уже темнело. Я проголодалась и зашла в кафе. Заняв свободный столик, пошла звонить по телефону. Вернувшись, застала сидящего за моим столиком Блока. Но в этот мо-

мент соседний столик освободился, и Блок, извинившись, пересел»...

Вот и все. Блок и не вспомнил бы об этом эпизоде, не получи он год спустя письмо с одной-единственной фразой: «Могу ли я посылать Вам цветы?» «Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма», — вежливо ответил он. И полтора года Блок получал букеты роз. А потом Надежда решила...

«День был снежный, бурный, — писала она. — Проводив мужа, я перешла Дворцовый мост и медленно направилась в сторону Офицерской... Решительно отворила дверь подъезда, поднялась на четвертый этаж и позвонила... Отворила опрят-

ная горничная.... «Барина дома нет», — сказала она, но я почему-то не поверила и сказала: «Ну, что же, я вернусь через два часа». Прислуга изумленно взглянула на меня...»

Через два часа она вернулась с букетом алых роз. И встретила с Блоком, который узнал ее по этим цветам. Так начался этот почти семилетний роман — единственный «московский» роман поэта, ибо Надежда вскоре вернулась в Первопрестольную. Блок подарил ей шесть своих книг. На последней, на сборнике «Седое утро», написал: «Это самая печальная моя книга. Октябрь 1920».

Надежда помогала ему выпускать книги, искать издательства, вести переговоры с театрами, устраивать его вечера, собирать посылки... И останется «безмолвной Музой», тайной любовью, последним утешением Блока тогда, когда уже всякие утешения были бесполезны.

Войну Блок воспринял, как бы сейчас сказали, неадекватно — обрadowался.

Летом 1914 года он сказал по телефону Зинаиде Гиппиус:

— Война — это, прежде всего, весело!

Гиппиус трактовала эту фразу так: «Веселость» — от надежд и предчувствий решительного переворота. Быть может, вначале эта война рисовалась Блоку какой-то аналогией Отечественной войны 1812 года...»

В годы войны Блок выпустил сборник «Стихи о России», закончил поэму «Соловьиный сад», работал над поэмой «Возмездие». Мобилизация застала его врасплох.

«Я не боюсь шрапнелей, но запах войны и сопряженного с ней — есть хамство... Все-таки им уловить меня не удастся, я найду способ от них избавиться», — записал он в дневнике.

Он явно имел в виду самоубийство, но до этого дело не дошло. В июле 1916 года его все-таки зачислили табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов, и отправили в Пинские болота.

Но произошла Февральская революция, и Блок при первой же возможности вырвался в Петербург. Как ему казалось — к началу абсолютно новой жизни.

«Мир, мир, только бы мир! Теперь готов я на всякий мир, на самый похабный... Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не войду в партию, никогда не сделаю выбора, я ничего не понимаю», — это уже октябрь, это уже крах всех надежд...

И все же в первые месяцы после Октября, по свидетельству ближайших к нему людей, Блок — молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами. Ведь революция не погибла, революция продолжается, или, лучше сказать, — только начинается! Она пробудила в нем подъем творческих сил. На рубеже 1917 и 1918 годов Блок оказался в числе немно-

гих, кто принял революцию, и уже 8 января 1918 года он начал писать поэму «Двенадцать», оказавшуюся для него роковой.

Поэма была закончена 28 января 1918 года, а 30 января было написано воистину пророческое стихотворение «Скифы». Тогда же в статье «Интеллигенция и Революция» Блок писал: «Мы переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Лундберг и тут же спрашивал: — Но что будет он делать после «Двенадцати»?»

Доживать. Работать — по протекции Горького — в издательстве «Всемирная литература» главным редактором отдела немецкой литературы. Блок стал членом совета Дома искусств, а в 1920 году — председателем Петроградского отделения Союза поэтов. Новые стихи писать было некогда.

Большевики достойно оценят Блока, его жизнь и творчество. А бе-

К

1911 году Блок увлекся политикой. Скупил целую серию революционных книжек, не раз давал деньги на «политические цели». Мысль о революции волновала его, и он всегда жадно прислушивался к тому, что говорят на эту тему. Отстранившись от участия в жизни литературно-театральной богемы, он начал работать на поэмой «Возмездие», готовил к изданию «Собрание стихотворений» в трех томах, но при этом писал в дневнике: «Надоели все стихи — и свои...»

О, как впоследствии любили цитировать этот пассаж идеологические чиновники нового режима! И публикацию лирических стихов-то позволили лишь потому, что Блок был автором этой статьи и поэмы «Двенадцать». Поэмы, которая навсегда отрезала его от большинства творческой интеллигенции того времени.

«Такого в русской литературе еще не было, — писал в марте 1918 года в дневнике писатель Евгений

Лундберг и тут же отвернулся от него: сам адмирал Колчак пообещал: «Если возьмем Петроград, то, прежде всего, повесим Горького и Блока».

На Блока навалилась огромная усталость, усугубляемая тысячью мелких, будничных, неотступных забот. Каждый день — часы заседаний, горы рукописей, на которые он аккуратно писал рецензии, хлопоты за людей, книги. Забота о больных матери и отчине, который вскоре умер. Стрессы от «уплотнений», пе-

реездов, голод, необходимость рубить мебель на дрова, продавать вещи... И первые симптомы болезни, которая вскоре сведет его в могилу.

Незадолго до смерти Блоку привезли из сожженного Шахматова уцелевшие обрывки бумаг, архива, на которых были «грязь и следы челове-

сказал соседу, что крикнувший — прав.

«Я действительно стал мертвецом», — повторял он, рассказывая об этом эпизоде Надежде Нолле, с которой в этой поездке не расстался ни на один день. Она провожала его в Петроград, еще не зная, что больше никогда его не увидит:

Блок, Сологуб и Чулков

ческих копыт (с подковами)». А ведь сам торопил, звал очистительную, справедливую революцию. Правда, не он один...

Зато мысль об эмиграции была для него неприемлемой абсолютно. Неприемлемой даже тогда, когда во время последней поездки в Москву на одном из его выступлений кто-то из слушателей крикнул, что стихи, прочтенные Блоком, мертвы — и сам он мертвец. Поднялся шум возмущения. Но Блок со странной улыбкой

поезд увозил Блока умирать. Из окна вагона поэт сказал:

— Прощайте, да, теперь уже прощайте...

На том выступлении в Доме искусств на Поварской, где его называли мертвецом, присутствовала и Марина Цветаева. «Худое желтое лицо с запавшими щеками... большие ледяные глаза, короткие волосы — некрасивый... Одежда сидит мешковато, весь какой-то негну-

щийся — деревянный!.. В народе бы сказали: «убитый», — писала она позже. И добавляла в свойственной ей манере: «Все! все! все в мире бы отдала за то, чтобы — ну, просто, чтобы он меня любил!» Радовалась, что вокруг него «изумительные уроды», что он некрасив и других не очаровывает: «Значит — больше мой!»

О да! Ее — это главное. Пусть мертвый, но только ее. Ведь Марина написала свои знаменитые стихи Блоку за пять лет до смерти поэта. Недрогнувшей рукой вывела:

*«Мертвый лежит певец
И Воскресенье празднует...»*

А уж ей ли было не знать, что все зарифмованное — сбывается? Как она могла? Она, боготворившая его?

Маяковский, тоже присутствовавший на том чтении, в Доме искусств, просто зевал. А потом написал:

«Я слушал его в зале, молчавшем кладбищем, он читал старые строки о цыганском пении, о прекрасной даме — дальше дороги не было. Дальше смерть...»

И Маяковский — тоже... Хотя всегда твердил о своем преклонении перед Блоком. Особенно после выхода «Двенадцати»...

То, что не смогли сделать голод, холод, тяжелая работа, сделало это последнее публичное выступление Блока в Москве — надорвало его сердце. За год до смерти он купался в ледяном заливе, косил, копал, пи-

лил и колол дрова, таская их на четвертый этаж, и до последнего дважды в день совершал 10-километровые «походы» на службу, доведя себя до полного нервного и физического истощения. Официальный же диагноз был «воспаление сердца» или, как сказали бы сейчас, «подострый септический эндокардит».

«Он умер от «Двенадцати», как умирают от разрыва сердца», — сказал Георгий Иванов. А Гумилев, никогда не питавший к Блоку дружеских чувств, признавал: «Он удивительный... Если бы прилетели к нам марсиане, я бы только его и показал — вот, мол, что такое человек».

Марсиане не прилетели, а свои «небожители» решали вопрос о возможной отправке Блока в специальный санаторий в Финляндии, где ему могли реально помочь. О выезде ходатайствовал Горький: еще в мае он написал об этом Луначарскому. Тот молчал почти месяц. Тогда Всероссийский Союз писателей обратился к Ленину. Ленин не ответил, а Луначарский свое письмо передал в ЦК лишь 10 июня. Там долго решали: выпускать или не выпускать, будет он там писать «вредные» стихи или не будет? Смертельно больной человек!

(В 1995-м открыли протоколы Политбюро, и стало известно, что ЧК лишь 29 июня доложила Молотову, секретарю ЦК, что... «не видит оснований» для выезда Блока). Тогда Луначарский обратится к Ленину

лично: «Я еще раз... ходатайствую о немедленном разрешении Блоку выехать в Финляндию». Ленин на полях напишет: «Тов. Менжинский. Ваш отзыв?..» Член коллегии ВЧК Менжинский отозвался немедленно: «По-моему, выпускать не стоит...» На Политбюро Троцкий и Каменев проголосовали «за» выезд. Ленин, Зиновьев и Молотов — «против». Тогда, вновь с подачи Горького, Луначарский направил очередное послание в ЦК:

«Решение ЦК РКП по поводу Блока кажется мне плодом недоразуме-

вать результат, который получится вследствие вашего решения. Блок умрет недели через две, и тот факт, что мы уморим талантливейшего поэта России, не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению».

Лишь после этого Ленин присоединился к меньшинству, и Блоку разрешили выезд. До его смерти оставалось два дня...

Жизнь уходила... По ночам его мучили кошмары, высокая температура, сильные боли в мышцах, он боялся ложиться и проводил все

Н *а Блока навалилась усталость, усугубляемая тысячью мелких, будничных забот: часы заседаний, горы рукописей, на которые он аккуратно писал рецензии, хлопоты за знакомых и незнакомых людей, забота о родных, стрессы от «уплотнений», переездов, голод и первые симптомы болезни, которая вскоре сведет его в могилу... Но, при всем этом, мысль об эмиграции была для него абсолютно неприемлемой...*

ния. Кто такой Блок? Поэт молодой, возбуждающий огромные надежды, вместе с Брюсовым и Горьким, главное украшение нашей литературы. Человек, о котором «Таймс» недавно написала большую статью, называя его выдающимся поэтом России. Блок заболел тяжелой ипохондрией, и выезд за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти. Но вы его не отпускаете. Могу заранее предска-

время в кресле. Он задыхался и порой кричал от болей в сердце. Мать приехала за четыре дня до его смерти. И только жена все время была при нем, и по ее заплаканным глазам приходящие гадали о состоянии поэта. Смерть наступила в 10 часов 30 минут 7 августа 1921 года, в тот самый день, когда прибыл его заграничный паспорт.

На Смоленское кладбище 10 августа поэта принесли на руках. По

залитым августовским солнцем пустынным улицам города гроб провожало около полутора тысяч человек — огромная толпа в обезлюдевшем Петрограде 1921 года. Его похоронили без речей, под старым кленом и поставили высокий белый крест.

К 20-й годовщине смерти Блока, по инициативе Союза писателей, прах его решили перенести на Литераторские мостки Волковского кладбища. Никого из Союза писателей на перезахоронении не было. В 1946 году на могиле поэта установили обелиск с барельефным портретом.

Блок так и не узнал о рождении у Надежды сына, но в последнем письме написал: «Во мне есть, правда, 1/100 того, что надо было передать кому-то, вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человек мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть, и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно, прежде всего, совесть...»

Анна Ахматова написала на смерть Блока:

*«А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травкою стелется,*

*И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские.*

*А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской
заступнице,*

Надежда Коган с сыном

*Принесли святой богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого».*

«Трагический тенор туманов» оборвался навсегда. □

Светлана
Леонтьева

Секрет одного одеяльца

И стоят деревья, закутанные в вязанные шубки из овечьей пряжи. Сказать, что это красиво, значит, не сказать ничего. Это просто восхитительно! Нити подбирают самые яркие, сочные. Эти украшения не тлеют, не гниют. Целый город прорастает из пряжи, тянет свои ветви ближе к солнцу, все происходит естественным образом: дождик отмывает от пыли и грязи, а ветерок и светлые солнечные блики подсушивают.

Итак, первая свадебная ночь у каждой влюбленной пары своя. Описывают многие необычную холодность

восемнадцатилетней Натали Гончаровой и пылкость тридцатидвухлетнего Александра Сергеевича. Это

словно луна и солнце (солнце русской поэзии). Натали Гончарова в порыве могла упасть на колени, как в детстве пред отцом: «Поиграй мне на скрипочке, папочка...» Известный факт, что отец Натальи Николаевны страдал припадками, и с детства, когда только Натали научилась ходить, она становилась на колени, боясь наказания и криков со стороны родителей, которых очень любила.

Но неужели трудно понять боязливость неискушенной молодой и чистой Натали? Любая девица испугалась бы прикосновений и ласк от малознакомого человека — Пушкина до свадьбы Натали видела всего несколько раз. Мгновенно воспламениться всегда сложно, да и во французских романах про интим мало что говорилось... А что читала Наташа, какие книги? Те же, что читали современницы.

А еще она занималась рукоделием. Мало кто помнит, что она сама своими руками связала гарусное одеяло. Гарус — это особый вид пряжи. Это может быть плоская тесьма, унизанная черным жемчугом и желтым бисером.

А еще гарус — это хлопчатобумажная набивная ткань с геометрическим наполнением линий. В Зауралье гарусом называют тонкую шерстяную нить.

Именно из такой Наталья Николаевна Гончарова связала детское одеяльце. Его несколько раз при-

возили на выставки, организованные ко дню рождения Пушкина.

В 18 лет девушки обычно наивны. Тем более, если это 19 век. Обычно опыт приобретается со временем. Какое такое любовное время было у Натальи? Балы? Завтраки с гостями? Общение родителей между собой? То есть опыта обольщения не было никакого. Наталья — чистый лист. А Пушкин, как он писал о себе — повеса, женолюб, страстный любовник доступных дам.

Письма Пушкина широко изучены до каждой запятой и восклицательных знаков. Есть письма от 30 сентября 1830 года из Болдино в Москву. Они хорошо сохранились:

«...Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка... Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст... Прощайте же, мой ангел. — Сердечный поклон Наталье Ивановне; от души приветствую ваших сестриц и Сергея. Имеете ли вы известия об остальных?»

Есть письмо от 22 сентября 1832 года, где Пушкин подробно пишет, что провел пять дней «с пятью немецкими актрисами в желтых кацавейках и в черных вуалях...»

А еще письмо от 30 сентября, где он приводит текст песни «Не дай

бог хорошей жены» и поясняет — ведь хорошую жену часто в пир зовут...» А еще — «целую кончики ваших крыльев...»

Но есть одно письмо, адресованное Пушкину, оно от 1 мая 1834 года. Но это не самостоятельное письмо, а приписка к письму матери — Натальи Ивановны Гончаровой:

Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас».

Но одеяльце, связанное руками Натали, это и есть самое главное письмо Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной.

Попробуем разгадать по рисунку, что там написано, ибо иных писем

Считается, что Пушкин всегда с нами: его сердце стучит из-под корней деревьев в самом центре Большого Болдино. Здесь яблони в свете восходов приобретают оттенки, словно становятся полосатыми, окутанными цветной пряжей столетий, и кажется, что вот-вот, и появится знакомый силуэт поэта... Это он покупает корзину яблок, выбирает мед, это для него поют птицы, ловко взлетая с ветки дерева... Уникальные, значимые места... И мы их продолжаем защищать и беречь...

«С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий от нас; это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают и ее, и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности.

пока не найдено, хотя идут поиски.

Итак, читаем — вязь крючком, по краям обвязка из трех разных цветов. Красный — это любовь (люблю, люблю, люблю!), синий — преданность, верность (я тебе никогда не изменю, никогда, слышишь?), белый — нежность, цветение, благоухание (ты мой, и ничей более!)

Но дата вязки этого невероятного изделия — уже после смерти Пушкина: одеяльце было сделано для внучки Натальи Николаевны, матери семерых детей: четверых — от Александра Сергеевича и троих — от нового мужа Ланского П. П.

Ибо известно, что после смерти поэта Николай I приказал В. А. Жу-

ковскому опечатать кабинет покойного и разобрать все бумаги Пушкина. Есть сведения, что сохранилось его письмо шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, где сообщалось: «Оригинальные письма Пушкина... жена сама вызвалась дать мне прочитать; я их привел в порядок, сшил в тетради и возвратил ей».

Письма от Пушкина хранились у Натали как реликвия, далее они передались младшей дочери Наталье Александровне, а та отдала их для печати и обнародования в журнал «Современник» И.С. Тургеневу; по сведениям, их более десятка, остальные пока неизвестно где.

Также не сохранились письма к Пушкину от иных дам...и иным дамам, как, например, Е. Вульф, Е. Воронцовой. Ибо письмо — это очень личное, и тайну переписки еще никто не отменял.

Хотя любопытным всегда все любопытно...

Итак, вернемся к гарусовому одеяльцу и его тайным и явным знакам. Женщины часто вязали и шили, занимаясь рукоделием, коротали вечерние часы. Много пишут о том, что Пушкин в день сочетания браком так увлекся игрой в карты с друзьями, что пропустил время ночи, явившись глубоко после рассвета на следующий день, и заостряют внимание на этом. А молодая супруга проплакала всю ночь, ожидая суженого, но предпочитала до конца

своих дней не говорить о прискорбной для нее ночи.

Так ли это?

Нет. Скорее, все по-другому. Пушкин ушел к друзьям, не сбегая от Натальи, а, наоборот, приближая ее.

Представим: молодая девушка, не имеющая опыта в любовных утехах, должна привыкнуть к суженому. И, вообще, к своему новому положению замужней дамы, а не светской девицы. А тело — это не шурымуры. В Индии, например, перед близостью молодожены проводят семь дней в отдалении друг от друга. Они встречаются лишь пару часов в день, но не просто попить индийского чая, а невеста танцует пред жени-

хом. То есть любовь еще надо «на-танцевать»!

А Наталья Николаевна свою любовь навязала крючком — петелька к петельке.

Чередование красных полос с синими, а затем с белыми — это предзнаменование будущего, и не только семьи Пушкиных-Гончаровых, но и всей нашей страны.

Желтая полоса — это, если подумать, свержение царского строя.

Бирюзовая с зеленой — расширение нашей империи.

И если понимать язык сплетения и узоров, можно представить, как мчатся кони, встают башни Кремля, слышится гром орудий...

Это уже история. Но помимо истории утраченных писем Натальи Николаевны есть история из собрания С.М. Лифаря, который предлагал России за большие деньги прикупить у него эти письма взамен на возможность поставить пьесу на сцене Большого театра.

Россия не согласилась. Если ты хочешь разгадать загадку и дать истинный ответ на все вопросы, то дай, а не купи! Это две большие разницы.

А дети — они рождаются от большой любви. Значит, Натали и Александр любили друг друга так, что все остальное неважно.

Наоборот, Пушкин правильно сделал, что оставил бремя брачной первой ночи на ангелов. В данном случае уйти — это значит, поступить благородно. Ибо «нет» в устах Натальи в этот момент предвкусало много сладких «да»...

Считается что Пушкин всегда с нами: его сердце стучит из-под корней деревьев в самом центре Большого Болдино. Здесь яблони роняют свои лепесточки, они в свете восходов приобретают оттенки, словно становясь полосатыми, окутанными цветною пряжей столетий, кажется, что, вот-вот, и покажется силуэт поэта. И это он поутру покупает корзину яблок, выбирает мед, самый солнечный и сладкий, это для него поют птицы и ловко взлетают с ветки дерева.

А мы места, где Пушкин был-почивал, защищаем и бережем... Где он в бронзе отлит, кудрявый и светлый, где в трактире сидел с пирогами и щами...

Об этом говорит рисунок на одеяльце — в самой середине идет узор «букли»: много мелких цветочков, лепесточков и огромный плод — скорее всего, это яблоко, а рядом горсть ягод, созревших, сладких — это россыпь поцелуев.

Целуй, ласкай меня, прижимай к себе! Потом родятся наши дети. И внуки. И правнуки... — у гениев должно быть много детей...

А еще на одеяльце рисунок Московского Кремля с башнями.

И немного секретных изразцов, которые еще не разгаданы, но, надеюсь, со временем прочтутся...

А пока возьмем нити, пряжу, крючок для вязания и начнем учиться быть верными женами наших гениальных русских мужей!.. □

Матушка двух самодержцев

«Нехорошо, по многим причинам, чтобы женщина приобрела слишком обширные познания. Воспитывать в добрых нравах детей, вести хозяйство, иметь наблюдение за прислугой, блюсти в расходах бережливость — вот в чем должно состоять ее учение и философия».

(Из ученической тетради Софии-Доротей).

14 АПРЕЛЯ 1776 ГОДА.

Слуги такой разгневанной царицы не видели давно, поэтому и старались ни в коем разе не попадаться ей на глаза. Екатерина Великая, переходя из зала в зал, стучала кулаками по

развешанным гобеленам и колонам, бросала на пол красивейшие вазы, после чего...топала ногами.

И причина тому была более чем веская — она узнала правду о состоянии репродуктивного здоровья своей невестки. Ее, императрицу,

Мария Федоровна

Павел I

обманули гнуснейшим образом! Перед помолвкой с ее сыном Павлом Августа-Вильгельмина категорически отказалась от обследования медиками, ссылаясь на свою природную девичью стыдливость. Тогда Екатерина показывать свою власть и настаивать на тщательном осмотре будущей родственницы не захотела, посчитала, что истинная подоплека отказа кроется в ином: царская невеста до приезда в Россию уже успела познать мужскую любовь.

— Это, не столь уж важно. Все мы не без греха, — сказала она самой себе, так как будущую свекровь интересовало лишь плодовитость немецкой принцессы, которая победила в конкурсе невест, проводимом среди многодетных королевских семей Европы, и в 1773 году была обручена с цесаревичем Павлом. — И

медикусы тоже хороши, не смогли определить, что у жены Павла Петровича родовая травма, которая не дает возможности ребеночку живым и здоровым увидеть белый свет.

Будут наказаны, всенепременно!

Екатерина опустила в кресло и велела подать карету, дабы в последний раз навестить невестку...

Войдя в покои умирающей, она приблизилась к ложу невестки и процедила сквозь зубы: «Видите, что значит бороться со мною. Хотели устроить дворцовый переворот и отправить меня в монастырь. Так вот, сами уйдете, и гораздо дальше... прямо в сырую могилу!»

Первая жена наследника престола скончалась на следующий день после этой встречи. А Екатерина, не откладывая дела в долгий ящик, уже

*Павел I
и Мария
Федоровна
с детьми*

на следующий день после похорон принялась искать новую претендентку на должность матери ее внука.

На уговоры приближенных, что, мол, подобает соблюсти приличествующий полугодовой траур по усопшей, императрица не обращала никакого внимания.

И добилась своего. Не прошло и трех месяцев, как в Берлине состоялась встреча принцессы Софии-Доротеи и великого князя Павла Петровича.

Из письма Павла Петровича Екатерине II:

«Я нашел свою невесту такову, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, застенчива, отвечает умно и расторопно. Что же касается до сердца ея, то имеет она его весьма чувствитель-

ное и нежное. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкою».

Императрица против этой кандидатуры возражений не высказала, более того, была чрезвычайно рада, и тому было несколько причин:

Первая — без наследника власть в государстве не стабильна. Династия не должна, да и не может прерываться.

Вторая — отец претендентки был из города Штеттина, родного города самой Екатерины. А там плохих невест не выращивают!

Третья — родилась девушка в том же самом замке, где и принцесса Фике, превратившаяся, со временем, в Екатерину II.

И, наконец, главная — царица заметила девушку еще раньше,

Герхард фон Кюгельген. Портрет Павла I с семьей. Слева направо: вел. кн. Александр Павлович (23 года), вел. кн. Константин Павлович (21), вел. кн. Николай Павлович (4), императрица Мария Федоровна (41), вел. кн. Екатерина Павловна (12), вел. кн. Мария Павловна (14), бюст умершей в младенчестве вел. кн. Ольги Павловны (3), вел. кн. Анна Павловна (5), император Павел I (46), вел. кн. Михаил Павлович (2), вел. кн. Александра Павловна (17), вел. кн. Елена Павловна (16).

однако, когда настало время сочетать сына законным браком, она была почти ребенком, и только по этой причине ее удалили из списка на роль супруги будущего императора — большой северной стране нужен был наследник, а для этого важнейшего дела она была еще слишком мала!

Ну а ту проблему, что фактически София-Доротея была уже помолвлена с Людвигом Гессенским (родным братом совсем недавно скончавшейся первой жены наследника престола), решили быстро и банально — предложили несостоявшемуся мужу солидные откупные, от которых он не смог отказаться.

12 июля 1776 года.

В этот день состоялась помолвка, и в связи с этим знаменательным событием София-Доротея была награждена орденом святой Екатерины.

(Еще раньше она приняла православие и получила при крещении имя Марии Федоровны, а заодно и титул великой княгини).

В отличие от своей предшественницы она в политические дела не лезла. Как и свекровь, любила по утрам пить крепкий кофе, а через год подарила стране наследника Александра. И рожала детей с регулярным постоянством.

Император Александр I

Когда Марии Федоровне исполнилось тридцать девять, медикусы заявили ей, что десять сыновей и дочек, (из которых выжили девять!) более чем достаточно, и на этом стоит остановиться, дабы поберечь свое здоровье.

**1777 год. Санкт-Петербург.
Зимний дворец.**

Узнав об этом знаменательном событии, императрица пришла в неопиcуемый восторг:

— Наконец-то Господь всемило-
стивейший услышал мои молитвы и
подарил мне внука! Династия Рома-
новых будет продолжена на радость
всех верноподданных. Сегодня же
всем сие событие с размахом празд-
новать, а ночью темной — изрядно
фейерверки пускать!

Заметив, что стоящий поодаль
секретарь приготовился записывать,

Император Николай I

подошла к нему поближе и, с минуту поразмыслив, принялась диктовать указ:

«По случаю рождения первенца, великого князя Александра Павловича, его мать, Мария Федоровна, получает вместе с супругом в подарок 362 десятины земли, по берегам Славянки. Где по такому случаю, повелеваю возвести усадьбу, коей дать название — Павловское!

Далее, младенцев мужского пола буду воспитывать лично, держа, неусыпно при своей персоне!»

(В 1796 году село Павловское получило статус города Павловска и стало любимым местом проживания матери двух будущих императоров).

Конечно же, Мария прекрасно знала о печальной судьбе своей предшественницы, поэтому очень четко определила для себя рамки дозволенности, никогда и ни в чем

не перечила ни свекрови, ни супругу. Велела в одной из комнат дворца установить токарный станок и лично вытачивала на нем различные фигурки из дерева, кости и янтаря.

Но кротость этой женщины исчезла с того момента, как освободившийся после убийства Павла трон занял ее старший сын.

Мария Федоровна посчитала, что отныне на правах матери она может и обязана давать советы молодому монарху.

А самодержец, дабы выказать уважение к ней, в момент ее приезда в Санкт-Петербург повелевал выставить гвардейский полк и сам лично встречал мать, верхом на коне, облачившись по такому случаю в парадный мундир.

25 июня 1807 года, город Тильзит. Знаменитая встреча двух императоров

Александр I, подойдя к Бонапарту, стал представлять сопровождающих его людей:

— Сир, это моя мать, урожденная София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, мои генералы, — и лишь в самом конце, чуть замешкавшись, показал на женщину, замыкающую свиту, — а это моя супруга, Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза-Мария-Августа Баденская.

И Александр I, и сменивший его младший брат Николай всегда внимательно и с почтением выслушивали советы матери, даже, для порядка, их записывали, но каждый раз

поступали по-своему, считая, что нынешний ее удел — исключительно... благотворительность!

Досконально изучив эту сферу деятельности, вдовствующая императрица с немецкой дотошностью принялась за дело.

Она решила, что гораздо разумнее из переполненных домов подкидышей отдавать тамошних деток на воспитание в крепкие, проверенные, благонадежные семьи. Сирот мужского пола — до достижения оными семнадцати лет, женского — до пятнадцати, также было велено ограничить число лиц обоего пола, воспитывающихся в подобных домах числом не более полутысячи, в каждой из столиц. (После этого смертность среди младенцев в этих домах сократилась... в разы!)

Из письма близкой к императорскому двору М.С. Мухановой:

«Вдовствующая Императрица по своему положению должна была получать 200 000 р. карманных денег, но Государь просил ее принять миллион; из этого миллиона она тратила на свои прихоти и туалет только 17 000. Все прочее раздавалось бедным, а прежде всего она составляла капитал на свои заведения. Великим князьям она имела привычку дарить по 10 000 р. на именины, но в 1812 году она приостановила на год свои подарки, представляя на вид, что нужно помогать раненым и сиротам».

В империи, с легкой руки Марии Федоровны и при ее покровительстве, было открыто несколько жен-

ских учебных заведений: в столице, в Москве, в Харькове, в Симбирске и других губернских городах.

А еще она боролась с воровством и казнокрадством как могла. Наводила в бухгалтериях «настоящий немецкий орднунг», засиживалась до глубокой ночи, лично проверяя многочисленные бумаги. Придумала и впервые применила в нашей стране эндаумент 1. Однажды взяла, да и распределила все учреждения, за которые несла ответственность, по категориям: детские дома, больницы и так далее, и свой ежегодный миллион (за крайне небольшим вычетом на собственные нужды) перечисляла им. Но каждая из этих организаций имела право потратить лишь половину от выделенной суммы, оставшаяся же часть должна была храниться на депозитном счете в банке и приносить проценты, они также (подотчетно!) пополняли бюджет учреждений. Таким образом, получалось, что фонд целевого капитала рос и мог быть потрачен (но только с согласия попечительского совета) на чрезвычайные, одноразовые нужды.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна

1826 год

Будучи в Москве, Мария Федоровна посетила основанный ею воспитательный дом и нашла его перенаселенным. Тут же распорядилась оставить в его составе только классические курсы, а ремесленные классы для низших сословий — поместить в отдельном заведении, в Слободском дворце.

А два года спустя она скончалась. Похоронили ее (как и всех Романовых) в северном нефе Петропавловского собора перед иконой своего святого покровителя апостола Павла. Рядом с супругом и сыном-первенцем... □

Ненужный

*«Венец стариков — сыновья сыновей,
и слава детей — родители их»*

Притча 17:6.

Еще несколько минут назад я чувствовал спокойствие и умиротворение и не ведал, что может быть иначе. Теперь же незнакомое и неприятное ощущение медленно нарастало, что вызывало некий дискомфорт внутри; и хотелось только одного — плакать. Плакать, чтобы затмить таким способом наполняющую меня горечь и тревогу от чего-то, что с особой осторожностью хищника приближалось извне с целью овладеть то ли мной, то ли моим разумом. И что это такое — было непонятно и страшно. Спротивляться Ему у меня ни то чтобы не было сил или смелости, я просто не знал, как с Ним бороться. В этом незнакомом мире, в этой беззвездной вселенной я впервые сталкивался с этим чувством, уже понимая, как я слаб перед Ним, как беспомощен. Интуитивно понимая безысходность происходящего, я начал плакать навзрыд, дергая всеми конечностями и захлебываясь в собственных слезах и слюне. Никогда я не был таким беспомощным! Плач нередко выручал меня, успокаивал, а порой даже отпугивал опасность, если таковая пыталась нарушить мой покой. Вот и сейчас я применил истерику, сопротивляясь Ему. Но мое оружие никак не помогало избавиться от этого неприятного чувства надвигающейся беды, и имя ему — Страх! Он завладел мной. Завладел, несмотря на то, что я находился в окружении Защиты, оберегающей меня все эти дни и заботливо наполняющей меня тем самым спокойствием и умиротворением. Теперь же, как бы я надрывно ни плакал, как ни кричал, я терял своих Защитников, которые медленно, без каких-либо попыток сопротивления, покидали меня, покорно уступая место Страху. Они

оставляли меня одного, медленно растворяясь в бесконечном пространстве темной пустоты, и последовать за ними я почему-то не мог, будто невидимые цепи удерживали меня на месте и не давали возможности двигаться. Понимая, что теряю Их навсегда, что не быть отныне в доброте и покое, меня обуял неопиcуемый ужас. За что?! почему?! зачем?! — до хрипоты орал я. Но меня никто не слышал и не видел, и некому объяснить: что же вокруг происходит, а главное, что будет дальше. Я предчувствовал беду, заключающуюся в том, что я скоро останусь один на один в незнакомой мне реальности; лишусь привычной Защиты, сопровождающей меня всегда: и днем и ночью; потеряю тепло, доброту и любовь, исходящую от тех, кто окружал меня своей заботой. И вот этот самый Страх — страх безвозвратной утраты счастья и благоденствия — поработил меня, погружив в страдание и печаль. И в этом новом, в измененном мире уже не было, а, точнее, не существовало света: ни солнечного, ни звездного, ни душевного. Все померкло. Все опустело. Я потерял всех! А значит — Все! Все, что у меня было... Или меня потеряли? А может, это просто испытание какое-то, и оно продлится недолго, и меня снова найдут, за мной вернуться? А если нет? Куда идти тогда, в каком направлении? Вокруг тьма беспросветная. Лишь в далекой дали мерцает еле заметный тусклый лучик света; может, он мне указывает путь к себе как к спасению? Почему меня оставили с такой легкостью, даже без борьбы и сопротивления? Зачем Страх забрал у меня самое дорогое? Всхлипывая, я мысленно призывал вернуться моих Защитников обратно, прогнать зло и тоску. Впрочем, даже если бы Они и услышали мой вой, то разобрать ничего не смогли бы, потому как говорить я не умел никогда. Мы всегда мысленно, телепатически понимали друг друга, с той лишь разницей, что я Их понимал лучше. Они всегда излучали добро и благоденствие. И непонятно было, как могла такая всемогущая Доброта с такой легкостью отдать на милость Темной материи мое существование?! Может, Она тоже, как и я, бессильна перед Страхом? Хотя все время своего существования, вплоть до этого момента, я считал, что нахожусь в полной безопасности в Их окружении, и надежно защищен. Не знаю, что такое память, да и обладал ли я ею в полной мере, сказать не могу, но события ближайшего прошлого я помню. Помню тот яркий мир, насыщенный разнообразными красками, постоянно меняющийся и открывающий для меня каждый раз что-то новое, красивое и волшебное; помню звуки разной тональности, исходящие отовсюду, даже от тех, кто оберегал меня. Я будто питался всем, на что смотрел, к чему прикасался. Словно губка, впитывал в себя все новые для меня чувства, наполняясь добрым ароматом незнакомой мне действительности. Как, почему и зачем я здесь нахожусь, я не знаю. И даже не

помню, чтобы когда-либо понимал это, но охотно существовал в этом пространстве любви, заботы и защищенности, окружавшей меня. Наверное, это кому-то было нужно, чтобы я был здесь и жил. А вот будет ли тот мир, находящийся в свете далекого луча, таким же сказочным и красочным, безопасным и добрым, — я не знаю. Но иного пути, кроме как двигаться к этой мерцающей точке света, у меня, по-видимому, нет. И если раньше за меня принимали решения, и мне не приходилось беспокоиться за себя и свое будущее, и совсем еще недавно я мог безропотно довериться тем круглым отверстиям, которые читали мои мысли, понимали и любили меня, то отныне мне нужно учиться выживать самому; пытаться самостоятельно преодолеть это темное и пропитанное тоскою пространство, чтобы добраться до звезды-надежды, подающей мне лучик, как руку помощи, указывая путь к себе — окну в Будущее. И хотя я и рад предоставленному мне шансу на спасение и благодарен за это судьбе, все же мне хотелось, чтобы за мной вернулись и забрали обратно. Будучи потерянным в этом опустевшем мире, лишь единственное желание глохнет и жжет мое сердце — быть найденным и возвращенным. Я пребываю в неопишуемой горе! Что мне делать? Кроме того, что необходимо как-то двигаться к спасительному свету, я совершенно не знаю, как дальше действовать. Если раньше я был ведомым, и в окружающей действительности мне помогли бы разобраться, то сейчас придется ориентироваться на осязание, полагаясь на инстинкты и интуицию. И вроде как постепенно я мирюсь со своим плачевным положением брошенности, все равно остается ощущение, словно тебя предали в момент, когда ты не ожидаешь этого; и оставляют одного наедине с неизвестностью и собственным страхом, противостоять которому ни умения, ни знаний, ни сил — нет... И тут, как прощальный поцелуй, вдруг озарилась светом часть пространства передо мной, раскрылась пастью неведомого зверя-великана огромная дыра в полнеба, на секунду наполнив Темную материю знакомым заревом. Из глубины ослепительного светила появились и приблизились знакомые круглые полусферы, окаймленные голубоватой радужкой, и с неповторимой лаской посмотрели на меня, долгожданные. Я ощутил дуновение на своем лице и вдохнул знакомый сладкий родной аромат, которым сразу же наполнилось мое тело, делая меня уверенным. Все вокруг вернулось на круги своя: я, мгла, тишина и свет единственной звезды. Мои губы прошептали волшебные звуки слова, значение которого мне было непонятно, но это казалось для меня последним шансом, способным разбудить во тьме Милосердие и быть услышанным Надеждой: «Пожалуйста...»

Все! Я — один...

Майк, боязливо озираясь по сторонам, как воришка, пугающийся каждого шороха, медленно открыл, потянув на себя, дверцу ящика, встроенного в стену. Кэтти стояла рядом, прижимая к груди завернутого в конверт младенца — их общего с Майком ребенка, которого она анонимно родила три недели назад. Но в силу непредвиденных обстоятельств, в силу неких важных причин, которые являлись, по их разумению, весомым оправданием, как для них, так и для окружающих, им «приходится» пойти на этот шаг. Иначе нельзя. Они все скрупулезно обдумали, просчитали все «за» и «против» и обоюдно пришли к одному мнению: решению поступить именно так — благо, закон позволял это делать. Ведь так будет лучше для всех. Для всех, кроме одного человека — точнее, человека. Но его мнение они во внимание не принимали.

Мнительно боясь огласки и осуждения в родном Сиэтле, где они жили, решили это сделать в недалеком Ванкувере — там никто их не узнает в лицо и не сможет осудить сие намерение. Им постоянно мерещилось, будто некие невидимые видеокамеры просвечивают их сознание насквозь, выставляя на всеобщее обозрение совесть, помыслы и бесчеловечность принятого ими решения.

И вот они здесь. Оба с волнением и любопытством смотрят в открытый зев контейнера. В нем располагалась миниатюрная копия игрушечной детской комнаты-спальни с небольшой кроваткой посередине, прикрытой маленьким одеяльцем; рядом лежали шариковая ручка и блокнот с отрывными листами, в котором Майк указал дату рождения сына. Комок в руках Кэтти зашевелился, предчувствуя беду, стал громко сопеть и заплакал. Майк посмотрел на супругу и успокаивающе, как бы сожалея, закрыл и открыл свои глаза, покачивая головой. Сжав губы в тонкую полоску, он поторопил ее, жестом руки предлагая закончить процедуру прощания и положить ребенка в импровизированную кроватку. Ему не терпелось поскорее закончить все это: как-то мерзко он чувствовал себя в последние дни. Оба молчали. Кэтти отвернула уголок одеяльца, посмотрела на сына и аккуратно уложила его в ложе. Малыш заплакал пуще прежнего, задергал тельцем, пытаясь высвободиться из плена пеленок и одеял. И хотя в помещении не было видеокамер, им опять казалось, что за ними наблюдает весь мир, что плач сына разбудил всю округу, а их самих уже давно ждут снаружи осуждающие взгляды и возгласы недовольной толпы...

Кэтти спешно закрыла дверцу — утонувший в чреве ящика, вмонтированного в стену, надрывный плач малыша теперь казался далеким трубным завыванием. У них было не больше минуты, чтобы поменять свое решение и вернуть все обратно. Майкл обнял Кэтти за плечи, поворачивая ее к выходу. Но она, высвободившись из объятий, снова взялась за ручку дверцы

и открыла контейнер — мальчик пронзительно плакал и визжал, захлебываясь и слезами, и слюной, и воздухом. На мгновение проснувшееся в ней материнское чувство и чувство сострадания заставили ее хотя бы еще разок попрощаться с сынишкой, у которого до сих пор даже не было имени. Взяв обратно в руки извивающийся, словно в судорогах, комочек, она, глотая слезы, отвернула край одеяла, скрывающий головку, и посмотрела на заплаканное и побагровевшее от плача и потуг опухшее лицо мальчика. Таким несчастным, как в эту минуту, она не видела его никогда. Майк настороженно посмотрел на жену, опасаясь, что она в последнюю минуту откажется от принятого ими решения.

— Он как чувствует... — прошептала Кэт, всматриваясь в рыдающее лицо ребенка. — А глаза у него наши, голубые... — Она прильнула губами к заплаканным и воспаленным глазкам, ощутила знакомый солоноватый вкус слез и почувствовала привычный молочный запах детского белья и тельца, вдохнула непорочного, чистого нектара жизни изо рта ни в чем не повинного родного дитя. И снова всмотрелась в глаза малыша, будто хотела запомнить их — ведь больше она не увидит его никогда.

Отправляя ребенка обратно в кроватку, девушка на миг в истеричном плаче сына вроде бы расслышала слово... Слово, как некую просьбу. И закрыла дверцу.

— Ты слышал? — спросила она мужа, не отводя стеклянного взгляда от ручки дверцы. — Мне послышалось... он сказал «пожалуйста»...

Муж потянул ее за предплечье, увлекая за собой, как бы вырывая из этого проклятого места пыток души.

Послышался щелчок — сработал затвор замка, автоматически запирающий дверцу ящика. Словно проверяя надежность укрытия, Кэтти дернула ручку дверцы — та была намертво закрыта. Навсегда. Все. Она обернулась — муж ждал ее у двери выхода. Майк пытался не выдавать тревоги, но его лицо выглядело уставшим и постаревшим.

Как два кровных друга, совершивших некий тайный обряд, связавший их души, они крепко взялись за руки и вышли на улицу, растворившись в многоликой городской жизни, в своем будущем...

С противоположной стороны стены, над встроенным контейнером замигала сигнальная лампочка: значит, есть гость в игрушечной спальне. Добрые руки сестры милосердия открыли дверцу «тихой гавани», вызволили оттуда плачущий конверт, нежно развернули и, аккуратно вынув из него грудного ребенка, унесли его в глубь здания, скрывшись в дверном проеме одной из многочисленных комнат в конце коридора...

Бордовые кирпичные стены величественных старинных корпусов госпиталя Святого Павла приняли в объятия и навечно погрузили в свои недра, спрятав от посторонних глаз, тайную ангельскую колыбель, в которой мирно спало дитя человеческое под неусыпным оком Херувима: непорочное, чистое... нужное...

* * *

В предместье Осаки, Япония, в детском приюте воспитательница Иршико Куроки подошла к Азуми, шестилетней девочке, которая на асфальтированной площадке еще минуту назад рисовала цветными мелками, но теперь, почему-то, лежала на своем рисунке.

— Азуми, ты почему лежишь... — хотела, было, спросить Иршико, но почувствовала ком в горле, который не дал ей возможности произнести больше ни звука. То, что она увидела, заставило ее и без того доброе сердце учащенно забиться. Приложив ладонь к груди, она безмолвно наблюдала за происходящей сценой у своих ног.

Азуми нарисовала контур женщины в полный рост. Сбоку рисунка подписала слово «мама». Сама, свернувшись калачиком, обхватив ручками колени и съежившись, чтобы полностью поместиться, босиком лежала на «животике» у мамы как плод в утробе. Из уважения к маме девочка сняла сандалики и оставила их за пределами рисунка. Иршико побоялась нарушить эту трогательную картину и молча наблюдала. Заставить Азуми подняться с холодной дорожки она не могла, ведь девочка находилась с мамой, мешать их свиданию она не хотела.

Два извилистых ручейка слез прочертили дорожки на щеках воспитательницы. Иршико медленно, тихо, стараясь не выдавать себя и не помешать «свиданию», удалилась прочь...

* * *

В городе Оренбурге, в России, общественный фонд «Милосердие» организовал встречу с воспитанниками дома-интерната: показали самодеятельный концерт, пообщались с детьми, вручили множество подарков, в общем, провели с ребятами приятный и насыщенный весельем день.

Аркадию, мальчишке одиннадцати лет, как и остальным детям, досталось много ценных и практичных подарков. Но то, что ему подарила та незнакомая женщина (тетя), такого ни у кого не было, и это наполняло его чувством гордости и индивидуальности. Подросток не знал своих родителей, не испытывал материнской ласки и нежности и очень любил сладости: будь то конфеты, торт, хоть сладкое яблоко или слива, лишь бы почувствовать во рту этот приторный и неповторимый сладкий вкус. И тут —

на тебе! — нет бы, какой девчонке подарить, так она, та тетенька, возьми да и подойди именно к нему. Подошла, улыбнулась и протянула большую — просто огромную! — плитку шоколада. Такого размера плитку он еще не видел, и был на седьмом небе от радости! Все дети глазели на шоколад, подходили к счастливому мальчику и просили, глотая слюнки: то дай потрогать, то попробовать дай... Только Аркадий не хотел делиться шоколадкой ни с кем, ну, разве что с Димкой, другом своим, и все.

Когда вечером гости уехали, он сидел на своей кровати, читал надписи на упаковке до сих пор нераспечатанной плитки шоколада, и незаметил, как к нему приблизилась темная фигура Андрея из соседней группы, который ловким движением попытался выхватить плитку из рук Аркадия: вцепился в нее пятерней и потянул на себя. Но быстрая реакция Аркадия не доставила такого удовольствия Андрею — легко похитить у него ценный подарок не получилось. Аркадий крепко, двумя руками, сжал свою половину и резко дернул на себя — та покорно выскользнула из потных ладоней наглеца. По инерции Аркадий повалился назад, на кровать, довольный, что сладкий подарок находится в его руках. Довольный, но злой. Злой, каким никогда еще не был. То, что он увидел в следующую минуту в своих руках, когда поднялся с кровати, привело его в бешенство еще больше, чем выходка согруппника. До этого идеально ровный прямоугольник шоколада теперь превратился во что-то бесформенное, мягкое и изогнутое. Плитка уже не выглядела такой привлекательной и аппетитной. По комнате распространился сладко-горький кофейный запах: в трех местах плитка оказалась сломана, а упаковка перекручена спиралью; с лицевой стороны была разорвана обертка — следы ногтей оставили на бумаге полосы, разорвав ее и проделав в самом шоколаде три глубокие борозды... Дальнейшие события Аркадий будет помнить смутно: то, как он вцепился в лицо Андрея, как повалил его на пол, как стал наносить ему удар за ударом; как их разнимали подбежавшие воспитатели и старшие ребята.

И впоследствии он не будет понимать, как проснувшаяся в нем жадность смогла превратить его в ужасного зверя, готового растерзать любого за кусок добычи.

Спустя два года Аркадия поставят на учет в детской комнате полиции за антисоциальное поведение. И на вопрос инспектора по делам несовершеннолетних о том, что с ним происходит, он не сможет осознанно и внятно ответить. А через десять лет на работе он побьет подчиненного, стажера, который не сможет справиться с порученным заданием. Аркадий придет в уже знакомую ему ярость, можно сказать, из-за пустяка. Спустя еще три года он женится. И разведется через десять месяцев, потому что во время ссоры, потеряв над собой контроль, покалечит свою супругу. Объяснение

своим вспышкам ярости он дать не сможет. Но, придерживаясь общественного мнения, смирится с тем, что всему виною сиротство и интернат, и спишет все на эти обстоятельства. Суд признает его виновным, и он будет осужден.

И долгими печальными ночами будет разбирать себя на части, пытаюсь найти ответ на то, почему он не такой, как все. И только невидимая грусть временами будет глодать его сердце, возрождая из глубин памяти давно забытое чувство брошенности и никчемности в некогда добром и безопасном мире, в котором он несколько секунд кому-то был нужен...

* * *

Раймонд Франклин, мужчина сорока семи лет, был успешным политиком. И хотя кресло президента ему не светило, карьера в партии и место работы в Конгрессе его устраивала и радовала. Все складывалось в его жизни удачно: хорошие опекуны, воспитавшие его с раннего детства, учеба в престижном университете, семья, дети, новорожденный внук Оуэн, профессия, достаток, проживание в фешенебельном районе Вашингтона, округ Колумбия... Он мог признаться, — и не только себе, что он, пожалуй, счастлив.

Вот только в последнее время он начал замечать за собой одну странность. То ли раньше это не так заметно было, и он просто не обращал внимания, то ли стареет и, возможно, все это из-за возраста и навсегда уходящей молодости, — но он стал каким-то плаксивым. Да-да, смешно, конечно, звучит, но это так. Нет, он не плачет как ребенок или девушка, нет. Это случается непредсказуемо, иногда, ну, раза два в год. К примеру, просматривая какую-нибудь мелодраму с сюжетом про семью и горе, которое случается в ней, или передачу про детей, оставшихся сиротами и которым требуется медицинская помощь, Раймонд начинает переживать. Во время таких трогательных сцен ему, как девчонке, хочется от сопереживания плакать. И когда главный герой, даже если это мужчина, сильный и отважный, в конце фильма погибает, Раймонд едва сдерживает слезы. В такие моменты он, стыдясь показать слабость перед окружающими, изо всех сил сдерживает свое волнение. А когда по ящику транслируется передача про детей, то накатывающие на глаза слезы он тайком смахивает пальцем, как бы делая вид, будто почесывает зудящее веко. И не имеет значения, про каких детей показывают в эфире: про здоровых или больных, счастливых или обездоленных, — ему всегда хочется всплакнуть от счастья за них или от сопереживания, или сострадания к ним. Он стал заострять внимание еще на одном факте. В последнее время он часто думает, особенно ночью, когда долго не может уснуть, о родителях, которых не знает и никогда не видел. Раньше он на этом так не заострялся: семья, работа — некогда было,

а теперь рисует образы в голове, подыскивая то единственное, истинное лицо, коим должна, по его мнению, обладать его настоящая мать. И воображение укрепило в его сознании то «настоящее» лицо: ему кажется, что именно такое оно и есть на самом деле, какое он придумал. И Раймонд частенько «смотрит» на маму, наслаждаясь ее мнимой реальностью каждый раз, когда не может сразу уснуть. И временами ему кажется, что он на самом деле помнит ее неповторимые глаза, смотрящие на него сверху вниз и излучающие добро, покой и любовь...

И еще он помнит — и он уверен в этом — ее запах. Да, он точно его помнит. Даже стойкий сопутствующий запах медицинского спирта и эфира в родильной палате, где он родился, не может перебить этот запах — аромат мамы... В такие моменты Раймонд отчетливо видит и ощущает ту атмосферу, которая окружала его давным-давно: безмятежную, безопасную...

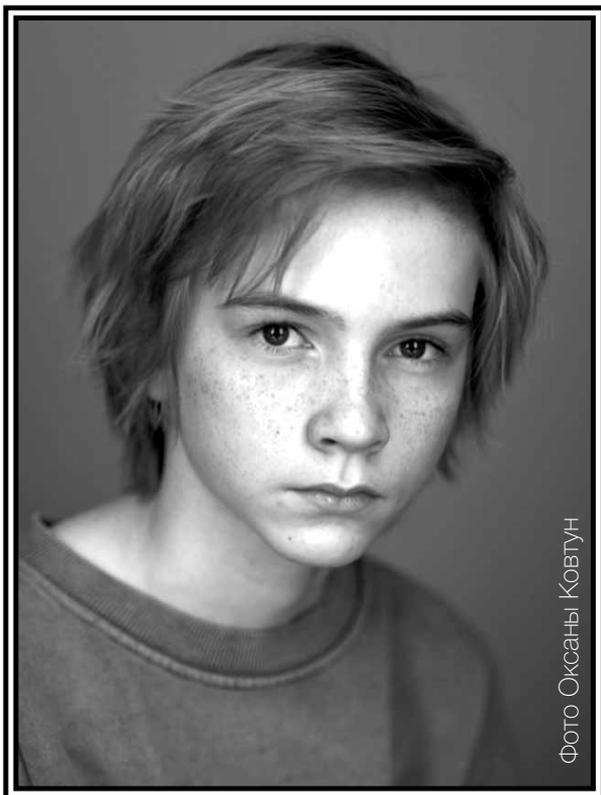
* * *

В немецком Бремене, в доме своих новых родителей, семилетний Клаус в своей комнате на втором этаже стоит у окна и смотрит на осеннюю, ненастную погоду снаружи. Новые родители нравятся ему: папа Герхард — веселый и забавный, он никогда не злится на него; мама Хельга — добрая, и вкусно готовит пирожное. Прошло пять месяцев, как они забрали его к себе из приюта. Он начал привыкать к ним, но...

Но иногда что-то «накатывает» на него, особенно когда на улице идет дождь. Ему тогда становится грустно безо всякой причины. Такое состояние у Клауса было уже не раз. Обычно он считает, что это следствие плохого настроения, и об этом ни с кем никогда не делится. В такие минуты он подолгу стоит у окна и смотрит сквозь мокрое стекло в никуда.

Вот и сейчас, он стоит и смотрит в окно на дождь, и, сам того не замечая, на запотевшем от дыхания стекле его палец, словно ведомый некой чужой рукой, выводит слово: МАМА... □

Мирон Лебедев — юный актер — ему всего 14 лет, но на его счету уже более 24 киноработ! Таким послужным списком может похвастаться далеко не каждый взрослый артист. Он родился и вырос в творческой семье и, кажется, его артистическая стезя была предрешена еще до его рождения, но так ли это? О чем мечтает юное поколение актеров? Чем занимается и интересуется помимо актерской деятельности и учебе в школе? О сложностях профессии, волшебстве в кино и многом другом Мирон и рассказывает в этом интервью «Смене».

Мирон Лебедев

«Сниматься в кино было сначала просто любопытно, а потом стало интересно...»

— Мирон, кем ты мечтал стать, когда был совсем маленьким?

— Я хотел быть автогонщиком, и родители дарили мне гоночные автомобили. Чуть позже захотел стать хирургом, а потом долгое время был уверен, что буду астрофизиком. Много смотрел и читал про строение космоса, про космические объекты. Я занимался в физическом кружке и участвовал в олимпиадах

по физике, однажды даже занял первое место.

— Как получилось, что любовь к актерскому искусству «перевесила» интерес к астрофизике?

— Постепенно интерес к физике угас, я понял, что это слишком сложно для меня. Переключился на программирование, и одновременно на-

чались съемки в кино. Это произошло как-то случайно, профессия актера меня не привлекала. Мама предложила мне принять участие в кастинге, я согласился, и меня неожиданно утвердили. Потом ситуация повторилась снова и снова. Так я и стал сниматься. Сначала было просто любопытно, а потом стало интересно.

— Ты родился в творческой семье?

Да, у меня творческая семья — все актеры: папа играет одну из главных ролей в сериале, мама много лет играет в театре и периодически снимается в кино. И даже младшая шестилетняя сестренка часто утверждается в различные кинопроекты. В прошлом сентябре она ездила в Сочи для съемок пародии «Не бриллиантовая рука». А из Сочи мы сразу полетели в Белоруссию на съемки комедии «На деревню дедушке».

— С какими сложностями ты обычно сталкиваешься на съемочной площадке?

— Сложности бывают, когда приходится сниматься несколько часов на холоде, под дождем или на морозе, или в жару. И не уйти погреться или спрятаться в тень. А еще сложности в том, что между съемками надо успевать и текст выучить, и уроки приготовить...

— Как вообще удается совмещать работу со школой?

— Когда съемки время от времени, то не трудно со школой совме-

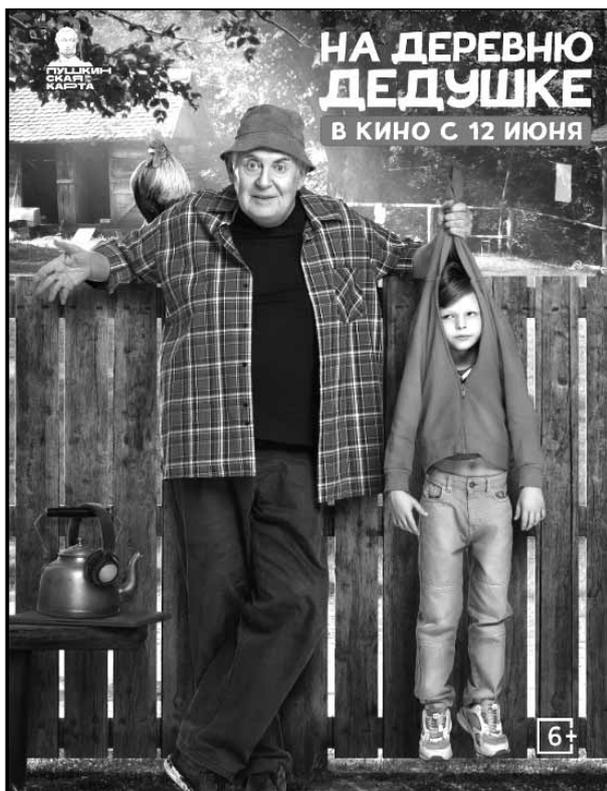
щать, а когда долгие экспедиции, то приходится делать школьные задания после смены или в выходные и потом наверстывать пропущенное в школе. Например, за полторы недели в школе мне, чтобы наверстать пропуски, удалось получить 50 оценок по школьным предметам.

— Любимые предметы в школе?

— Мои любимые предметы в школе это алгебра и история. По алгебре мне доставляет удовольствие решать квадратные уравнения, системы... Для меня это работает как компьютерная игра, в которой нужно найти правильный путь. По истории у нас очень хороший преподаватель. Она рассказывает о событиях так интересно, с такими подробностями, что слушаешь как увлекательную сказку.

— Какую из своих киноработ ты назвал бы самой сложной?

— Наверное, самой сложной была роль в проекте «Сивка-Бурка». Потому что главная роль и большой съемочный период, в котором мне нужно было в кадре взаимодействовать с конем: управлять им, делать так, чтобы он меня слушал. До этого у меня не было опыта верховой езды. И вот пришлось постигать этот навык. Были тренировки перед началом съемок, но недолго. Тренер учил чистить, запрягать лошадь, чувствовать ее, ну и управлять животным, что оказалось не так-то просто. Это был сложный, но интересный опыт.

Например, во время съемок была непростая сцена, где я разговариваю с конем в конюшне, и задача была не только сыграть сцену, но и держать коня так, чтобы он смотрел на меня и никуда не поворачивался, чтобы он меня слушал, а потом еще и ответил. А как это коню объяснишь? К тому же он сильнее меня, и удержать его силой невозможно. Я держал его за узду и говорил с ним, а он мог двинуть головой и меня в ту же сторону вместе с ним разворачивало. Силу животного я почувствовал. Это была, наверное, самая сложная сцена. А тренера кони слушаются, понимают его. Чувствуют, кто главный. Наш Сивка уже не в первый раз в кино снимался. У нас в фильме он лежал несколько дублей. Говорят, лошади не лежат, а наш — лежал!

Еще был сложный кадр, когда мне нужно было в галопе скакать, не держась руками за поводья. Тренер рядом страховал, но, когда у тебя мало опыта, и ты не уверенно держишься в седле, это задача не из легких.

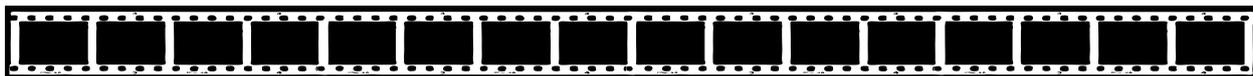
А в одной из сцен другая лошадь повернула резко голову и попала мне железной упряжкой по глазу. Синяк был приличный, гримеры замазывали и волосами глаз прикрывали.

— Расскажи еще поподробнее об этом проекте...

— Еще была сцена в пещере. Снимали в Саблинских пещерах, где даже летом очень холодно. И мы там целый день снимали. На улице жаркое лето, а в пещере как зимой. Все согревались, как могли. Нас в «утепляшки» заворачивали между кадрами.

Сложные сцены были и в проекте, название которого пока не могу разглашать. Я хорошо помню этот период. Был подготовительный этап перед съемками, где целая группа каскадеров обучала меня делать трюки и ставила со мной сцены боя. Это были ребята, которые работали с самим Джеки Чаном в Америке. А раз фильм не бытовой, а в жанре фантастики, то и бой был необычный. Меня подвешивали на трос для прыжков, полетов. Потом мы снимали эти трюки на площадке, в большой неотопливаемой «заброшке». Жду с нетерпением, когда выйдет фильм.

Кстати, возвращаясь к предыдущему вопросу. Еще были сложные

сцены на съемках «Повелитель ветра». Например, была сцена, где нас с Федором Бондарчуком подвешивали на тросы на приличную высоту, обдували огромными вентиляторами, поливали одновременно водой и кружили, а мы, держась за руки, смотрели друг другу в глаза. Жаль, что эта сцена не вошла в фильм.

— А где работать было интереснее и веселее?

Интересно было работать во многих проектах, например, в «Крысолове», потому что это фантастический жанр, и я там учился выполнять трюки, чего со мной еще ни разу не было. Интересно в исторических проектах — в «Александре I» и «Князе Андрее», потому что это не современный мир, все необычное: одежда, манера говорить. В «Александре I» я играл де-

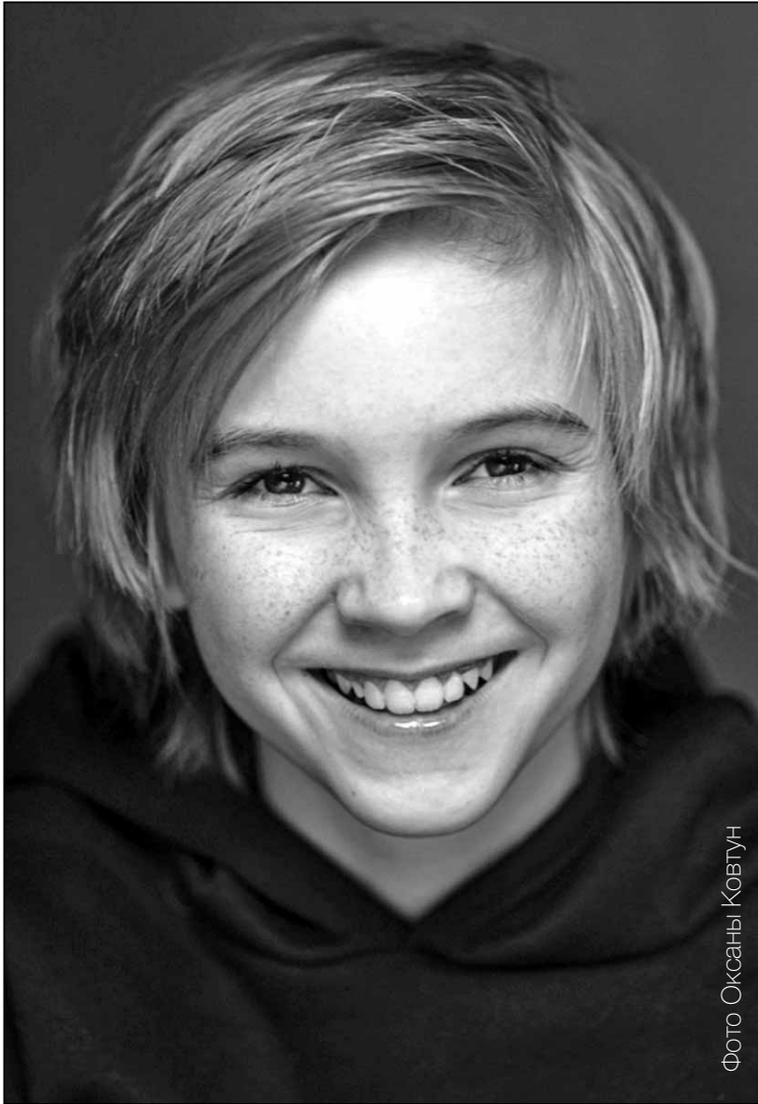
ревенского мальчика в лаптях, а в «Князе Андрее» играл маленького князя, там и пластика другая, и состояние. Интересно в «Сивке-Бурке», потому что это была большая роль, и было много интересного: и кони, и пещеры, и ведьмы, и пожар... — большая увлекательная история с разными переживаниями и радостями. В недавнем проекте «Драники» были душевные, эмоциональные сцены.

Каждый проект — это своя особая история, с новыми людьми, с новым сюжетом.

А веселее сниматься там, где много ребят-ровесников, и можно подшучивать между кадрами.

— Твои любимые актеры и фильмы?

Любимый актер — Леонардо ДиКаприо. Мне нравится его актерская

игра, нравится, что он везде разный, удивительно, как он меняется в разных ролях.

Один из любимых фильмов: «12 разгневанных мужчин», «Американская история Х», «Нефть».

— Ты также увлекаешься программированием. Кажется, это совершенно разные миры — актерство, где задействованы эмоции и психофизика, и информатика, где работают исключительно мозги, вычисления. Как переключаешься с одного на другое?

Программированием я занимаюсь все реже, в свободное время, это не захватывает

меня всецело, да и времени на это не остается. Меня сейчас особенно увлекла музыка.

— Ты еще и сочиняешь музыку! И, вероятно, много ее слушаешь. Кто из авторов, композиторов тебе больше всего нравится?

— Мне нравится сочинять музыку, нравится процесс создания композиции и потом прослушивать конечный результат. Могу целый день этим заниматься.

Я слушаю Kanye West, The weekend, Kendrick Lamar, Tool, Aphex twin.

— Знаю, что тебя не привлекает работа в театре, только в кино. Почему?

— Я занимался в театральной студии недолгое время и поучаствовал в одной небольшой постановке, но понял, что мне скучно репетировать одно и то же из раза в раз. В кино это проходит динамичнее: сегодня одна сцена, завтра — другая. Не знаю... наверное, я еще не понял про театр. Но в театр хожу с удовольствием. Мой любимый театр на данный момент — МДТ.

— **Что сейчас у тебя нового в кино?**

— На днях закончились съемки семейной комедии «Драники». Съемки проходили в Беларуси, с отличной командой и замечательными партнерами. Было и сложно, и весело, и очень интересно работать. Это вторые съемки в Белоруссии. Забавно, что несколько дней было в той же локации, что и на съемках в моем первом белорусском проекте. Было приятно вернуться в знакомые места!

Удивительно, что в Минске всю зиму не было снега, а сюжет «Драников» происходит зимой. А снега нет. И вот в первый съемочный день пошел снег! Все были счастливы. Но на этом чудеса не закончились! Через месяц, как только отсняли последнюю сцену на улице, снег весь растаял, и наступила весна! Все шутили, что это режиссер наколдовала!

А как только я вернулся из Минска, в Москве был закрытый показ фильма «Сивка-Бурка», с трогательной историей про дружбу и взаимовыручку, про любовь к животным и про то, что в жизни есть место волшебству! И тут волшебство! Жду, когда выйдет на экраны.

В ближайшее время должны возобновиться съемки в фильме, про который я пока не могу ничего сказать. Проект еще не анонсирован. Надеюсь, все получится. Это очень интересный проект. В нем непростой психологический сюжет и очень сильные актеры, у которых мне есть чему поучиться. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото Ивана Шагинова

Дарья Останина

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР

Мы идем по Страстному бульвару
И мечтаем пустить время вспять.
Ты хотел бы освоить гитару,
Я могла бы тебе подпевать.

Мы все видим, сквозь стены и годы,
Сквозь асфальт, что блестит, как стекло.
Ты доволен дождливой погодой,
Я привыкла к ней очень давно.

Мы не можем «по чьей-то указке»,
И не властен над нами никто.
Ты — в своей голубой водолазке,
Я — в коротеньком сером пальто.

Мир простой акварелью расцвечен,
Живописцев же тянет к углю.
Ты живешь, потому что ты вечен.
Я живу, потому что люблю...

МАРШРУТ E85

Посвящение любимым

Через каждые десять минут
Проезжает автобус знакомый,
Есть единственно-верный маршрут,
Чтоб добраться до вашего дома.

Я считаю минуты и дни,
Я так жду нашей следующей встречи...
...Всю неделю вдвоем, но одни,
День за днем и за вечером вечер.

Вас заботы пронзают насквозь.
Торопиться все время вам надо...
Почему, если любишь всерьез,
Очень часто не можешь быть рядом?

И приходится плакать тайком,
Быть во власти невидимых путов.
К дому можно прийти и пешком —
Нет до сердца подобных маршрутов.

Вот автобус — знакомый такой...
Но он вновь без меня отбывает...
Почему же вы так далеко,
Когда ближе уже не бывает?

ЛЮБОВЬ

*Посвящение актрисе
Е. Б. Куляминой*

В капюшоны одеты прохожие.
В грязно-белых чехлах стоят здания.
Мы как будто песчинки ничтожные,
На вселенских весах мироздания.

Словно крики ребенка капризного
Вой сирен. Все шоссе запорошено...
А есть Сила, которая призвана,
Чтобы сделать из нас нечто большее...

С нею все сразу видим иначе мы —
Может, так наступает прозрение?
Дирижируя ловко Задачами,
Она Цель изменяет в мгновение.

ЗИМНИЙ СОН

*Посвящение режиссеру
А. П. Кулямину*

Все деревья, столбы и машины — в белилах,
И асфальт, леденя, блестит, как сурьма.
Это просто, похоже, зима наступила...
Там, у вас, на земле — наступила зима.

Год за годом идет и становится грустно,
Оттого, что в бессовестном сонмище слов
Люди режут, кроют и кромсают искусство,
Нашей кровью пролитое, вплоть до основ.

Вдоль дороги рассыпались снежные комья...
Шум машин. Канитель новогодних афиш...
...Наш талантливый друг... Мы здесь все тебя помним...
Так темно... Это ночь? Ты, наверное, спишь...

Обгоняя свой век, ты творишь, как и прежде.
Ты творишь... А другим только видятся сны...
Наш талантливый друг... На тебя вся надежда.
А пока, отдыхай... Тебе силы нужны.

ПОСВЯЩЕНИЕ ЕКАТЕРИНЕ ГЕОРГИЕВНЕ МАРКОВОЙ

«Я теперь почти не пустословлю...
Я давно усвоила урок.
И пишу лишь искренней любовью,
Рассыпая правду между строк...»

Мысли скачут в голове, как белки,
Застилает пелена глаза.
Я хочу на всех часах все стрелки
Прокрутить на много лет назад...

Тишина, а нервы не в порядке...
Темнота, и не видать ни зги...
Вдруг сейчас на лестничной площадке
Раздадутся тихие шаги?..

...Ты придешь — нас сразу станет двое...
...Отопрешь замок своим ключом...
Или, хочешь, я тебе открою?
Без тебя и дом — совсем не дом.

Ты придешь и сам поставишь чайник.
Я уже по взгляду твоему,
По улыбке — маске для печали,
Все пойму, немедленно пойму.

Ничего вокруг не замечая...
...Две судьбы, два друга, две души —
Мы с тобою, не жалея чая,
Все найдем, рассудим и решим.

Жизнь меня во многом убедила,
Позади десятки сотен книг...
Смысл был в одном тебе, мой милый.
...Не оставлю больше ни на миг...

Мысли скачут в голове как белки,
Застилает пелена глаза.
Я хочу на всех часах все стрелки
Прокрутить на много лет назад...

Греческий ирландец на службе русской сказки

Слова Михаила Афанасьевича Булгакова про причудливо тасующуюся колоду к герою нашей сегодняшней истории применимы, пожалуй, более, чем ко многим другим. Глядя на его судьбу, поневоле задумываешься о том, что все предначертано. Или же всем руководит слепой случай — тут каждый выбирает на свой вкус.

Александр Артурович Роу родился 9 марта 1906 года в Юрьевце, что в Костромской губернии, сейчас это Ивановская область. В нем не было ни капли русской крови: отец, Артур Уильям Роу, был ирландцем, а мать, Юлия Карагеоргий, гречанкой. Семья отца в Ирландии была весьма зажиточной, владела мукомольным производством. По приглашению купца Семена Катюшина в 1904 году Роу прибыл в Юрьевец, чтобы установить и наладить одну из первых механических мельниц в России.

В этой «командировке» ирландский юноша и встретил свою любовь — юную гречанку Юлию. Они поженились, у пары родились два

сына — Александр и Георгий. (Последний, к сожалению, умер еще в младенчестве.)

Когда будущему сказочнику Александру Роу было три года, семья один-единственный раз посетила родину отца, Ирландию. Больше ни Саша, ни его мать там никогда не бывали.

С началом Первой мировой войны семья переехала в Москву. Юлия часто болела, и переезд в большой город давал ей больше возможностей для лечения. Александр в это время находился в Одессе, у родственников матери.

О его отце Артуре в это время мало упоминаний, не исключено,

что семейная жизнь разладилась уже тогда. После революции Артур Роу покинул Россию. Почему он не взял с собой семью — неизвестно. По рассказам его брата Чарльза, Роу бежал через всю страну — аж через Владивосток, и потом, уже в Ирландии, несколько лет встречал поезда, привозившие эмигрантов из России, в надежде, что жена и сын приедут к нему. Вероятнее всего, это легенда, потому что, если бы он действительно ждал их, то, скорее всего, предпринял бы какие-то более весомые попытки разыскать семью, а не просто встречал поезда на вокзале.

Положение же Юлии и Саши в России было очень непростым. Она по-прежнему много болела, так что на ее сына легли обязанности по уходу за ней, а также по обеспечению

семьи. Не стоит забывать, что у Юлии были немолодые родители, о которых тоже следовало заботиться.

Они переехали в Сергиев Посад, где десятилетний Александр хватался за любую подработку, чтобы помочь матери. Он прислуживал в Троице-Сергиевой лавре, пел в церковном хоре, мыл полы в Успенском соборе, продавал на улице изделия местных ремесленников-кустарей: мыло, деревянные гребешки, спички... При этом он смог окончить школу и поступить в промышленно-экономический техникум в Москве. Сам техникум его не особенно увлекал, но вот кружок художественной самодеятельности, в котором он участвовал, стал для него настоящей отдушиной. В какой-то момент вместе с друзьями Саша отправился на выступление агитационного

Слева:

*«Варвара-краса,
длинная коса»*

*«Королевство
кривых зеркал»*

театра «Синяя блуза» при Московском институте журналистики и, наблюдая за происходящим на сцене, понял, что это — его призвание.

Он попросился к «синяблузникам», и они приняли его в свой коллектив. Среди участников этого движения тогда были поэты Владимир Маяковский и Василий Лебедев-Кумач, композиторы Михаил Блантер, Даниил Покрасс, актеры Владимир Зельдин, Михаил Жаров, художник Борис Эрдман и другие будущие звезды культуры и искусства.

По совету Бориса Южанина, основателя «Синей блузы», Роу поступил в киношколу Бориса Чайковского, где учился на режиссера. Первым его местом работы, связанным именно с кинопроизводством, стала студия «Межрабпомфильм», где он трудился помощником режиссера.

Но этого ему было мало, и он продолжал учебу в драматическом техникуме имени Марии Ермоловой, где познакомился со своим учителем — кинорежиссером Яковом Протазановым.

Сегодня для таланта, которым обладал Александр Роу, есть одно понятное слово — продюсер. Тогда это называли организаторской сметкой, умением договариваться с людьми и собирать команду единомышленников. Ему удавалось организовать, согласовать, договориться, достать, убедить и помирить. Молодой человек находил общий язык со всеми: от знаменитых актеров и крупных чиновников до работников массовки. При этом он не забывал учиться у Протазанова именно режиссерскому мастерству, а также обрести нужными связями и заводить полез-

*«Вечера
на хуторе близ
Диканьки»*

Справа:
*«Огонь, вода
и медные
трубы...»*

ные знакомства в мире кинопроизводства.

Планируя свои будущие фильмы (уже тогда он знал, что хочет снимать сказки — веселые и страшные), Роу начал собирать вокруг себя людей, с которыми ему было приятно работать. О нем говорили: «У него был свой постоянный набор актеров, среди которых он старался распределить основных персонажей, а вот к новичкам Роу относился довольно подозрительно...» Это будет его принципом на всю жизнь — работать с проверенными и давно знакомыми людьми.

Первой самостоятельной картиной Александра Артуровича стала сказка «По щучьему велению», снятая в 1937 году. Согласовать сценарий было нелегко. Автором пьесы,

на основе которой создавался сценарий, была Елизавета Тараховская, опальная декадентка, так и не вписавшаяся в социалистический строй. Но Роу, с его обаянием и убедительностью, удалось «протащить» будущий фильм.

Снимая сказки, режиссер хорошо понимал, кто будет его зрителем, и в какой манере нужно с этим зрителем общаться: «В сказке никакие истины нельзя давать в виде нравоучений — этого дети не любят. Мораль в фильме глубоко спрятана в обилии приключений, неожиданностей, а иногда и просто в смешных ситуациях. Кино — искусство чрезвычайно эмоциональное, и наша задача — взволновать юного зрителя судьбой героев, заставить его кого-то полюбить, а кого-то возненавидеть...»

«По щучьему веленью» имела огромный успех у зрителя. Роу серьезно подошел к созданию визуального ряда и спецэффектов. Для того времени самоходная печь, шагающие ведра, пятащиеся гуси, говорящая щука и волшебное превращение зимы в лето выглядело феноменально. Все это было не анимацией, а подготовленными и проработанными идеями. Так, печь была создана московскими инженерами: они сделали своеобразный автомобиль в виде печки — внутри было место для водителя и пиротехническое устройство, выпускающее клубы дыма.

Роу и дальше стремился использовать в своих сказках поражающие спецэффекты: для «Василисы Прекрасной», снятой в 1939 году, в загорской мастерской игрушек был

изготовлен Змей Горыныч — 11 метров длиной и 5 метров высотой. Им управляли двадцать человек...

Незадолго до окончания войны, в 1944 году, Александр Роу снял сказку «Кашей Бессмертный», где в заглавной роли появился несравненный Георгий Милляр. Актер тогда переболел малярией и весил, по его собственным словам, «сорок пять килограммов с ботинками», поэтому образ костистого и жуткого Кашея удался ему на сто процентов.

Многие увидели в этой сказке намек на победу над фашистами, но сам режиссер вдохновлялся немецким киноэпосом «Нибелунги» 1924 года, экранизированным Фрицем Лангом. В Кашее видны черты пародийного немецкого рыцаря, и у Роу

получилась пародия на арийский «культ рыцарства». Посмеяться над врагом в те годы было просто необходимо, и Александр Артурович дал зрителю эту возможность.

В послевоенные годы приоритетным было восстановление страны. Это был период «малюкартинья», когда средств на кинопроизводство выделялось мало, считалось, что пусть лучше в год выйдет всего несколько фильмов, но зато они-то и будут лучшими. Этот расчет не оправдался, но целых 8 лет после Победы Александр Роу сказок не снимал. Зато снял несколько документальных фильмов. Один из них — «День чудесных превращений», был снят о лагере «Артек». Тут был соединен постановочный сюжет с документальной съемкой,

и фильм был снят в стереоскопическом формате, напоминающем сегодняшний 3D-формат.

Вернуться к сказкам режиссер смог в пятидесятых годах. Первой его работой после долгого перерыва стала сказка «Майская ночь, или Утопленница», сценарий которой был написан по мотивам одноименной повести Гоголя. Эта сказка тоже была стереоскопической.

Затем наступил самый успешный для мастера период. Выходившие один за другим фильмы-сказки становились шедеврами: «Марья-искусница», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Королевство кривых зеркал», «Морозко», «Огонь, вода и... медные трубы».

Не исключено, что такое увлечение работой было связано с не са-

Слева:

*«Кощей
Бессмертный»*

«Морозко»

мым удачным течением личной жизни режиссера.

Женат он был три раза. Первой супругой стала актриса оперетты Елена Савицкая. Для нее самой это был третий брак, от первых двух у нее подрастали дочери. Общих детей у пары не было, и через несколько лет они расстались.

В 1939 году, на съемках «Василисы Прекрасной», Роу познакомился с ленинградской актрисой Ириной Зарубиной, которая играла Маланью, и влюбился в нее. Вскоре пара поженилась, у них родилась дочь Татьяна — единственный ребенок Александра Артуровича. Но семейная жизнь не очень ладилась — Ирина отказывалась переезжать из Ленинграда, где она служила в театре, Роу же работал в Москве. Конец браку положила начавшаяся война. Жена отказалась

сопровождать мужа в эвакуацию, после этого их брак распался окончательно. (Единственный внук Роу живет в Санкт-Петербурге и не общается с прессой).

После войны Александр Артурович женился в третий раз. С супругой Еленой Георгиевной режиссер, наконец, обрел семейное счастье. Но детей в этом браке не появилось. Елена Георгиевна, по словам коллег Роу, заботилась о нем как о ребенке, во всем поддерживала, их дом всегда был открыт для друзей.

В начале 60-х годов ирландские родственники (двоюродный брат и его семья) попытались найти Александра Артуровича и даже поделились с ним наследством, доставшимся от деда. Присланные 300 фунтов режиссер принял и после выплаты налогов купил себе новое

«По щучьему велению»

пальто и фотоаппарат. Однако отношения с родственниками поддерживать не стал. То ли из-за того, что связи с иностранцами были бы ему не на пользу, то ли так и не смог простить отца за то, что бросил их с матерью, и перенес эту обиду на всю семью.

Правда, чувство юмора никогда не изменяло Роу. Когда его спрашивали о наследстве, он говорил, что получил пароходную компанию и публичный дом в Ирландии, и никак не может решить, что с этим делать...

Фильм «Финист — ясный сокол» стал последним для Александра Артуровича. Работу над ним он завершить не успел: написал сценарий, утвердил актеров, а съемки уже вел его ученик и помощник Геннадий Васильев, детали сценария

дорабатывал актер и давний друг Роу Лев Потемкин.

Под конец 1973 года Александр Артурович серьезно заболел. Увы, лечение не помогло: 28 декабря кинорежиссера не стало. За пять дней до смерти он попросил организовать прощание на студии, а в момент, когда его будут выносить, чтобы оркестр играл сюиту из комической оперы «Корневильские колокола». Все было исполнено в точности...

Многие из нас смотрели в детстве сказки Роу и помнят то ощущение волшебства — когда видишь затянутую в кожу красотку Анидаг или подводного царя из «Марьи-искусницы», или Марфушеньку, с аппетитом грызущую яблоко. Все это казалось дверью в мир сказки — и дверь эту открыл для нас греческий ирландец Александр Роу. □

Светлана Антипова
семейный психолог

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ как основа эмоционального благополучия

Сегодня я хочу поделиться своими мыслями о важности семейных традиций и обычаев в нашей жизни. Когда я размышляю о значении семейных традиций, передо мной неизменно встает образ теплого домашнего очага и атмосферы любви и взаимопонимания. В нашем бурном мире, полном стрессов и изменений, создание и поддержание общих традиций становится важным источником эмоционального благополучия.

Семейные традиции — это не просто рутинные действия, которые мы выполняем из года в год. Это то, что нас объединяет, дает нам ощущение принадлежности и помогает создавать глубокие связи между нами. Я всегда говорю своим клиентам: «Традиции — это тот клей, который соединяет семью». Давайте подробнее разберемся, почему создание традиций так важно, и как они могут повлиять на наше эмоциональное состояние.

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ ФОРМИРУЮТ НАШУ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Каждая семья уникальна, но почти у каждой есть свои обычаи, кото-

рые передаются из поколения в поколение.

Это те маленькие или большие ритуалы, которые объединяют нас, создают чувство принадлежности и самобытности. Когда я своим

детям рассказываю о наших семейных обычаях, я передаю им не только культуру, но и ценности, которые важны для нашей семьи.

Это может быть что угодно — от совместного проведения воскресных обедов и уникальных семейных ритуалов, совместных поездок или спортивных мероприятий до празднования определенных дат. В такие моменты мы не только вспоминаем историю нашей семьи, но и создаем новую.

Вместе с родителями и бабушками мы передаем знания и ценности, которые формируют наше восприятие мира. Я сама росла в семье, где каждое Рождество мы собирались за столом, чтобы делиться историями, обсуждать прошедший год и строить планы на будущее. Эти воспоминания остаются со мной, и теперь я стараюсь передать их своим детям. Они, в свою очередь, учатся видеть свои корни и чувствовать, что они часть чего-то большего.

Поэтому, семейные традиции — это способ преемственности. Они связывают поколения, создают общий культурный и эмоциональный контекст, который позволяет нам не забывать о важных моментах нашей общей истории.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И СВЯЗЬ

Традиции могут служить эмоциональной опорой в трудные време-

на. В моменты стресса и неопределенности мы можем обратиться к тем обычаям, которые дарят нам чувство стабильности. Например, если у вас есть традиция собираться вместе по субботам на семейные ужины, это может стать той опорой, которая поможет пережить сложные моменты, так как помогает укрепить эмоциональные связи между членами семьи.

Например, каждый пятничный вечер мы устраиваем кино-ночь. Это время, когда мы отключаем все гаджеты и просто наслаждаемся фильмом, попкорном и общением друг с другом. Такие моменты позволяют нам чувствовать себя ближе, открывать друг другу свои мысли. Прежде всего это поддержка, ведь мы знаем, что каждый из нас ценит эти встречи и ждет их с нетерпением.

Я заметила, что семьи, которые активно создают традиции, имеют более крепкие эмоциональные связи. Это потому, что совместные мероприятия помогают укрепить доверие и взаимопонимание. Помню, как однажды мой клиент рассказывал о том, как его семья собирается раз в месяц для совместного ужина. Эти вечера стали для них местом, где они могут открыто говорить о своих чувствах и обсуждать насущные проблемы. Они не боятся делиться своими переживаниями, поскольку знают, что их поддержат и поймут.

Такие практики создают атмосферу, в которой каждому становится комфортно выражать свои эмоции. Я всегда рекомендую своим клиентам выделять время, чтобы собраться всей семьей, обсудить прошедший день и просто побыть вместе. Это не только укрепляет связи, но и дает возможность каждому почувствовать свою значимость в семье.

Дети особенно должны чувствовать, что они могут быть собой, не опасаясь осуждения. Я помню, как однажды в консультации мама жаловалась, что ее подросток перестал делиться своими переживаниями. Она решила создать новую традицию — вечерние беседы за чаем, где каждый сможет говорить о своих чувствах, не испытывая давления, и это сработало, ее коммуникация с сыном наладилась.

АДАПТАЦИЯ ТРАДИЦИЙ

Традиции не должны быть статичными. Они могут развиваться и меняться, в зависимости от жизненных обстоятельств. Например, в нашей семье мы всегда отмечаем Новый год на природе, но несколько лет назад, в условиях пандемии, нам пришлось адаптировать наши привычки. Мы организовали виртуальные встречи, где каждый показывал, как он готовит новогодние блюда. Это не

только сохранило нашу традицию, хотя формат и поменялся, но и дало возможность поделиться своими кулинарными успехами. Это показывает, что любовь и поддержка могут проявляться в любых формах.

Гибкость в семейных традициях важна — ведь жизнь полна неожиданностей. Мы должны быть готовы к изменениям и искать новые способы провести время вместе. Это может быть совместное чтение книг, занятия спортом или даже участие в волонтерских проектах.

ПЕРЕХОД ТРАДИЦИЙ К НОВЫМ ПОКОЛЕНИЯМ

Важной функцией семейных традиций является передача опыта и знаний новым поколениям — это важная часть создания эмоционального благополучия. Когда мы вовлекаем детей в наши обычаи, они начинают понимать их значимость и ценность. Я стараюсь использовать для этого каждую возможность, например, совместное приготовление еды, чтобы показать своим детям, как мы готовим определенные блюда на праздники, объясняя им, как это связано с нашими корнями и историей семьи.

Еще одно значение семейных традиций в том, что они служат каналом для передачи ценностей

и убеждений. Через общие обычаи мы можем передать детям то, что для нас важно. Например, если в вашей семье принято активно участвовать в волонтерских акциях, вы передадите своим детям ценности помощи и заботы о других. Таким образом, привычки формируют не только способы общения, но и нравственные ориентиры.

Участие детей в создании традиций помогает им развивать креативность и уверенность в себе. Например, одна моя клиентка с детьми придумала новый ритуал — каждый из детей должен выбрать блюдо, которое они будут готовить на определенный праздник. Это создает чувство ответственности и вовлеченности, заинтересовывает их и делает традиции живыми.

ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РАМКАХ ТРАДИЦИЙ

Несмотря на важность общих обычаев, необходимо также учитывать индивидуальность каждого члена семьи. В нашем доме существуют традиции, но каждый имеет право на свои личные увлечения и предпочтения. Это может быть время, проведенное в одиночестве, или занятия, которые не всегда совпадают с интересами других членов семьи.

Я всегда рекомендую создавать пространство для личных ин-

тересов, ведь это придает каждому члену семьи силы и уверенности. Важно находить баланс между совместными мероприятиями и временем для индивидуального роста.

Создание и поддержание семейных традиций — это не просто обязательство. Это инвестиция в наше эмоциональное благополучие. Я вижу, как клиенты, активно вовлекающиеся в традиции, становятся более счастливыми, у них улучшаются отношения, они меньше подвержены стрессу и депрессии. Мы не просто строим семейные ритуалы — мы создаем атмосферу уважения, любви и заботы.

Один из главных аспектов (о котором, к сожалению, часто забывают) — это эмоциональная безопасность. Когда мы следуем определенным обрядам, мы создаем предсказуемость в нашей жизни. Это особенно важно для детей, которые, как никто другой, нуждаются в стабильности и предсказуемости. Понимание того, что в определенные дни или моменты будет происходить что-то особенное, создает атмосферу уюта и защищенности.

Дети, выросшие в семьях с ярко выраженными традициями, обычно лучше справляются со стрессом и имеют более высокую самооценку. Их эмоциональное благополучие становится более

устойчивым, что позволяет им более успешно справляться с вызовами, которые ставит перед ними жизнь.

Создание и поддержание семейных традиций — это не всегда просто. В нашем бешеном ритме

ются с нами на всю жизнь, это тот связующий элемент, который объединяет поколения, помогает нам создавать и поддерживать здоровые отношения. Создавайте ваши собственные обычаи, адаптируйте их под свои нужды, и вы увидите,

---

ВОТ НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ:

1. Планируйте семейное время. Запишите на календаре регулярные встречи, будьте дисциплинированы в их проведении. Это может быть еженедельный ужин, поход в кино, совместные игры и другие активности.

2. Включайте детей в процесс. Дайте им возможность предлагать идеи о том, чтобы они хотели делать. Это создаст у них ощущение важности и включенности.

3. Записывайте традиции. Заведите семейный альбом, куда будете фиксировать все важные моменты. Это может быть не только фото, но и записи стихов, рассказов и даже рецептов, которые вы придумываете.

4. Создавайте новые традиции. Не бойтесь экспериментировать. Появление новых обычаев может обогатить вашу семейную жизнь.

Инвестируя время и усилия в создание традиций, мы наблюдаем, как это влияет на общее эмоциональное состояние нашей семьи.

жизни бывает трудно найти время для того, чтобы сосредоточиться на важном. Но если подойти к этому вопросу с любовью и осознанностью, вы станете замечать, как невидимые связи укрепляются.

Дорогие читатели, я настоятельно призываю вас обратить внимание на важность семейных традиций. Это те моменты, которые оста-

как это повлияет на ваше эмоциональное состояние и благополучие всей семьи. Будьте открыты к новому и помните, что традиции — это не что-то скучное и статичное, это живой и динамичный процесс, который может принести радость и счастье в вашу жизнь. □

Светлана Антипова
<https://psyalterego.ru>

Подарок

Лера лежит у себя в квартире пластом, устремив воспаленные глаза в потолок. Раскинувшись на диване в домашнем халате и тапках, неумытая, нечесаная, она изучает папиллярные узоры трещин там, где совсем недавно висела ее любимая хрустальная люстра под эксклюзивной лепниной. Четвертый день она почти не спит, совсем не ест, только пьет, пьет, пьет... Неумело хлещет сорокоградусную, оставшуюся после собственного дня рождения, прямо из горлышка. Обжигающее гортань зелье течет у нее по губам и подбородку, ниспадая на неприкрытую грудь, а оттуда на живот. Глокает «Столичную» Лера жадно и подолгу, до тех пор, пока не начинает давиться и хрипеть. Звуки ее надсадного кашля отражаются от стен полупустой квартиры и возвращаются к Лере эхом, гулким до ломоты в барабанных перепонках.

Изредка она встает с дивана и кое-как плетется в сторону туалета. Каждый шаг отдается вибрациями в ее наполненной свинцовой тяжестью голове, что ухудшает и без того плачевное состояние женщины. По пути она каждый раз останавливается в дверях ванной комнаты, смотрит на мраморную купель, полную дареных роз, которые она так и не расставила в вазы, и представляет себя плавающей среди них, такой же красивой, бледной и мертвой. От долгого созерцания розового и белого у нее начинает кружиться голова. Почувствовав очередной неукротимый позыв, Лера бросается к унитазу...

Скажи ей кто-нибудь неделю назад, что она за три дня выпьет без малого три литра «Столичной», Лера бы расхохоталась ему в лицо (тогда она еще могла смеяться). Да она перестанет себя уважать, если позволит себе

больше двух бокалов сухого за вечер!.. Но за эти три дня у нее появились смягчающие обстоятельства: ее бросил муж.

В тот вечер они с Олегом одновременно отмечали ее день рождения и назначение мужа на руководящую должность. Гостями, в основном, были мужчины из его института, чей сермяжный коллектив разбавила пара Лериных старинных подруг.

Когда гости расселись за столом, Олег, постучав вилкой по бутылке с шампанским, взял слово и произнес полную лестных эпитетов речь о своей «боевой подруге», разделившей с ним двадцать лучших лет его жизни. При этом не преминул отметить, что всем хорошим, случившимся с ним за этот период, в том числе и нынешним своим назначением, он обязан исключительно любимой жене.

Все время, пока говорил, Олег не отрываясь, смотрел на Леру влажными, проникновенными глазами. (Точно таким взглядом обнимал жену Штирлиц в сцене их конспиративной встречи в кафе «Элефант».)

А когда отзвенели бокалы, Олег, под аплодисменты, галантно встав на колени, вручил Лере бриллиантовые сережки и билеты на ближайшие выходные в Тунис. Вот так. Публично. Чтобы все знали, какой он замечательный муж и настоящий идадьго. Что ж, эффект удался. Саксофон в динамиках с придыханием наигрывал мелодию из «Шербургских зонтиков». Гости кричали «горько» и пели осанну вечно юной и не блекнувшей любви хозяев дома. Женская аудитория, приторно улыбаясь, исходила на зависть, а сияющая Лера, наконец, поняла, на какой сюрприз муж намекнул днями, сбросив ей на почту скриншот прогноза погоды в юго-западном Средиземноморье.

Но, как оказалось, это был еще не весь сюрприз. Настоящий сюрприз ждал ее чуть позже.

Не успели хозяева закрыть дверь за последним гостем, как Олег, став вдруг сухим и чужим, деловито объявил жене: мол, обстоятельства сложились таким образом, что они с Лерой должны расстаться.

— Хорошая идея. Давно пора, — смеясь, подыграла ему Лера, предвкушая, как серьезное, почти непроницаемое лицо Олега осенит обычная хитрая улыбка, и он, так и не насладившись Лериным недоуменным видом, скажет, притворно сложив обиженные губы в трубочку:

— Ишь, у-у-умная. Не купи-илась...

А потом сгребет ее в охапку и потащит в спальню — поздравлять с днем рождения. По-настоящему.

Но нет. Лицо мужа по-прежнему оставалось непроницаемым.

— Погоди, погоди, — поежившись, замотала головой Лера, когда до нее стала доходить суть пренеприятного известия. — Ты это сейчас серьезно? Да нет... В такой день! Скажи, что это шутка. Так не бывает!

— Иногда бывает, Лер.

Бред, безумие какое-то! Может быть, с кем-то случается и не такое (в кино, например), но только не с Лерой. Ей уже сорок три. Двадцать из них она состоит в благополучном, крепком браке. Когда они поженились, Лера была еще студенткой, а Олег работал младшим научным сотрудником у них в институте на кафедре гинекологии. В том самом институте, где он со вчерашнего дня проректор.

Как это часто бывает в критических ситуациях, вся семейная жизнь пролетела в тот момент перед глазами Леры за мгновение. Свадьба, обустройство собственного гнездышка. Потом защита Олегом диссертации, поездки с ним по всему миру на эти его бесконечные симпозиумы. Работали вместе, отдыхали вместе, несмотря на то, что коллеги дразнили его «подкаблучником». А потом в какой-то момент ему потребовалось, как он тогда выразился, чуть больше свободы. Благоразумная Лера возражать не стала. Это нормально. Слишком перетягивать поводок тоже чревато — порвется. Зато у нее появилась своя, независимая от Олега, жизнь: приемные часы в районной женской консультации, литературный кружок. Дальше началось то, что она называла семейной рутинной. Вроде бы и спали на одной кровати, но больше повернувшись друг к другу спинами. Ужинали отдельно: она на кухне, он в гостиной перед телевизором, а если и вместе, то уткнувшись каждый в свой телефон. У него друзья, у нее подруги, у него «ВТБ арена», у нее «Ленком»... Но на дачу и в отпуск в сентябре непременно вдвоем. Традиция. В общем, жизненные их пути после десяти лет супружества разделились, как две железнодорожные ветки на стрелке, победив хоть и параллельными, но все-таки собственными маршрутами. Леру, впрочем, такое положение дел устраивало. Все, вроде, в пределах нормы, уважительно, размеренно, без эксцессов. В то время как у завидовавших ее семейному благополучию подруг — скандал на скандале. Единственное, что омрачало Лере жизнь, так это отсутствие детей. Сначала муж не хотел, тянул резину: вот сейчас сдам проект, защищусь, сделаем ремонт, закончим строить дачу — пока семь лет назад, на плановом обследовании случайно не выяснилось, что он даже при желании не смог бы поспособствовать ей в этом вопросе — сказывались последствия плохо залеченного простатита, которым Олег переболел в молодости. Вот так, спустя пятнадцать лет, аукнулось его молодецкое сентябрьское купание на Куршской косе.

И сейчас обессиленная, вывернутая наизнанку Лера брела, хватаясь за стены, в спальню, а в ее голове сидел ребус относительно наиболее вероятной претендентки на сердце проректора института.

«Хоть и не может, а, как выяснилось, хочет. Герой, блин, любовник. Интересно, на кого же он меня променял? Света Румянцева? Точно. Кто ж, как не эта?»

Светлана — бывшая студентка Олега, а в последнее время ассистентка у него на кафедре. Красавица. Моложе Леры лет на десять. В тот вечер, наблюдая в окно за позорно драпающим мужем, Лере, сквозь слезы, показалось, что именно она сидела за рулем «Пежо-306», в которую, воровато оглядываясь, запрыгнул Лерин ветренный супруг. Впрочем, не исключено, что ей действительно показалось.

Сколько там времени? Десять? Если бы не «эта», летела бы сейчас Лера с мужем где-нибудь над Адриатикой. Но теперь в кресле самолета сидит только он. Хотя почему только он, наверняка, Светку свою прихватил, а если не ее, так Наташку какую-нибудь.

То, что Олег все же летит в Тунис, выяснилось позавчера, на следующий день после чудовищного объяснения. Муж заявился домой на «Газели» — забирать вещи. Чужой, отстраненный, взвинченный. Лера его таким никогда не видела. Супруг рыскал по комнатам, суетливо открывал-закрывал ящики антресолей, лазил по полкам и шкафам, то и дело покрикивая на грузчиков.

— Эй, осторожно там кантуйте, хрусталь все-таки!.. Что вы все передом, торцом, торцом выносите (это он про итальянский шкаф).

В доме все было перевернуто вверх дном, словно там происходил обыск. Несмотря на трагизм ситуации, при виде суетящегося мужа Лере стало смешно. Вспомнила почему-то, как двадцать лет назад Олег пришел к ней в квартиру из своего общежития с одним дорожным чемоданом и стопкой книг, перевязанных бельевой веревкой. А в обратном направлении отбывает с целой «Газелью», доверху набитой всяким добром. Неплохой гешефт...

Муж нарезал круги по квартире, тыча грузчикам то на один, то на другой необходимый в хозяйстве предмет, не забывая периодически оборачиваться к Лере и бросать в ее сторону:

— Что тебе, жалко, что ли?

Конечно, ей было не жалко. Потерявши голову, по волосам не плачут. Ей было жалко своей уходящей молодости, еще было жалко половины жизни, прожитой с этим, как выяснилось, мелочным и двуличным человеком. Жалко того, что она так и не удосужилась завести детей. Жалко, что под рукой не находилось ничего тяжелого, чем можно было бы треснуть ему по башке. А картину Поленова? Нет, не жалко.

Наконец взгляд Олега упал на красивый подарочный конверт с трансфером и бронью отеля.

— Если ты не хочешь лететь, ну, мало ли, не в настроении, я, пожалуй, заберу это, — сказал он. — Чего тебе, жалко, что ли? Развеюсь хоть после нервотрепки.

— О чем речь, развейся, — махнула рукой Лера, плеснув себе из бутылки. — Представляю, как тебе сейчас тяжело. Бедненький!

— Только вот не надо сарказма, тебе это не идет. Да, мне сейчас не легко.

— Так я и говорю. Тунис тебе в помощь. А чтобы совсем полегчало, можешь и сережки забрать, до кучи. Вот твоей новой сюрприз-то будет, — в сердцах ответила Лера, сделав пару глотков «Столичной».

Олег ее эмоциональный выплеск ответом не удостоил, только сильнее запыхтел, пакуя в картон старинную вазу-фруктовницу «Купидон» — подарок Лере на хрустальную свадьбу от коллег по работе.

Еще два часа, и почти ни одного слова. Может, даже больше, чем два. Лера тот момент своей жизни запомнила не очень отчетливо. Засело в памяти лишь то, что, отдавая ключи от квартиры, Олег окатил ее холодным, даже брезгливым взглядом и произнес сакраментальную фразу:

— Бросай уже пить, наконец. Вредно.

Когда за мужем захлопнулась дверь, Лера, на всякий случай, подошла к журнальному столику, где оставила его подарок.

Сережек не было.

Как же она его все-таки плохо знала! Тело, впрочем, знала наизусть, как анатомический атлас после экзамена в институте, от шрама на ухе — следа укуса шершня, до сросшихся пальцев на левой ступне и, чего уж там, до весьма короткой линии жизни на ладонях. Но вот то, что находилось внутри тела, как оказалось, проглядела.

— Дура, что тут сказать, — криво ухмыльнулась Лера, констатируя свой промах. — Кстати, за это стоит выпить. Еще вроде оставалось где-то.

Нетвердым шагом она двинулась к дивану, сиротливо стоящему посреди разоренной гостиной. Подле него, если ей не изменяет память, должна стоять початая бутылка...

Не успела Лера сделать и пару шагов, как со стороны трюмо донеслось треньканье телефона. Первое, что пришло Лере в голову, это грохнуть аппарат об стену, чтобы не мешал страдать.

«Но это кто... что еще?»

Из зеркальной амальгамы трюмо на нее, криво усмехаясь, смотрела какая-то опухшая ведьма с красными глазами и торчащими в разные стороны клоками сальных волос. Лера тут же забыла не только про бутылку и телефон, но и про расставание с Олегом.

Ух, ты, как быстро летит время! Какую-то неделю назад она была уважаемой леди, которой никто не давал больше тридцати трех. И вот на тебе — старуха Изергиль. А ведь ей впереди замуж еще выходить. Нет, пора срочно менять имидж, а первым делом надо прекращать себя оплакивать. Ну и вернуться к нормальной жизни тоже не мешало бы: перестать бухать, принять душ и хотя бы на звонки отвечать. С работы, поди, обзвонились...

Не без труда отыскав на устройстве зелененькую кнопку, Лера непослушной рукой поднесла трубку к уху.

— Алле...

— С днюхой тебя, Лерка! — прозвенела трубка голосом Лериной институтской подружки Машки. — Извини, что с опозданием. Были на заимке у приятелей мужа. Ты даже не представляешь!.. Ангара, рыбалка, нельма. И никого! Связь отсутствует по определению. А что это у тебя голос такой?

— Хмм... какой?

— Как будто с того света.

— Так я... это... со дня рождения в хлам.

— Ааа... Смеешься? — оценив шутку, захохотала Машка.

— Смеюсь. Приболела. На работе, ага. Слабость такая, язык аж едва ворочается.

— Дела-а! Тогда это, здоровья тебе, мать! И да, Олежку смотри не зарази, он мужик полезный. Что, кстати, он тебе подарил?

— Отстань, а...

— Нет, ты мне скажи, что подарил, тогда отстану, — не унималась подруга.

— Свободу.

— Свободу?! В каком смысле?

— В прямом. Бросил меня. Ради этой своей... Ну, не важно. Сейчас они уже, наверное, подлетают.

— Кто подлетает, куда? — ничего не понимала Машка.

Лера, уставшая возвращаться к нормальной жизни, нажала на красную кнопку и с тоской посмотрела в сторону дивана.

Но куда там. Телефон снова завибрировал у нее в руках.

«Вот ведь, какая настырная...»

Только это уже была не Машка. И не с работы. Номер незнакомый.

«Как же вы все мне надоели...»

В ответ на ее тяжелое вымученное «Ну...» в трубке раздался мужской, полный официоза голос:

— Могу я услышать Новикову Валерию Викторовну?

— Ну...

— Это вас из Следственного комитета беспокоят. Майор юстиции Смирнов Игорь Иванович. Дело в том, что ваш муж, Новиков Олег Сергеевич, возможно, погиб сегодня в авиакатастрофе. Я повторюсь, возможно, — торопливо добавил следователь, не давая абоненту впасть в ступор или, того хуже, в истерику. — Короче, необходимо опознание.

У Леры мгновенно выветрился из головы хмель, а ладони вспотели так, что она едва не уронила телефон.

— Господи. Он разбился? — стучала она зубами, ища, к чему бы приклониться.

— Их суперджет загорелся на старте, — продолжал следователь. — Без жертв, увы, не обошлось. Четырнадцать человек. Среди них, вероятно, и ваш муж. Извините, мне очень неприятно об этом говорить, но вам следует подъехать в патологоанатомическое отделение больницы номер двадцать семь.

— Олег в морге?

— Где ж еще? Впрочем, может быть, это еще и не он.

— Он. Я чувствую — он.

У больничной проходной Леру встретил похожий на комиссара Мегрэ следователь в старомодной фетровой шляпе и с зажеванной донельзя зубочисткой во рту. Он был уже немолод и грузен. По его осунувшемуся лицу было видно, что Лера у него сегодня далеко не первая клиентка. При виде свидетельницы Смирнов, выплюнув зубочистку, тяжело расправил плечи, после чего деликатно взял ее под руку и, кивнув охране: «Со мной», — повел какими-то бесконечными подземными коридорами. Шагал он уверенно, наверное, протопал уже не один километр этим печальным маршрутом.

Внутри мертвецкой было одновременно холодно и душно. Воздух пропах керосином, спиртом и чесноком. Встретивший их в камере прозектор, хмурый обрюзгший мужчина с заспанным лицом и слезящимися глазами, скользнув равнодушным взглядом по ним, не здороваясь, бросил Лере.

— Готовы?

Она, зябко поежившись, кивнула. От недостатка кислорода, бессонницы и стресса кружилась голова, и Лера, качнувшись, облокотилась на следователя, который, надо отдать ему должное, стоял настороже. На лице у посетительницы, видимо, были написаны три дня беспробудного застоя, и патологоанатом позволил себе бестактность, за которую от приличной женщины можно было получить и жесткий отпор:

— Как насчет полтинничка медицинского? — спросил он у Леры, доставая из тумбочки колбу с мерзко пахнущей жидкостью. — Для настроения, — и выразительно щелкнул себя по кадыку.

— Уберите! — поморщилась Лера, но не обиделась, вспомнив свое отражение в трюмо. — Меня сейчас вырвет!

— Было бы предложено, — равнодушно пожал плечами «гостеприимный» прозектор, но колбу не убрал.

Из металлического, во всю стену, шкафа выкатились на роликах носилки.

— Господи!... — Перед Лерой лежало то, что еще недавно было ее мужем, уважаемым, деловым и полным планов на жизнь. Запекшееся лицо со страшным оскалом, с пустыми глазницами, но вполне узнаваемое. Олег, точно он. По крайней мере, сросшиеся пальцы на левой ноге, с висящей на них биркой, его.

— Узнаете этого человека? — спросил следователь.

Лера всхлипнула и кивнула.

— Новиков Олег Сергеевич? — уточнил следователь, протягивая ей протокол опознания.

— Да.

— Тогда поставьте подпись — вот тут и тут.

Подписывая протокол, Лера поймала себя на мысли, что, как ни странно, не испытывает острых эмоций на фоне происходящего. Не было у нее ни отчаяния, ни боли утраты, ни злости на мужчину, который лежал перед ней в пластиковом мешке. Было только опустошение. Анабиоз. Ненависть, пожиравшая ее еще утром, сейчас, за отсутствием объекта приложения, куда-то улетучилась. Да и не по-христиански это, злиться на покойников. Нет, жалость, конечно, осталась, все-таки столько лет вместе, но в ограниченной дозировке. За потрясениями последних дней Лера утратила способность остро переживать. Выплакала, наверное, все, что могла. Сейчас ей казалось, что она видит оболочку абсолютно чужого ей человека, более чужого, чем даже тот, кто сдавал ей на днях ключи от квартиры. Она вдруг поймала себя на мысли, что, по-хорошему, должна быть благодарна мужу за то, что он ее бросил. Если бы не это, лежать ей сейчас на соседней с ним полке. Наверное, Лера поспешила с выводами относительно подарка Олега на день рождения. Какую, к черту, свободу он ей подарил? Нет, он подарил ей нечто более ценное — жизнь.

«Самое страшное позади, — успокаивала себя Лера, слыша, как с лязгом захлопывается дверца шкафа, куда отправилась каталка с телом. — Дальше будет легче».

Ничего подобного! Словно сквозь туман до нее донесся голос следователя, который, похоже, ее о чем-то спрашивал. Сделав усилие над собой,

она вернулась в реальность, однако успела воспринять только окончание реплики майора.

— ... Румянцеву Светлану Вячеславовну?

— Извините?

— Одновременно с вашим мужем на рейс зарегистрировалась женщина, — терпеливо начал «танцевать от печки» следователь. — Румянцева Светлана Вячеславовна тоже погибла. У меня к вам просьба в этой связи, — замылся следователь. — Мало ли, вдруг вы ее знали. Не сможете опознать тело, коль вы уже здесь? С родственниками у нее туго. Приходится лавировать: коллеги, знакомые.

— Румянцева, Румянцева... — нарочито поморщила лоб Лера. — А-а-а, Румя-я-янцева! Это сотрудница мужа. У них была командировка, — уточнила она на всякий случай, — ей совсем не хотелось, чтобы мужики сейчас понимающе перемигивались за ее спиной. — Правда, мы с ней почти не знакомы. Возможно, виделись пару раз мельком. Так что вряд ли смогу помочь.

— Что ж, — печально качнул сидящей головой следователь, — как говорится, будем искать.

— Значит, они летели вдвоем? — ревниво уточнила Лера.

— Втроем. С ними была еще маленькая девочка...

— Господи! — Лера стала испуганно озираться по сторонам, прикрывая сведенный ужасом рот ладонью. — Что, и девочка тоже здесь?

— Нет, по счастью. Их дочь удалось спасти. Но привлекать ее для опознания матери было бы негуманно.

— Их?! Вы, наверное, хотели сказать — ее дочь, — машинально поправила Лера.

— Это вряд ли. — Следователь понимающе качнул головой. — Ребенок их общий — гражданки Румянцевой и вашего супруга. Во всяком случае, по документам.

Краска прилила к лицу Леры. Мало того, что известие из ряда вон, так она еще и выглядит сейчас полной кулемой.

— Ерунда какая-то, — нервно засмеялась она. — У моего мужа нет детей. Их быть просто не может. Физически. Вы ничего не перепутали?

Следователь озадаченно посмотрел в свой планшет и ответил:

— Да нет, все верно. Согласно данным регистрации на рейс, это Новикова Дарья Олеговна, 2010 года рождения. Семь лет. Сканированные копии метрики, загранпаспортов матери и отца, биометрия.

«Удивительно, столько лет жила с мужем под одной крышей, а заглянуть в его паспорт ни разу не удосужилась, — подумала Лера, не в силах оправиться от шока. — Неужели у него есть дочь? Это вдвойне подло!.. Я,

значит, рылом не вышла ему родить, а вот гражданка Румянцева — пожалуйста!..»

— Могу ли я как-нибудь навесить девочку? — спросила она у следователя, пока они возвращались по подземному лабиринту из царства теней туда, где кипела жизнь.

Ей надо было лично убедиться. Она только взглянет, и сразу поймет, Олега это ребенок или чужой. Может, он чужого на себя записал. Ну, мало ли. Такое бывает. По большой любви.

— Попробуйте. Она сейчас тут, в детском корпусе. В отделении интенсивной терапии. Только я не уверен, что вас туда пустят...

Уже через несколько часов Лера была у цели — помогли связи. Девочку как раз перевели в общую палату, так что доступ к ней не был неразрешимой проблемой.

— К Новиковой кто-нибудь приходил? — спросила она у пожилой дежурной медсестры, отмечаясь у нее на посту.

Насколько понимала Лера, прийти к девочке, в принципе, могли только родственники по линии матери, с которыми, как сказал следователь, «напряженка». У мужа же вообще никого, кроме дяди в Америке, нет.

— Нет пока, — ответила медсестра. — Девочка говорит, что они жили втроем с матерью и бабушкой. Но бабушка умерла две недели назад. А тут еще и родители следом. Такое горе! — она промокнула салфеткой глаза. — Сиротой осталась девочка... Слышала, что у нее есть еще какие-то дальние родственники в Пензе, но с ними пока не связывались.

«Ах, вот, значит, как? — подумала про себя Лера. — Видимо, Дашина бабушка не очень жаловала тебя, Олежек. А с ее уходом квартирка освободилась, открылось окно возможностей. Тут-то ты и засобирался... Как тебе такая версия?»

— А девочка уже знает про родителей? — спросила она у медсестры.

— Знает. Но, кажется, до конца не поняла...

— Конечно... она же совсем ребенок...

Лера, сделав глубокий вдох и поправив машинально прическу, зашла в палату. Внутри было тихо. Единственная обитательница палаты сидела на кровати, откинувшись на подушки, и тоскливо смотрела в потолок, точнее, сквозь него. Ее глубокий, не по-детски пронзительный взгляд был устремлен далеко-далеко, в страну, где не бывает бурь, куда сегодня утром, взявшись за руки, ушли ее родители.

Правой рукой она прижимала к груди плюшевого мишку, левая была забинтована по плечо.

У Леры от такой картины навернулись слезы на глаза, хотя ей еще недавно казалось, что весь свой лимит слез на остаток жизни она уже выплакала.

— Бедная девочка! — прошептала она и застыла, пораженная неброской красотой ребенка. Бледное, благородное лицо с тонкими правильными чертами, явно просматривающимися за детской припухлостью, пышные русые волосы, затянутые в аккуратный хвост.

«Красивая будет, как мать. Хотя, чего греха таить, есть кое-что и от него, — отметила она не без горечи. — Такой же прямой лоб, тот же умный взгляд из-под бровей. Похожа, похожа! Выходит, на пороге бесплодия наш пострел все-таки поспел. Зацепился, так сказать, за подножку уходящего поезда...»

Снова все чувства в душе уступили место обиде, от которой яростно запершило в носу и горле. В какой-то момент, не удержавшись, она кашлянула в кулак.

Девочка, вздрогнув от звука, опустила голову. Потом подняла ее, и, встретившись взглядами, Лера и Дарья некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Больно? — спрашивает, наконец, Лера у девочки, не зная, что еще пристало говорить в таких случаях. В принципе, свое дело она сделала — убедилась. По-хорошему, теперь ей бы тихонько уйти, но...

— Немножко, — одними губами прошептала Даша и уже громче добавила, демонстрируя свое приличное воспитание: — Спасибо.

— Это хорошо...

Вдруг лицо Дарьи ожило, и она сказала:

— А я вас знаю, — и в ответ на удивленный взгляд Леры пояснила: — Вы та женщина с фотографии.

— С какой фотографии?

— Папа мне показывал фотографию, где он держал в руках большую рыбу. А рядом стояли вы. Красивая. Вы, наверное, хорошо знали папу.

«Это, видно, позапрошлогодня», — вспомнила Лера. Они тогда с мужем на Селигере рыбачили. Олег еще вытянул щуку килограмма на три и ужасно своим рыбацким подвигом гордился, кому только ту фотку не показывал.

«А папу твоего, девочка, я, как оказалось, знала не очень», — подумала Лера, а вслух сказала:

— У тебя хорошая зрительная память. В отца... — Спohватившись, она увела разговор со скользкой темы в сторону: — Кстати, я апельсины с минералкой принесла, еще печенье, пряники. Оставила пока у медсестры.

— Меня отдадут в приют? — пропустив Лерины слова о пряниках и апельсинах мимо ушей, спросила девочка, еще крепче обнимая мишку.

— Не знаю, — пожав плечами, честно ответила Лера и добавила: — А откуда у тебя такой красивый мишка?

— Папа в аэропорту купил... — глаза Даши затуманились... — Перед... этим... А вы еще придете?

Лера вздрогнула, на какой-то миг ей показалось, что на нее сейчас смотрит сам Олег, вернувшийся с того света, чтобы озвучить свою последнюю просьбу.

«Его, его это ребенок!»

— Не знаю, — вспыхнув, уклонилась от прямого ответа Лера, хотя на языке у нее вертелось жестокое: «Вот еще. Ни за что!»

— Только я все равно буду ждать. Можно?

В дверях Лера неожиданно обернулась и обожглась о Дашин тоскливый, все понимающий, прямо-таки взрослый взгляд, которым та провожала гостью.

«Сейчас на меня навалилось столько хлопот, подумала Лера, снимая бахилы на выходе из отделения. — Надо организовывать похороны. На работе, опять же, неделю не была. Потом разберусь со всем, очухаюсь немного и, может быть, зайду. Девочка же ни в чем не виновата. Хорошая девочка».

Садясь в автобус, она уже знала точно, что придет...

Вернувшись домой, Лера, не раздеваясь, упала на любимый диван и стала беззвучно рыдать, открывая рот, словно выброшенная на берег рыба. Какой же у нее сегодня был невыносимо длинный день!.. Чтобы как-то отвлечься, она стала думать о работе, о машине, которую еще вчера должна была забрать из сервиса, о розах, чахнувших в ванне.

Но перед глазами снова и снова вставало, нет, не обгорелое тело мужа, а образ несчастной Даши, потерянно обнимающей здоровой рукой плюшевого мишку и с робкой надеждой смотрящей Лере вслед.

Она снова всхлипнула, почувствовав вдруг, что ближе этой несчастной, такой чужой и такой родной девочки у нее на свете сейчас никого нет.

Нет, она обязательно придет к ней. Завтра же придет, и послезавтра тоже. Она будет приходить к ней каждый день, столько раз, сколько потребуется...

«Надо же... — впервые за эти дни по-настоящему, а не криво, саркастически или жалко улыбнулась она. — Похоже, я в очередной раз не угадала с подарком Олега на день рождения...» Сейчас Лера уже ясно понимала, что муж сделал ей особый щедрый подарок — подарил ей на день рождения дочь... □

Ирина Опимах

Шипионе Боргезе

Волшебный ларец Шипионе Боргезе

Галерея Боргезе — совсем небольшая, но у нее есть отличительное качество: каждый предмет в этом собрании — настоящий шедевр. Так случилось благодаря очень неоднозначной фигуре ее создателя, кардинала Шипионе Боргезе. В истории галереи отразились все главнейшие события европейской истории.

Галерея Боргезе

В 1550 году в Рим из Сиены приехал известный в Тоскане глава богатого аристократического семейства сеньор Маркантонио Боргезе. Род Боргезе имел долгую историю, уходящую в глубь веков. Деньги у Боргезе были, а потому сеньор Маркантонио приобрел в Риме неплохой и весьма живописный участок земли на холме Пинчо. Вскоре он овдовел, но недолго горевал и вновь женился, причем весьма удачно — его супругой стала девушка, принадлежавшая одному из самых знатных римских семейств. И уже 17

сентября 1552 года у них родился сын. Его назвали Камилло. Мальчик оказался не без способностей. Он учился в Перудже, потом в Падуе и стал неплохим юристом. В 1596 году папа Климент VIII послал его с дипломатической миссией к королю Испании Филиппу II. Видно, юный Камилло Боргезе проявил себя хорошо — после окончания миссии папа произвел его в кардиналы, подарил епископство и назначил викарием Рима. Его карьера развивалась блестяще, и в 1605 году он стал папой Павлом V.

В семействе Боргезе было принято заботиться о родственниках, вот и Камилло никогда не забывал о своих близких. У него была сестра Ортенсия, которая вышла замуж за некоего Франческо Кафарелли, человека, может, и хорошего, но небогатого. У них родился сын, и Камилло проникся к мальчику большой любовью. Понимая, что хорошее образование — вещь в жизни необходимая, он оплачивал расходы на учение племянника. Шипионе, (так родители называли сына) изучал право и философию в Римском университете, а когда стал папой, то уже через два месяца Камилло сделал его кардиналом-непотом (кардиналом-племянником) и дал ему свою фамилию. Шипионе было тогда всего 27 лет. Годы понтификата Павла V были отмечены рядом «свершений». Так, в частности, в 1616 году декретом Папской Конгрегации «Индекс запрещенных книг» был осужден великий труд Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер». По распоряжению Папы инквизиция начала процесс против Галилео Галилея. Церковь запретила главный тезис, высказанный Галилеем: «Солнце не движется вокруг Земли, и Земля не является центром Вселенной». Но мы должны быть благодарны Павлу V за организацию археологических работ в Риме, а также за Шипионе — если бы не дядя, кардиналу Боргезе не удалось бы собрать блестящую коллекцию шедевров, которой мы наслаждаемся до сих пор.

Дело в том, что Шипионе страстно любил искусство и, обладая прекрасным вкусом, хорошо отличал настоящее от того, что не стоило его внимания. А разместить свое собрание он решил на подаренной ему дядей земле, в доме, окруженном садом, где должны были расти растения редких сортов, где била вода в чудесных фонтанах и где глаз радовали очаровательные скульптуры. Вот такое задумал Шипионе, и ему все удалось! Фламиний Порцо, архитектор семейства Боргезе, сумел осуществить все его мечты. Когда этот маленький дворец-шкатулка, которым мы можем любоваться и сегодня, был построен, Шипионе перевез в его стены свои уже собранные его предками коллекции, а также античные мраморы.

*Папа
Павел V*

ры, найденные в ходе работ, организованных его дядей папой Павлом. Страсть коллекционирования и собирательства — одна из самых сильных, и потому Шипионе на этом не остановился.

*Бернини.
«Аполлон
и Дафна»*

Он занимал несколько важных церковных постов и сумел скопить неплохой капитал, что позволяло ему покупать или заказывать картины или скульптуры у нравившихся ему художников и скульпторов. Только вот его методы собирательства не всегда были благородными. Порой, дабы завладеть тем или иным шедевром, он, этот могущественный племянник папы, а по совместительству — его секретарь и глава ватиканского правительства, использовал не совсем высоконравственные методы. Историки знают, по крайней мере, три сомнительные истории, связанные с шедеврами галереи Боргезе.

В 1507 году донна Аталанта Бальони из Перуджи заказала Рафаэлю большую картину для алтарной ниши церкви Сан-Франческо аль Прато в память о сыне Грифонетто, убитого на площади города во время междоусобных войн, потрясших город в начале XVI века. Донна Аталанта, увидев законченную работу Рафаэля, «Положение во гроб», осталась довольна. Ей все понравилось. «Мой мальчик у вас получился как живой!» — с тихой радостью говорила она художнику, а Дева Мария, потерявшая сына, на полотне страдала так же, как и она. Теперь Аталанта была счастлива — если может быть счастливой мать, похоронившая сына. Память о нем и об ее горе увековечена. Алтарный образ поместили в семейной капелле Бальони и торжественно освятили. Старый храм, обретя такое украшение, словно по-

Рафаэль. «Положение во гроб»

молодел и, несомненно, похорошел. Перуджинцы стали чаще заходить в эту церковь. Донна Аталанта до конца своих дней ходила в Сан-Франческо аль Прато и часами сидела в глубоком молчании перед рафаэлевой картиной.

«Положение во гроб», первая попытка Рафаэля создать многофигурную композицию, завершило важный

период его творчества — заканчивалась юность художника и начинались годы зрелости. Впереди у Рафаэля было всего 13 лет жизни, множество великих работ, и среди них — гениальные фрески Ватиканских станцев, «Сикстинская мадонна». Он умер в 1520 году, когда ему было лишь 37 лет.

Прошло более века. Вся Европа почитала Рафаэля, картины его сто-

Караваджо. «Юноша с корзиной фруктов»

или большие деньги, и каждый аристократ стремился иметь в своем собрании хоть какое-нибудь его творение. Вот и у перуджинцев было в церкви Святого Франциска рафаэлев «Положение во гроб». Но 20 марта 1609 года прихожане, пришедшие в храм, не увидели его, алтарный образ

из капеллы Бальони исчез! Кто-то совершил страшное преступление — украл картину! А вскоре стало известно, что ее увезли в Рим, где она украсила богатейшую коллекцию произведений искусств известного любителя прекрасного, кардинала Шипионе Боргезе. Однажды увидев картину,

он страстно возжелал ее заполучить. И у него получилось! Этот человек обладал огромной властью, иначе ему бы не удалось организовать кражу картины. План похищения был тщательно продуман и блестяще осуществлен — удивительное дело — самими монахами храма! Видно, кардинал посулил им немалую сумму. Под покровом ночи святые отцы вынесли картину из церкви, спустили ее за стены города и передали посыльным Боргезе, которые и доставили ее кардиналу, в его дом, стоявший среди чудесного сада с фонтанами, скульптурами и изящными павильонами. В этом дворце рафаэлю «Положение во гроб» заняло достойное место.

Перуджинцы отчаянно пытались вернуть картину, но у них ничего не получилось — не помогли ни письма властям, ни всяческие протесты. Да и как они могли бороться с всемогущим папой и его влиятельным племянником! Перудже и храму Сан-Франческо аль Прато пришлось удовлетворяться копией, которую по приказу Павла V выполнил римский художник Кавальер д'Арпино и которая, конечно же, сильно уступала оригиналу.

Вторая история — о том, как в коллекцию Боргезе попала картина Караваджо «Юноша с корзиной фруктов».

При понтификате Павла V многие заказы больших римских храмов и дворцов попадали к Джузеппе Чезари по прозвищу Кавальер д'Арпино, тому самому, который выполнил копию рафаэлевского «Положения во

гроб» для церкви Сан-Франческо в Перудже. Знали его не только в Риме — большой популярностью пользовались его работы в Неаполе и во Франции: как-то кардинал Альдобрандини, взял его с собой в Париж, и король Генрих IV, восхищенный его мастерством, сделал его кавалером ордена святого Михаила. Среди заказчиков Джузеппе Чезари помимо богатой римской аристократии были также император Священной Римской империи Рудольф II Габсбург и король Испании. Д'Арпино написал очень много картин и слыл в свое время первым среди римских живописцев. Он устраивал в своем доме шумные оргии, всячески стараясь развлечь высокородного покровителя, грешного кардинала Пьетро Альдобрандини, обожал роскошь, дорогие одежды, имел собственного цирюльника и карету. А еще он был членом Академии «безрассудных, где главными персонажами была тогдашняя римская золотая молодежь, выходцы из аристократических семейств. Одним из главных членов этого сообщества был и Шипионе Боргезе — в те годы он издавал поэтический журнал, где печатал свои творения. Шипионе часто заходил в мастерскую д'Арпино, внимательно рассматривал работы молодых художников, овладевавших там живописным ремеслом. Чуткий к настоящему искусству, Боргезе не мог не заметить юного Караваджо, в 1593 году попавшего к Чезари и проходившего у него «свои университеты». Их отношения нельзя было

*«Мадонна
Палафреньери»*

назвать безоблачными — вспыльчивый, гордый Караваджо вынужден был многое прощать своему мэтру, но как только представилась возможность, сбежал от Арпино. Тот был в ярости — обвинял Караваджо в черной неблагодарности и требовал вернуться. Он понимал, что Караваджо очень талантлив, и на нем можно хорошо заработать. Однако художник уже шел своим путем. А вот картины его остались у

Арпино — он не пожелал их отдавать, сказав, что оставляет их у себя за обучение и постой. Так несколько замечательных картин Караваджо остались у Арпино. Среди них был и «Юноша с корзиной фруктов», где портрет очаровательного молодого человека и корзина с живыми фруктами составляют одно живописное целое.

Шипионе Боргезе, увидев полотна Караваджо, страстно захотел обла-

дать ими, но Арпино никак не соглашался продать их. И тогда над Арпино сгустились тучи. Ему было предъявлено обвинение в незаконном хранении оружия. В те годы в Риме шла борьба с такими нарушителями закона, причем наказание бывало весьма суровым — вплоть до лишения жизни. У Арпино действительно в доме было большое оружие — он собирал коллекцию аркебуз и другое огнестрельное оружие, коллекция была тайной, но папские ищейки каким-то образом прознали о ней. Но кто же ему поверит, что эти аркебузы — не боевое оружие, а экспонаты коллекции? Кто его будет слушать, если за всем этим делом стоит всемогущий племянник папы кардинал Шипионе Боргезе? В общем, Арпино сохранили жизнь, но конфисковали все его имущество. Чтобы получить помилование, Арпино пришлось подарить все свои картины — 110 полотен — Церкви, да еще заплатить штраф в 500 скудо. И уехать подальше от Рима, в свое имение в местечко Арпино. Ну а вскоре (вся эта история случилась в 1607 году) картины Караваджо украсили собрание Шипионе Боргезе.

Еще один шедевр Караваджо попал к Боргезе тоже не очень понятным образом. В 1605 году братство конюхов и стремянных (и такие братства бывали в ту эпоху) Апостолического дворца заказало Караваджо большую картину для их часовни в соборе Святого Петра. Конюхи на итальянском — *palafranchieri*, отсюда и название картины «Мадонна Палафре-

ньери». Покровительницей братства считалась святая Анна, мать Девы Марии, поэтому на картине она должна была присутствовать. Заказ был важным, и художник тщательно работал над картиной. В «Книге Бытия» (3,15) рассказывается, как Иисус раздавил с помощью Девы Марии голову Змея-Дьявола. Караваджо создал

*Бернини.
«Давид»*

совершенно живую сцену — на ней все персонажи — обычные люди, и только нимбы над головами свидетельствуют об их святости. Ребенок, Иисус, видя извивающуюся змею, вырывается из рук матери, которая вся — любовь и забота. Змея в христианстве — символ первородного греха, и эта картина — отражение дискуссии, разгоревшейся в 1569 году между теологами: ученые мужи спорили, кто должен убивать змею — дева Мария или Христос. В результате было решено, что они совершают это деяние вместе, вот почему маленький Иисус у Караваджо прижимает свою ножку к ноге матери, и таким образом они вдвоем уничтожают дьявольского гада. А рядом стоит святая Анна и наблюдает, как ее дочь

и Иисус борются со змеем-искусителем. 14 апреля 1606 года Караваджо получил гонорар, и картина была повешена в соборе. Он был невероятно горд — ведь рядом с его картиной стояла гениальная Пьета Микеланджело! Но его счастье длилось недолго — уже 16 апреля картину сняли — слишком уж живые были герои Священного Писания: маленький Иисус совсем не походил на Бога Христа, Анна получилась как беззубая старуха с римских улиц, а тут еще кто-то донес попам, что для образа Марии Караваджо позировала его любовница! В общем, картину сняли. Скорее всего, мнение святых отцов сложилось под влиянием кардинала Боргезе. Так или иначе, но, узнав о решении монастыря, он тут же заплатил монахам 100 скудо (и монастырь оказался не внакладе — Караваджо они дали 75 скудо), и еще одна замечательная картина Караваджо пополнила собрание Боргезе!

*Антонио Канове.
Скульптурный портрет
Паолины Боргезе
(Бонапарт)*

Доменикино. «Охота Дианы»

А вот как туда попала великолепная «Охота Дианы» Доменико Цампьеры по прозвищу Доменикино?.. Это большое полотно было заказано художнику кардиналом Пьетро Альдобрандини для его виллы во Фраскати. Шипионе, любивший посещать мастерские художников, однажды — в январе 1617 года — зашел к Доменикино и увидел почти законченное полотно: очаровательные нимфы Дианы в праздничном антураже развлекаются, стреляя из луков. Доменикино придумал блестящую композицию: все фигуры располагались по ромбу, причем были устремлены в сторону шеста, мишени. Эта картина была наполнена светом, цветом, красотой молодости. Увидев картину, Шипионе тут же решил, что она должна украсить его дворец. Он был готов

заплатить за нее немалую сумму, но художник был связан обязательством — картина была обещана кардиналу Альдобрандини. В общем, Доменикино отказал Боргезе. А на следующий день в его дом ворвались стражники и бросили художника в Тор ди Нона, самую страшную римскую тюрьму. Конечно же, это было сделано по указу всемогущего кардинала Боргезе. За освобождение он потребовал огромную сумму. Доменикино не оставалось ничего другого, как отдать кардиналу «Диану». Надо сказать, что Боргезе и раньше использовал тюрьму в своих целях — так, однажды он бросил в темницу другого замечательного художника, Гвидо Рени — тот посмел отказаться работать на самого кардинала Шипионе Боргезе! И только заступниче-

ство болонского архиепископа спасло прекрасного живописца.

В общем, наш герой не брезговал никакими методами, дабы заполучить понравившееся ему произведение искусства. Это был типичный предста-

Бернини.
«Похищение
Прозерпины»

витель того удивительного времени, эпохи Возрождения: в Шипионе Боргезе невероятным образом сочетались и любовь к поэзии и музыке, и страсть к искусству, и умение наслаждаться светской жизнью, и способность зарабатывать деньги (к концу 15 лет правления его дяди Папы Павла V он сколотил огромное состояние: у него были обширные поместья и роскошные дворцы, в которых он закатывал невероятные пиры). И конечно, его страсть коллекционера! А деньги, которые у него были, и своеобразно понятые нормы морали давали ему возможность приобретать и античное искусство, которое в те десятилетия входило в жизнь Европы, и творения современных ему художников и скульпторов.

В 1618–1623 годах любимым мастером кардинала стал скульптор Джованни Лоренцо Бернини. Покровительство Боргезе помогло Бернини стать главным скульптором и архитектором XVII века. Это был настоящий новатор, один из создателей стиля барокко. Для Боргезе Бернини создал скульптуру Давида в натуральную величину (1623) и три скульптурные группы на мифологические темы, среди них — «Аполлон и Дафна» и «Похищение Прозерпины». В этих потрясающих творениях — страсть, любовь, боль, отчаяние...

В 1632 году Бернини написал портрет кардинала, в котором гениально выразил сущность этого героя Ренессанса. Портрет был создан за год до смерти Боргезе, но в этом человеке еще столько жизни, азарта, интереса. Его глаза пристально смо-

трят на вас — он многое понимает про человеческую сущность, этот римский кардинал, и знает, как добиться своих целей...

В 1633 году Шипионе Боргезе покинул сей бранный мир, оставив потомкам свои деньги, имения, дворцы и коллекцию шедевров. В 1638 году благодаря браку наследника Шипионе Паоло Боргезе с Олимпией Альдобрандини в галерею Боргезе поступили произведения, принадлежавшие представителям римской аристократии: кардиналу Сальвиати, Лукреции д'Эсте и Ипполито Альдобрандини.

Прямые потомки Шипионе понимали ценность его собрания, но в конце XVIII века любовь к искусству у наследников Боргезе уже была не столь велика. Их больше интересовали недвижимость, скачки и другие развлечения, и постепенно из собрания стали исчезать какие-то произведения старых мастеров. Иногда по причине раздела наследства, иногда просто из-за переезда членов этого большого семейства.

В 1796 году французская армия во главе с генералом Бонапартом вторглась в Италию и одержала ряд блестящих побед. Покоряя один за другим итальянские города, Наполеон, одержимый идеей создать из Лувра свой грандиозный музей, беззащитно грабил храмы и галереи. Огромное количество картин и других художественных ценностей было тогда отправлено в Париж.

В 1803 году Камилло Боргезе женился на сестре Наполеона Паолине. Наполеон, ознакомившись с собранием Боргезе, потребовал передать Франции (то есть ему, Наполеону) большую часть антиков. Быть мужем сестры самого могущественного правителя Европы непросто, и Боргезе пришлось согласиться. Сто пятьдесят четыре статуи, сто семьдесят барельефов, сто шестьдесят бюстов, тридцать колонн и ваз (включая знаменитую «Вазу» Боргезе) были отправлены во Францию и потеряны для Италии

*Шипионе
Боргезе*

навсегда. Увезли в Париж и «Положение во гроб» Рафаэля. (В 1815 году, после Венского конгресса, оно вновь заняло свое место в Галерее Боргезе.)

Но в эти трудные для галереи годы кое-что удалось и приобрести: Антонио Канове, лучшему скульптору того времени, был заказан скульптурный портрет Паолины. «Паолина Бонапарт в образе победоносной Венеры» — так называется эта замечательная скульптура, ставшая ныне символом галереи Боргезе. И хотя супруги вскоре разошлись, этот шедевр нисколько не утратил своего значения. Она поистине прекрасна — изнеженная Паолина-Венера, полуобнаженная, возлежащая на ложе и держащая в руке золотое яблоко.

Бурная середина XIX века, с буржуазными революциями и восстаниями, сильно напугала семейства европейских аристократов. Стараясь сохранить свои состояния, они за бесценок продавали унаследованные произведения искусства. Вот и Боргезе поддались панике. Они продали тогда некоторые замечательные полотна, причем вместе с рамами, которые заказывал сам Шипионе в 1610-х годах мастерам А. Дуранте и Дж. Б. Сориа, пропали безвозвратно и некоторые серебряные изделия.

Позже потомки кардинала предпринимали попытки хоть как-то восстановить то, что было потеряно благодаря родству Камилло Боргезе с Наполеоном: старались приобретать все ценное, что было вновь найдено при раскопках в Риме и его окрестностях, однако возродить в полной мере

блеск античной коллекции Шипионе было практически невозможно. На содержание коллекции уходило много средств, которых у наследников кардинала не было, и в 1833 году Франческо Альдобрандини (князь Боргезе с 1832 года), чтобы предотвратить распад коллекции, передал ее в ведение специальной Поручительской комиссии. Собрание картин и скульптур Боргезе отныне становилось неделимым и могло лишь переходить от одного собственника к другому по законам наследования.

В конце XIX века финансы Боргезе пришли в упадок, и в 1902 году Поручительская комиссия передала галерею, парк и все строения в парке в ведение государства. Все это было сделано за совершенно символическую сумму — 3,6 миллиона лир! А ведь только за одно полотно Тициана «Любовь небесная и Любовь земная» в 1899 году барон Ротшильд предлагал Боргезе 4 миллиона лир!

В 1997 году галерея Боргезе открылась после больших реставрационных работ для широкой публики. Сегодня это очень важный музейный и научный центр. Попасть в музей можно, только заказав билеты за несколько дней — почти все любители искусства, приезжающие в Вечный город Рим, жаждут обязательно прийти сюда и увидеть сокровища, собранные четыре столетия назад кардиналом Шипионе Боргезе. Он по-прежнему царит в своем чудесном дворце-шкатулке и встречает гостей улыбкой, запечатленной гениальным Бернини. □

Владимир Замышляев

Эфиоп...и я

Однажды... С этого слова люди обычно начинают рассказывать истории. Начну и я... Так вот, однажды, болтаясь по просторам Интернета, я увидел объявление, что некий Вячеслав предлагает совершить путешествие по Южной Эфиопии с посещением долины реки Омо. Тут я замечу, что мне уже доводилось немного чи-

тать о Северной Эфиопии — там находятся действующие вулканы, и о Южной, где живут дикие племена. И там, и там хотелось побывать. Позвонил, выяснил, что группа туристов из трех человек готова выйти на маршрут, и есть надежда, что, если смогу купить авиабилет на завтра, то успею. Позвонил:

— Билеты есть на сайте, но как получить визу?

— Вышли копии авиабилетов и две фотографии электронной почтой, я вечером посижу и сделаю электронную визу.

— Не понял, как это, «посижу»? Как, «сделаю»?

— Не волнуйся, у меня цветной принтер есть.

— Меня на таможне прихватят за подделку визы и посадят в эфиопскую тюрьму.

— Я тебя встречу в аэропорту Аддис-Абебы.

— Ну это в корне меняет дело, сидеть вдвоем в одной камере веселей будет. А если серьезно?

— У нас в Африке за такую малую провинность не сажают.

— А если просто не впустят в страну? Тоже радости мало.

— Я не в первый раз делаю такие визы, и всегда прокатывало.

Времени мало на проработку информации, но заглянул в Интернет. Столица Эфиопии — Аддис-Абеба. Государственный язык — амхарский. В европейской культуре, в том числе в русском языке, страна известна под названием Абиссиния, но после 1945 года название изменилось. Эфиопия — единственная традиционно христианская африканская страна. Одной из основных религий является восточное христианство (Эфиопская православная церковь), также в периферийных районах распространен ислам. Ниже уровня бедности живет около 40 процентов населения. Сельское хозяйство — главная отрасль экономики, основным экспортом является кофе. Да зачем мне все это! Важнее знать, какая будет погода. Читаю: вся территория Эфиопии располагается в экваториальной и субэкваториальной зонах, а значит, температура круглый год держится в пределах от +25 С до + 30 С, с той лишь разницей, что лето — сезон дождей. Я еду в начале августа, поэтому надо что-то брать от дождя. Мне уже доводилось попадать на сезон дождей в Южной Индии, когда я жил там целый месяц. Днем или ночью ливень, как из ведра, дороги превращаются в реки, пятидесятиградусная жара, парит, словно находишься в турецкой бане. А еще я был в Непале, когда с неба не только льет дождь, но и валяются мелкие камни. Учитывая, что касок на голове ни у кого не было, не совсем

приятно было чувствовать аппликатор Кузнецова по всему телу и постоянно молиться, чтобы не прилетел большой валун. Тогда за несколько часов перед нами дорогу, по которой мы должны были двигаться, накрыл оползень, часть дороги и деревню смыло, погибло 197 человек местных жителей. Но здесь, в Эфиопии, не будет таких высоких температур, да и горы не пред-

наклонностями, Людмила — юрист по профессии, лет сорока, приятной наружности с позитивным настроем, Алексей — пенсионер шестидесяти четырех лет, подрабатывающий курьером, на первый взгляд, большой зануда, и автор этих строк — работающий пенсионер шестидесяти восьми лет.

Погрузили вещи в микроавтобус и поехали в город. Вел машину Вячес-

полагается увидеть. Моя цель поездки — племена долины реки Омо.

В аэропорту Аддис-Абебы меня встречал Вячеслав, который выделялся на фоне других высоким ростом и бледностью лица. На вид ему было примерно чуть больше сорока. Нас, туристов, было четверо: Антон — неопределенной профессии, лет тридцати красавчик с нарциссическими

лав. Остановились у кафе. После уличной жары в помещении было прохладно — работал кондиционер. Заказали завтрак, расплачивался каждый сам за себя. Вячеслав тщательно пересчитал собранные деньги.

Приехали в племя Хаммер. Его жители занимаются скотоводством. Они напоминают наших оленеводов, мигрируют в поисках травы, ставят до-

мики в форме полусферы. Нам повезло — мы попали на обряд инициации, возможно, Вячеслав знал о времени проведения этого ритуала. После прохождения обряда инициации молодой человек становится мужчиной, это дает право выбирать жену, заводить детей. Жен может быть несколько, старшая имеет отличительную особенность в виде широкого кольца на шее с выступающим нагелем. За каждую жену надо расплачиваться коровами. Невеста должна быть дев-

время возвращаются, неся каждая по несколько прутьев длиной сантиметров восемьдесят. Подходят к молодому мужчине, толкаются, каждая стремится приблизиться к нему. Первая из них дает ему прут. Девушка невысоко подпрыгивает на одном месте, гудит в рожок, глядя на парня. Тот размахивается и резко бьет прутом по телу или рукам девушки. Она радостно смеется и отходит в сторону. На ее место тут же встает другая. От удара прутом остаются кровавые полосы шириной

ственницей, иначе она будет изгнана из племени.

Перед началом ритуала босые девушки, одетые в короткие юбочки, с прикрытой топиком или тканевой накидкой грудью, стайкой бегут в одну сторону, потом возвращаются обратно, кружат, пританцовывая, ритмично звеня бубенцами на щиколотках, при этом поочередно каждая из них гудит в рожок. Сбившись в кучку, как футболисты перед началом матча, что-то проговаривая, они вдруг разбегаются в разные стороны по кустам. Через некоторое

в сантиметр. Следы прошлых избиений четко видны на телах девушек. Чем больше таких отметин, тем статус в племени выше. Жена должна уметь терпеть боль. Девушка, не получившая порку, чувствует себя обделенной.

Глядя на это действие, я размышлял: российские девушки многое взяли от Африки, это и африканские косички, и кольца на запястьях, в носу, тоннели в ушах, надутые губы. Так можно дойти до абсурда. Неужели придет время, когда наши парни будут хлестать прутьями своих подружек. Да, больно, за-

то как прикольно! Некоторые молодые люди ради прикола готовы пойти на многое.

Народ потянулся в лесок, ну и мы за ними. Лесом, в нашем российском понимании, это назвать нельзя. Здесь не встретишь корабельные рощи. Да, есть невысокие деревца, но мощных деревьев мне не удалось увидеть. Вышли на поляну, здесь уже было много людей. Обряд должен проходить на этом месте и может длиться до нескольких часов, что придает важность событию. Старики собрались отдельной группой, а неподалеку сидит на земле полностью обнаженный парень, который должен пройти важнейший в жизни обряд инициации. Если не сдаст экзамен, следующий раз будет только через год. Парню разукрашивают лицо натуральными цветными красками. Возможно, рисунок имеет какое-то ритуальное значение, а может, просто придает красоты облику юноши.

Я подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть, как друзья «булл джампера» раскрашивают друг друга. Старички, сидящие рядом, замахали руками, чтобы близко не приближался, не мешал исполнению таинства. Мне в этот момент пришла в голову мысль, что наши русские девушки тоже не должны показывать мужчинам, как красят губы и ногти, накладывают макияж, делают прически, подбирают одежду. Это тоже должно быть таинством, и мужчины не должны знать, как эта красота достигается, иначе женщина перестает быть загадкой для него. Женщина должна предстать во всем блеске, а как этого она достигла — никто не должен знать.

Мужчины в этом случае, как сказала героиня одного старого фильма, будут к ее ногам падать штабелями.

Вокруг поляны собрались зрители. У некоторых мужчин были автоматы. Африка, однако, львы могут подкрасться. Подвели четырех рослых быков. Со знанием дела мужчины дружно схватили животных — по два человека на одного быка: один держал за хвост, другой за рога. Быки все норовили вырваться, и стоило больших трудов, чтобы удержать их.

В этот момент зрители в предчувствии самого главного действия дня смотрели на испытуемого. В дудки уже никто не играл, не танцевал. Молодой «булл джампер» стоял перед быками, сосредоточенно о чем-то думая. Его понять можно: спины животных покрыты испариной, скользкие, неустойчивые, парень невысокого роста, надо еще изловчиться запрыгнуть на достаточно высокую спину быка. Как поведут себя животные, почувствовав ступни парня? Для него это было самым главным событием в жизни! Зрители притихли. В этот момент все племя смотрело на него одного! Короткий разбег... и юноша легко взлетел на спину быка. Быстро перебирая ногами, он пронесся по их спинам... и вот уже соскочил с четвертого быка. Повернулся, и вновь быстрый пробег по спинам быков. И так четыре раза. Экзамен успешно пройден!

Первыми «булл джампера» поздравили друзья. Затем девушки загудели в дудки, пританцовывая, заполняя все пространство поляны звоном бубенцов.

Обряд инициации завершился. Сегодня жених выберет невесту, которая станет его женой. Для нее уже приготовлен отдельный дом. Муж и жена будут жить в разных домах и должны встречаться в общем доме только для зачатия ребенка. Правда, не очень верилось, что это правило соблюдают...

В Эфиопии 56 племен, все говорят на разных языках. Разводят коров или угоняют скот у соседей. Бывает, что убивают людей. За каждого убитого недруга делают засечку на своем теле, и чем больше таких отметок, тем круче мужчина. Не хотелось бы, чтобы и за мою голову у кого-то появился какой-либо знак на теле.

Вечером после ужина мы сидели в фойе отеля и обсуждали прошедший день. Возник вопрос, как в Африке появилось христианство? Вячеслав, наш гид, коротко рассказал историю. Эфиопия, оказывается, приняла христианство одной из первых в мире, раньше была только Армения, в I-м столетии н.э., когда апостол Филипп окрестил в Иерусалиме евнуха, охранявшего богатства местной царицы Кандакии. В III веке н.э. христианство в Эфиопии укрепили бежавшие сюда от римских гонений сирийские монахи-христиане. А уже в IV-м столетии н.э. христианским просветителем эфиопов был Фрументий, римский гражданин из Тира, который потерпел кораблекрушение на африканском побережье Красного моря, но сумел выжить. Он стал первым епископом Аксума, советником местно-

го правителя, крестил его сына Эзану. Эзана впоследствии стал царем и в 330-м году торжественно окрестил весь свой народ. С точки зрения Русской православной церкви, эфиопы все же не православные. Они не признают святой Троицы. Крестятся по-особому: согнутыми средним и указательным пальцами. Как и мусульмане, не едят свинину. Слушая занудное повествование Вячеслава, я ушел в своих мыслях в Израиль. Путешествуя со своей подругой по стране обетованной, мы увидели сидящую на зеленом

реи, наша страна их охотно принимает». Интересные ребята, эти эфиопы!

Вдруг Вячеслав поменял тему разговора:

— Хочется узнать у вас, в чем смысл жизни, для чего вы живете? Антон, скажи.

— Каждый день, каждый час чувствовать кайф. Буддийское: жизнь есть страдание — не для меня.

— Ну а ты, Людмила, что думаешь?

— Для меня главное в жизни — это карьера. Я родилась в Анадыре, школь-

газоне Тель-Авива большую группу темнокожих людей. Я спросил у своих друзей, живущих в этой стране более двадцати лет: «А что эти ребята здесь делают? Если судить по прикиду, на ПМЖ приехали?» Ответ удивил: «Это переселенцы из Эфиопии, тоже ев-

ные годы прошли там же. В Москве добиться определенного статуса — вот цель моей жизни. Семья, дача, ненужные друзья — все это мешает карьере.

— Владимир, что ты мыслишь по этому вопросу?

— В каждом возрасте у человека могут меняться и смысл, и цели в жизни. В настоящее время — дети и внуки. Можно только радоваться их успехам и сопереживать их неудачам.

— Для меня, — Алексей задумался на несколько секунд, — суждение Владимира ближе. Главное — это семья. А ты, Вячеслав, уже не юноша, а задаешь такой вопрос, значит, что-то не так?

— Наверное... . Два с половиной года назад я уехал из Москвы, сейчас с женой живем в Кении, но, как ты выразился, что-то все не так.

— Многие века люди поднимали этот вопрос. Толстого Льва Николаевича тема задела за живое... А философ Владимир Соловьев... — Алексей пытался развить эту тему, но я бестактно перебил его:

— Как гласит китайская пословица: «Чтобы познать смысл жизни, на-

до прожить не менее 600 лет». Так что, уважаемые товарищи, мы сейчас ничего не решим.

В путешествиях люди становятся откровенными, наверное, считают, что в жизни они больше никогда не встретятся.

На следующее утро мы поехали на озеро Чамо. Оставив вещи в прибрежном отеле, пошли на стоянку лодок. Наша лодка была большой с верхним тентом то ли от дождя, то ли от солнца и мощным японским двигателем. Когда мы расселись по лавкам вдоль бортов, Вячеслав рассказал путевую информацию. Озеро большое: 32 километра в длину, 13 километров в ширину. Здесь водятся самые большие в мире крокодилы, некоторые достигают 6 метров. И таких красавцев в озере насчитывается около 4000 особей, вид у них крайне агрессивный, охотятся

на крупный рогатый скот. Выделяется людоед «Густав», который съел более 300 человек. И кто считал, что именно этот самый Густав слопал столько людей? У него ведь бейджика на морде нет. Был случай, когда крокодилы окружили лодку с туристами и не хотели выпускать. А вдруг нашу лодку также окружат, а у нас даже ружьишка нет, чтобы пугнуть их.

Мы поплыли на остров, где любят «загорать» крокодилы.

— Смотрите, смотрите! — показала рукой Людмила, — это крокодил плывет?

— Нет, это бегемот. Он всплывает на поверхность озера, чтобы сделать вдох, — успокоил Вячеслав. — Правда, от бегемотов тоже много людей погибает.

— На берегу масса всяких птиц, кто это? — Людмила крутила головой то в сторону плывущего бегемота, то в сторону птиц.

— Это большие белые пеликаны и желтоклювые белые цапли.

— Красивые птички, — улыбнулась она.

— Такие огромные птицы, как можно назвать их птичками? — съехидничал Вячеслав.

Подплыли к берегу, где отдыхали рядом с водой пара крокодилов. Как мне показалось, оба были чуть больше трех метров. Наша моторная лодка ткнулась в берег совсем рядом с мордой крокодила. От неожиданности рептилия подпрыгнула на месте и в воздухе развернулась влево. Мы все попадали на дно лодки. Капитан дал задний ход, и мы метра на три отплыли от бе-

рега. Выйти на берег для фотосъемки никто не изъявил желания, наблюдали за животными с лодки. А фотография с таким красавцем была бы классной! Но эта фотосессия могла оказаться последней для туриста. Вечером обсуждали прошедший день. — Да, ребята, если бы крокодил в прыжке развернулся не влево, а вправо, тогда он мог оказаться в лодке. И кому-то из нас не повезло бы... Кстати, впереди сидела Людмила... — Антон явно нагнетал «страшилку», глядя на нее.

— В тот момент я инстинктивно упала на дно лодки, и только потом пришел настоящий страх, когда увидела, что и вы все повалились.

— Все красивые женщины загорают на пляжах, а тебя куда, Людмила, понесло? У нас еще впереди встреча со львами. — Антону понравилось прикалываться над нашей единственной в группе женщиной.

— Не люблю загорать на песке, как баклажан. Пресно как-то, хочется драйва! У меня в детстве была любимая игрушка — бегемот. Вот было бы здорово сфотографироваться с настоящим бегемотом! Мои друзья умерли бы от зависти!

— Но сначала умерла бы ты. Бегемот очень агрессивное животное. Его боятся львы и даже носороги. Однажды я чуть не пострадал от бегемотов.

— Давай, Владимир, рассказывай, только не соври! — Людмиле нравились мои истории, но ей почему-то казалось, что я немного привираю.

— Никогда не врал. Так вот, слушайте. Было это лет пять или шесть

назад, когда я путешествовал по Уганде. Решили нас прокатить по речке, название которой я уже и не помню. Лодка была похожа на сегодняшнюю, с той лишь разницей, что вместо тента от солнца был дощатый настил с перилами. Нас предупредили, что на один борт нельзя смещаться, иначе лодка может перевернуться. Медленно плыли по речке, любуясь африканскими пейзажами и в точности выполняя это предупреждение до той поры, пока не увидели в воде стадо бегемотов. Капитан подвел нашу посудину совсем близко к ним, видимо, для того, чтобы мы могли лучше сфотографировать. В тот момент мы забыли обо всем и ринулись на левый борт, нацеливая свои фотоаппараты на животных. Лодка резко наклонилась. Мне уже показалось, что я слышу хруст человеческих костей! Кто-то успел среагировать и отпрыгнул на правый борт. Лодка перестала крениться, и я облегченно выдохнул...

— Ну, ты, Владимир, усилил. Хруст человеческих костей?

— По статистике, в Африке от бегемотов в год погибает более 500 человек.

— Печально бы было, кто бы тогда нас развлекал душераздирающими историями, — оживился Антон.

— Дураки мы, дураки. Зачем так близко подплыли к крокодилам, мы могли сами попасть в историю и рассказывать кому-то про хруст человеческих костей. А может быть, об этом смог бы рассказать только наш капитан в своем племени. — Алексей был явно в подавленном настроении.

— Кто же в Африке царь зверей? — Людмила восторженно и красноречиво, подражая Демосфену, произнесла: — Лев боится бегемота, бегемот боится носорога, носорог, в свою очередь, тоже боится бегемота, бегемот не прочь погонять крокодила. Может, для них устроить смешанные единоборства для выявления сильнейшего!

— Пожалей зверей, — ехидно улыбнулся Алексей.

— Люди выступают в этом виде единоборства, почему не попробовать на зверях, — вступил в разговор Антон. — Я считаю слона самым сильным животным.

— Но слон боится мышей...

— Ученые доказали, что это миф. Слоны боятся муравьев, живущих на деревьях, и пчел, — заметил Вячеслав.

Людмила громко рассмеялась:

— Получается, что самый грозный зверь в Африке — это муравей!

На следующий день мы приехали в племя Дорзи. Деревня расположена на высоте 1300 метров, рядом с озером Чанг. Хижины напоминают большие перевернутые корзины, выполненные из бамбука и пальмовых листьев. Высота достигает 12-15 метров. Термиты подъедают дом, и он со временем становится ниже. В хижине несколько перегородок, за одной из них живет, в полном смысле этого слова, корова с теленком. В центральной части дома расположен очаг для приготовления кофе. Я, конечно, не гурман, но даже наш растворимый показался

вкусней. Мы привыкаем к своей еде и напиткам, и нам кажется она вкусней чужестранных деликатесов. Славится деревня ткацкой продукцией. Из местного эфиопского хлопка женщины прядут нить, а ткут только мужчины на станках, напоминающих наши российские, где ткут половики (дорожки). Гостеприимные хозяева угостили нас местным самогоном. Из чего он сделан, нам не сказали. Самогон разлили по стаканчикам, проинструктировали, как надо пить, и мы покорно согласились. Обязательно пьют стоя, поднимают стаканчики, один кричит: е-е-е-е-е-е, и все пьющие дружно громко подхватывают: е-е-о-о-о-о-о. И только потом пьют.

Мне вспомнился случай, когда в семейном кругу, отмечая мой пятидесят седьмой день рождения, старший брат Олег сказал: — Мне жалко на тебя смотреть, когда ты пьешь водку, все лицо твое перекашивается, словно выпиваешь чашу с ядом. Надо пить так, — и стал объяснять, как надо при питье вдыхать и выдыхать.

— Ты, как старший брат, учил бы пить водку не сейчас, а когда мне было 14 лет... Хотя правильно, что не учил. Много моих друзей ушли в мир иной, которые в отличие от меня научились пить это зелье, — ответил я.

Я неожиданно прервал свои воспоминания и воскликнул:

— Ура! Сегодня мы едем к мурси, увидим девчонок с тарелками на нижней губе и большими тоннелями в ушах.

Это была моя самая большая цель поездки. Приехали. Правда, мурси счи-

тается самым агрессивным племенем в Африке, но всегда есть надежда на «нас-то за что». Мужчины племени стояли в стороне от домов под деревьями и о чем-то переговаривались. У двух человек я увидел длинные выше человеческого роста палки, копья (донга). У некоторых из них на плечах висели автоматы Калашникова. Как рассказывал Вячеслав, оружие они

получают из Южного Судана, за пять коров — один АКМ. От группы отделился один человек и подошел к нашей машине. Перекинувшись несколькими фразами с гидом, он повел нас к невысоким домикам в форме полусферы. Там работали женщины, наше появление не вызвало у них никаких эмоций. На их теле было много татуировок, причем объемных. Чтобы получить их, надо разрезать кожу и ввести личинку какого-то насекомого. Рана гноится, образуя объемное изображение. Такие операции повторяют, и в итоге создается полный рисунок. Я подошел к одной красавице и стал присматриваться к татуировке. Неожиданно для меня она быстро сбросила ткань с груди, и весь рисунок тела, исключая набедренную по-

вязку, предстал передо мной...Я на некоторое время «завис»...Перевел взгляд на других девушек, все они были подстрижены наголо, у нескольких головы украшены ветками деревьев. И вот я вижу: у некоторых девушек на нижней губе тарелка диаметром более 10 сантиметров! Я попросил потрогать. Девушка сняла тарелку. Глиняная тарелка показалась мне тяжелой, чтобы носить одной губой. Нижняя губа отвисла, вдоль нее шел сквозной надрез. Открылись нижние зубы, точнее сказать, отсутствие нескольких зубов для удобного ношения тарелки. Интересно, как они выбивают нижние зубы, оставляя в целостности верхние? И не жалко таких красавиц по зубам бить? Может наш гид что-то напутал? Как такие губы целовать? Может быть целуют только верхнюю или вообще в губы не целуются. Этот вопрос я не решился задать. Чем больше тарелка, тем больше дают выкуп за невесту. Цена от 35 (15 000 долларов) коров и выше. В ушах примерно такие же тарелки. Наши русские девчонки дешевле будут. Тут, правда, как считать? Эфиоп отдал коров, подарил своей женошке набедренную повязку, и та довольна. А у нас всю жизнь ее корми, пои, а шмотья сколько надо, в ресторан иногда вывести, в отпуск надо в Турцию свозить. Пожалуй, коровами рассчитаться дешевле. Традиция с тарелками возникла во времена, когда красивых девушек забирали в рабство. Чтобы избежать этого, девушек уродовали. Со временем это стало считаться признаком красоты. Еще

в детском возрасте девочкам делают женское обрезание, чтобы не помышляли об измене мужу.

Возвращаясь к машине, я отметил, что мужчины по-прежнему стояли и о чем-то переговаривались. Некоторые сидели на необычных табуреточках: днем он на ней сидит, вечером — кладет под голову вместо подушки. Все, как и девушки, подстрижены наголо. Мужчины, достигшие совершеннолетия, могут получить право жениться в честном поединке на палках. В бою юноши, совершенно обнаженные, нещадно бьют друг друга палками. Победитель получает право жениться. Таким важным событиям предшествуют тренировки, где юноши не столь жестоки.

— По Эфиопии путешествовал Николай Гумилев. Тебе что-нибудь известно о его двухлетнем пребывании в этих местах? — спросил я.

Вячеславу явно не понравился этот вопрос, он огрызнулся:

— Кстати, ваши большевики его расстреляли в 1921 году.

— Да, да. Наши, ваши. Время было такое: красные, белые, борьба между ними жестокая была. Большевики его не трогали поначалу. Но не надо было ему кричать на каждом углу, что он за монархию. Сейчас тоже непростое время.

— А как ты понимаешь поэзию, дай определение?

— Я как-то не задумывался над определением. Если совсем коротко — это рифмованные эмоции, в большей степени. Есть более авторитетные люди, чем я, они лучше дадут это определение. Например, у Бориса Пастернака есть стихотворение, которое так и на-

зывается «Определение поэзии». Начальные строки я еще могу вспомнить:

*Это круто налившийся свист,
Это щелканье сдавленных льдинок.
Это ночь, леденящая лист,
Это двух соловьев поединок...*

Вот и подошел день отъезда. После завтрака, собрав рюкзак и возвратив ключ от номера, я присел на диван в ожидании своих попутчиков. Со мной рядом расположился эфиоп. Широко улыбаясь, он спросил меня:

— Привет! Откуда приехал?

— Из России.

— Россия, Москва, Путин!

— Нас еще кроме него 140 миллионов человек.

— Мы, в Эфиопии, любим Россию. Еще больше любим Советский Союз.

— Такой страны теперь уже нет.

— Я знаю.

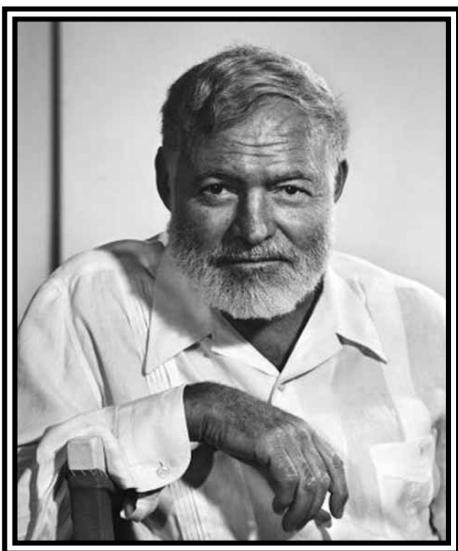
— Зачем любить то, чего уже нет?

— Когда был Советский Союз, в мире был баланс и все мировые проблемы как-то решались. А сейчас все решает одна Америка, и от нее идут одни неприятности для остального мира. Мы надеемся, что Россия окрепнет и мировой баланс восстановится.— Эфиоп показал руками движение, обозначающие весы. — Передай на свою Родину, что Эфиопия за Россию. И не только Эфиопия, но и многие другие африканские страны.

— Хорошо. Обещаю об этом написать.

Сознаюсь, мне было приятно слышать, что мою Родину знают и поддерживают в далекой Эфиопии. □

Фото автора

Вечный «Папа Хем»

Кто из нас в молодости не переживал увлечение Хемингуэем! У кого из представителей старших поколений не висел на стене, как опознавательный знак принадлежности к романтическому братству, фото-портрет мужественного старика с седой квадратной бородкой и испытующим взглядом темных глаз поверх высокого ворота свитера грубой вязки.

Подобно своему соотечественнику Джеку Лондону, он сам стал прообразом героев собственных книг — бесстрашный солдат, боксер, охотник, рыбак, путешественник. Казалось бы, баловень судьбы. Его невероятная жизнь, наполненная людьми, приключениями, опасностями, славой, страстями, пьянящим воздухом прекрасных стран, упорным писательским трудом, огнем Гражданской войны в Испании и Второй мировой, символизировала для нас безграничную свободу личности. Но, увы, финал у нее оказался трагическим...

«Прощай оружие!», «В снегах Килиманджаро», «Старик и море», «По ком звонит колокол»... Лауреат Нобелевской премии, он с глубоким знанием дела описывал человека на войне, рефлексию «потерянного поколения», одиночество человека и его взаимоотношения с миром дикой природы, интернациональную парижскую литературную и художественную богему послевоенных двадцатых, испанскую корриду, африканское сафари, смертельную схватку в лагунах тихоокеанских островов с пробирающимся к своим экипажем затонувшей гитлеровской подлодки...

Мы зачитывались «рубленой» хемингуэевской прозой, грезили его далекими и столь обаятельными героями — искателями приключений

и настоящей любви, воевавшими против фашизма в интербригадах, охотившимися на крупного зверя и преследовавшими океанских рыб...

С годами приверженность к творчеству «Папы Хема» (как ласково звали его друзья) уступала место другим литературным привязанностям, другим открытиям. Но на возрастных дорогах наступала пора, когда книги этого легендарного писателя возвращались к нам по-новому. Во всей смысловой глубине и художественном блеске. Во всей мощи истинного гуманизма. «Человека можно уничтожить. Но его нельзя победить» — это слова одного из хемингуэевских героев. И это — суть самого Эрнеста Хемингуэя как человека и выдающегося художника слова XX века, остающегося одним из самых читаемых прозаиков в мире.

Эрнест Кларенс Хемингуэй родился в июле 1899 года в привилегированном пригороде Чикаго. Его отец был врачом, а мать — оперной певицей. После свадьбы молодые некоторое время жили в доме отца Грейс, Эрнеста Холла, и назвали первенца в честь него. Хемингуэй не раз говорил, что не любит свое имя, которое ассоциировалось у него с глуповатым персонажем пьесы Оскара Уальда «Как важно быть серьезным».

В раннем детстве мать одевала его, ставшего впоследствии символом мужественности и мачизма, как девочку, что тогда было модно. Она впервые обрезала ему волосы в шесть лет и звала сына «куколкой». Сюжет о травмирующей обрезке волос у подрастающего мальчика не раз потом возникал в произведениях писателя, у которого с матерью сложились непростые отношения, хотя

он унаследовал от нее жизненную энергию и энтузиазм. А от крепкого и сурового отца — страсть к охоте и рыбалке.

Грейс часто давала концерты и хотела, чтобы дети обучались музыке. У Эрнеста музыкальных способностей не было, а мать настаивала на том, чтобы он учился играть на виолончели, что не раз служило источником конфликтов. Позже, однако, Хемингуэй признался, что эти уроки музыки оказались полезными для его творчества — контрапунктная структура романа «По ком звонит колокол» тому свидетельство.

Кроме зимнего дома в Ок-парке у семьи имелся еще летний коттедж на озере Валлун, где отец учил четырехлетнего сына ловить рыбу, строить шалаши в лесу, охотиться и выслеживать зверей. Эти ранние

опыты привили ему любовь к приключениям и жизни в отдаленных уголках дикой природы.

Там, на озере, мальчик наслаждался свободой и играл с индейскими детьми из их ближнего поселка. Когда ему исполнилось 12 лет, дедушка подарил ему однозарядное ружье 20-го калибра. Это еще больше укрепило их дружбу. Эрнест обожал слушать у костра долгие рассказы старика и позднее перенес их на страницы первых рассказов. Благодаря строгому отцу, который мог, при случае, и выпороть сына широким кожаным ремнем, юноша пристрастился к охоте. Кларенс обучил сына всем ее премудростям, помог освоить не только ружье, но и лук со стрелами. Одни из первых своих новелл о Нике Адамсе, чьим прототипом выступил он сам, писатель посвятил охоте, ры-

балке и фигуре отца. Его примечательная личность и трагический финал (Кларенс застрелился из охотничьего ружья) оставили глубокий след в душе Хемингуэя, который, увы, таким же образом до срока свел счеты с жизнью...

Вольготная жизнь на озере сменилась вскоре учебой в средней школе, где юный Хемингуэй активно занимался также боксом, легкой атлетикой, водным поло и футболом. Он рос крупным и сильным парнем высоченного роста и никогда не спускал обидчикам. Под стать физическим данным был и его характер — прямой и решительный. «Бокс научил меня никогда не оставаться лежать, — писал автор «Смерти после полудня», — всегда быть готовым вновь атаковать... быстро и жестко, подобно быку».

*Эрнест
Хемингуэй
в госпитале*

Вскоре эти бойцовские качества как пригодятся ему в жизни! Заполненная неустанным писательским трудом, опасными путешествиями, военными испытаниями, она была, в сущности, непрерывной борьбой со смертью. Он был весь изранен на Первой мировой, пережил две серьезные авиакатастрофы, не считая

стики. Тогда он уже твердо решил для себя, что станет писателем. После окончания школы юноша не поступил в университет, как того требовали родители, а переезжал в Канзас-Сити и устроился репортером в местную газету.

Больница, вокзал, полицейский участок — вот границы порученного

З

аполненная неустанным писательским трудом, опасными путешествиями, военными испытаниями жизнь Хемингуэя, была, в сущности, непрерывной борьбой со смертью. Он был весь изранен в Первой мировой, пережил две серьезные авиакатастрофы, не считая автомобильных, перенес тяжелую травму позвоночника, жил с диабетом, гипертонией, прогрессирующей депрессией, но при этом никогда не терял присутствия духа и веры в жизнь, хотя и добровольно оборвал ее в минуту отчаяния...

автомобильных, получил два случайных ранения на охоте, чуть не утонул и едва не сгорел в лесном пожаре, перенес тяжелую травму позвоночника, перелом черепа, разрыв почки и селезенки, рак кожи, сибирскую язву, малярию, дизентерию, гепатит, анемию и пневмонию. Жил с диабетом, гипертонией, атеросклерозом и прогрессирующей депрессией. Но при этом никогда не терял присутствия духа и веры в жизнь, хоть и добровольно оборвал ее в минуту отчаяния...

Все это будет у него впереди, а пока Эрнест делал особые успехи в английском, писал для школьной газеты и проходил курсы журнали-

ему для освещения городского района. Он выезжал на все происшествия, бывал на пожарах и в тюрьмах, знакомился с притонами, сталкивался с проститутками, мошенниками, наемными убийцами... Наблюдал, запоминал, вникал в мотивы человеческих поступков, улавливал манеру разговора, жесты, запахи, чтобы отложить столь драгоценный жизненный материал в памяти. Впоследствии он подвергнет его творческой обработке и использует для сюжетов, деталей и диалогов будущих рассказов. Его новаторский «рубленный» литературный стиль — краткий и емкий — сформировался именно в газете, где редакторы требовали

от молодого репортера точности и ясности языка, пресекая любое многословие и стилистические ухищрения.

...После вступления США в Первую Мировую войну Эрнест рвался на фронт добровольцем, однако в армию его не взяли из-за поврежденного левого глаза. Тогда он вызвался отправиться на театр военных действий в Италию водителем санитарного фургона Красного Креста. В июне 1918-го он добрался до Милана, где, очевидно, познакомился с крупным американским писателем-модернистом Джоном Дос Пассосом, с которым десятилетиями поддерживал непростые отношения.

Взрыв на миланском военном заводе стал боевым крещением будущего писателя в качестве фронтového санитаря. В первый же день службы Хемингуэй отправили собирать вместе с другими спасателями в развалинах останки погибших при взрыве заводских работниц. Он описал затем этот жуткий день в книге «Смерть после полудня». А буквально неделю спустя был тяжело ранен, когда возвращался из столовой с шоколадом и сигаретами для солдат на передовой.

«Если вы идете на войну мальчиком, — пишет он, — вы находитесь в плену большой иллюзии своего бессмертия. Других людей убивают, а вас нет... Потом, когда вас в первый раз тяжело ранят, вы с этой иллюзией расстаетесь...» Осколочные ранения обеих ног, срочная опера-

ция и шесть месяцев в больнице. В госпитале из него извлекли 26 осколков и заменили простреленную коленную чашечку алюминиевым протезом.

Во время медленного выздоровления Эрнест познакомился со своей первой любовью. Ее звали Агнес фон Куровски, она была американка, на семь лет старше его и работала медсестрой в госпитале, где он лежал. Их романтические отношения развивались стремительно, и после возвращения в Штаты они решили пожениться. Однако в марте 1919-го Агнес написала ему, что обручилась с итальянским офицером. Хемингуэй был полностью опустошен, подавлен и в дальнейшем первым прерывал свои неудачные браки, не дожидаясь, пока жена его оставит.

Память об Агнес перекочевала в образ Кэтрин Баркли, тоже медсестры, выхаживающей раненого американского офицера медслужбы, героиню едва ли не самого прославленного хемингуэевского романа «Прощай, оружие!», причем на английском название романа можно понимать и как «Прощайте, руки (обнимавшие меня)!»

В финале поженившиеся влюбленные бегут в нейтральную Швейцарию, и там Кэтрин умирает во время родов. Врач сообщает об этом Генри, который ждет у больничной палаты. *«...— Сейчас нельзя, — сказала одна из сестер. — Можно, — сказал я. — Нет, еще нельзя. — Уходите отсюда, — сказал я. — И та то-*

же. Но когда я заставил их уйти и закрыл дверь и выключил свет, я понял, что это ни к чему. Это было словно прощание со статуей. Немного погодя я вышел, спустился по лестнице и пошел к себе в отель под дождем».

Хемингуэю не было еще и двадцати, когда он вернулся с войны. Повзрослевший, возмужавший, разочарованный. Травмированный физически и духовно. Надо было что-то делать со своей жизнью, а он сидел на воинском пособии дома, читал книги, слушал радио, пропадал в библиотеке и изредка выбирался в походы на озеро с бывшими школьными приятелями. Родители настаивали, чтобы Эрнест занялся поисками работы. Друг семьи предложил ему журналистскую работу в Торонто, и молодой ветеран войны со скуки согласился. Там он начал сотрудничать фрилансером, а затем штатно в качестве иностранного корреспондента газеты «Торонто Стар». Для нее он еще и писал рассказы.

Вернувшись через год в Мичиган, Хемингуэй переехал в Чикаго и устроился помощником редактора популярного еженедельника, где познакомился со знаменитым писателем Шервудом Андерсоном, оказавшим большое влияние на его литературный стиль и тематику ранних произведений. В Чикаго же он встретил свою первую жену, пианистку Хэдли Ричардсон, приехавшую навестить сестру его соседа. Эрнест увлекся

ею и позже писал: «Я знал, что она была девушкой, на которой я собирался жениться».

Рыжеволосая Хэдли оказалась на восемь лет старше Хемингуэя, однако это его не остановило. Тем более что в Хэдли проглядывала детскость, которой так не хватало рассудительной Агнес. Они поженились осенью 1921-го. По удачному стечению обстоятельств, Эрнеста наняли иностранным корреспондентом «Торонто Стар», и новобрачные отправились в Париж, где тогда, по словам Хемингуэя, жили «самые интересные люди в мире».

В Париже после войны был исключительно выгодный курс доллара, и там «высокий, красивый, мускулистый и широкоплечий» американец «с квадратной челюстью и мягким голосом» встретил литературных корифеев эпохи — Гертруду Стайн, Скотта Фицджеральда, Эзру Паунда, Джеймса Джойса, которые могли помочь молодому писателю на ступеньках карьеры. Он удивительно ярко и откровенно описал их всех в книге парижских воспоминаний «Праздник, который всегда с тобой». А еще — замечательных испанских художников Пикассо, Миро и Гриси.

Вскоре у Эрнеста и Хэдли родился сын Бамби, которого они порой оставляли в коляске на бульваре под охраной здоровенного бдительного кота (за свою жизнь писатель обзавелся 58 нежно любимыми кошками). Из Парижа Хемингуэй отправил в газету помимо доброй сот-

ни корреспонденций из «горячих точек» десяток прекрасных рассказов, которые сделали ему имя. Тогда же он задумал и начал свой первый культовый роман «Фиеста» («И восходит солнце»)...

«Париж никогда не кончается, и каждый, кто там жил, помнит его по-своему. Мы всегда возвращались туда, кем бы мы ни были... Париж стоит этого, и ты всегда полу-

тать над романом «И восходит солнце», который закончил через восемь недель. Роман «на драйве», завораживающий своей интонацией и щемящей искренностью, роман о нем самом и других вернувшихся с бесчеловечной бойни Мировой войны, выжженных изнутри молодых людях, которых Гертруда Стайн, гуру литературного модернизма, назвала «потерянным поколением».

Эрнеста наняли иностранным корреспондентом «Торонто Стар», и он отправился в Париж, где, по его словам, жили «самые интересные люди в мире». Там он познакомился с Гертрудой Стайн, Скоттом Фицджеральдом, Джеймсом Джойсом, Пикассо... и ярко описал их всех в книге парижских воспоминаний «Праздник, который всегда с тобой»

чал сполна за все, что отдавал ему. И таким был Париж в те далекие дни, когда мы были очень бедны и очень счастливы»...

В 1923 году Эрнест с Хэдли впервые побывали на фиесте в Помплоне. Писатель был покорен зрелищем корриды, красками и характерами этого глубоко своеобразного национального испанского зрелища. Можно сказать, что корридой он с тех пор «заболел». Изучал ее, дружил с матадорами, сам пару раз выходил на арену в роли матадора-любителя.

Спустя несколько дней после окончания фиесты, в день своего рождения 21 июля, он начал рабо-

Сам Хемингуэй позднее писал издателю, что главной темой книги было не столько «потерянность» их поколения, сколько то, что «земля пребывает во веки»: названием романа является неоконченная цитата из Экклезиаста: «Род приходит, и род уходит, а земля пребывает вовеки... Восходит солнце, и заходит солнце, и возвращается солнце на круги своя...») Роман был признан со временем «величайшим произведением Хэмингуэя», с чем можно поспорить, поскольку впереди у него еще были такие неоспоримые шедевры, как «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол», «Иметь и не иметь», «Острова в океане»...

Он будет создавать их в разных городах и странах, с разными женами. Второй станет подруга Хэдли Полин Пфайффер, которая ездила с ними в Помплону, и с которой у Хемингуэя завязались любовные отношения. Полин была родом из богатой арканзасской семьи и приехала в Париж писать для модного журнала «Вог». Узнав об их связи, Хэдли потребовала развод, после которо-

финал романа «Прощай, оружие!» Дос Пассос порекомендовал супругам для житья флоридский мыс Ки-Уэст, в 90 милях от Кубы, и Хемингуэй уже готовился отправиться туда, когда получил телеграмму о самоубийстве отца... Он был совершенно опустошен этим горьким известием, вспоминал о состоянии Хэдли, узнавшей о самоубийстве ее собственного отца, и как-то заме-

Эрнест Хемингуэй и Марта Геллхорн

го Эрнест женился на Полин. Во время медового месяца он успел перенести сибирскую язву и начать сборник новый рассказов.

По настоянию беременной Полин они уехали в Америку, где летом 1928-го у них в Канзас-Сити родился сын Патрик. Роды были очень тяжелые, и писатель перенес их в

тил: «Я, наверное, пойду тем же путем». С тех пор Хемингуэй никогда больше не жил в больших городах.

«Начинался отлив. Желтый прибрежный песок был гладкий и твердый... Вдали, там, где края бухты почти сходились, замыкая гавань, за белой линией прибоя виднелось открытое море... Когда подкатила вол-

на, я нырнул, поплыл под водой и поднялся на поверхность, уже не чувствуя холода. Я подплыл к плоту, подтянулся и лег на горячие доски...» («Фиеста»)

На Ки-Уэсте писатель освоил быстросходный катер, на котором бороздил океанские просторы. В охоте за большой рыбой добирался, случилось, до Багамских островов. В уютном, продуваемом летом прохладным бризом доме, наполненном мальчишеским смехом и мяуканьем кошек, ему хорошо работалось. Теперь он был уже всемирно известен и волен жить так, как ему нравилось. Мгновенно печаталось и тиражировалось все, что выходило из-под его пера. А выходили вещи совершенно новаторские, такие, как сборники рассказов «Победитель не получает ничего» и «Мужчины без женщин», куда вошли маленькие шедевры — «Снега Килиманджаро» и «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера». Новеллы об обречении их героями себя и мужества.

Первая заканчивается смертью литературного двойника автора от гангрены на сафари в Африке. Глубоко трагический финал, как часто у Хемингуэя, не отрицал общей оптимистической ноты произведения и подчеркивал его жизнеутверждающий пафос. Примечательно, что, придя год спустя с женой на голливудский фильм по этому рассказу, писатель увидел традиционный «хэппи энд», в котором Гарри Смита вносили на прибывший к лагерю спаси-

тельный самолет, а с глади озера в этот момент торжествующе взлетала стая розовых фламинго... Побледневший Хемингуэй поднялся с кресла и обреченно промолвил: «А вот и птички».

Еще в Париже он выработал и усовершенствовал свой фирменный художественный прием, согласно которому «можно опустить что угодно», по принципу «айсберга», и «если опускаешь сознательно, опущенный кусок усилит рассказ, заставит людей понять больше, чем они поняли».

И еще — знаменитый хемингуэевский подтекст. В рассказе «Белые слоны» молодая пара коротает время в ожидании поезда у стойки бара на станции в американской глубинке периода Великой депрессии. Они рассеянно перебрасываются ничего не значащими фразами и полупамятками. Девушка замечает, что иссушенные ветрами дальние холмы похожи на белых слонов. А на самом деле читатель понимает: мужчина везет девушку в город делать аборт, чего она совсем не хочет...

Зимы писатель проводил на Ки-Уэсте, а летом перемещался с семьей в Вайоминг, где открыл для себя привольный край дикой природы. Охотился там на лосей и медведей гризли, один из которых его чуть не прикончил. Туда к нему навещался Дос Пассос. И однажды, встречая друга на машине, Хемингуэй угодил в серьезную аварию, переломал ноги и получил опасные травмы черепа, пройдя полугодичное лечение.

Была и другая автомобильная авария, стоившая ему перелома рабочей правой руки, которой он долгое время не мог писать...

Все эти несчастья не мешали ему творить и не нарушали привычный бытовой уклад, вольное житье-бытье. Его манили «зеленые холмы Африки» (название дневниковой книги писателя об африканском сафари, людях и животных саванны). Внушительные гонорары позволили Хемингуэю осуществить давнюю мечту и предпринять путешествие в Восточную Африку, где он подхватил тяжелую форму дизентерии и проходил длительное лечение в английском госпитале. Кончалась еще одна глава его бурной, насыщенной событиями жизни.

«Мы покинули свой тенистый лагерь и по дороге, которая змеилась, точно песчаная река, двинулись вслед за вечерним солнцем на запад мимо густой чащи кустарника..., то и дело обгоняя группы людей... Одни совершенно голые, если не считать тряпки, стянутой узлом на плече, несли луки и колчаны со стрелами. Другие были вооружены копьями... женщины брели следом, нагруженные горшками и сковородками. Впереди словно плыли в воздухе тюки и связки шкур на головах туземцев. Все эти люди бежали от голода».

В начале 1937-го Хемингуэй закончил знаковый роман «Иметь и не иметь», роман остро социальный, можно сказать, обличительный, ка-

ких раньше писатель не создавал. В этом гневном и страстном произведении была дана авторская оценка последствий Великой депрессии, которая сломала судьбу флоридского аборигена Гарри Моргана, вынужденного промышлять на своем катере опасной морской контрабандой и погибающего в перестрелке.

Обличительный пафос книги породила также Гражданская война в Испании, сильно взволновавшая писателя. Он встал на сторону республиканцев, сражавшихся против мятежников фашистского генерала Франко, и организовал для них сбор пожертвований. Затем обратился в Североамериканскую газетную ассоциацию с просьбой направить его военным корреспондентом в Мадрид. Вскоре к нему присоединилась съемочная группа во главе с режиссером-документалистом И. Ивенсом, который снял на фронте по сценарию Хемингуэя фильм «Испанская земля».

В самые тяжелые дни войны Эрнест находился в осажденном франкистами Мадриде, в отеле «Флорида», ставшем тогда штабом интербригад и корреспондентским клубом. Там, под непрерывными бомбежками и артобстрелами он написал пьесу «Пятая колонна» о работе республиканской контрразведки. Там же Хемингуэй познакомился с американской журналисткой Мартой Геллхорн, которая после возвращения домой стала его третьей женой.

Из Мадрида писатель не раз выезжал в Каталонию, где под Барсе-

лоной шли самые ожесточенные бои. В перерывах между ними ему довелось встретиться и подружиться с командиром одной из интербригад Гансом Кале, а еще — с прославленным французским летчиком и писателем Антуаном де-Сент Экзюпери.

Испанская война оставила неизгладимый след в жизни и творчестве Эрнеста Хемингуэя. Ей посвящен едва ли не самый сильный роман писателя «По ком звонит колокол», вышедший в 1940 году, сразу же попавший в списки бестселлеров и по версии популярного французского еженедельника «Le Monde» занявший 8-е место в «списке 100 лучших романов века».

Произведение это глубоко трагическое. О чем оповещает уже эпиграф — цитата из стихотворения английского поэта XVI века Дж. Дона: «Нет человека, который был бы, как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть материка, часть суши... смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Май 37-го. Заканчивается первый год Гражданской войны. В партизанский отряд Пабло прибывает интернационалист-подрывник, американец Роберт Джордан, которому поручено командованием взорвать мост, чтобы предотвратить подход подкреплений франкистов при наступлении на Сеговию.

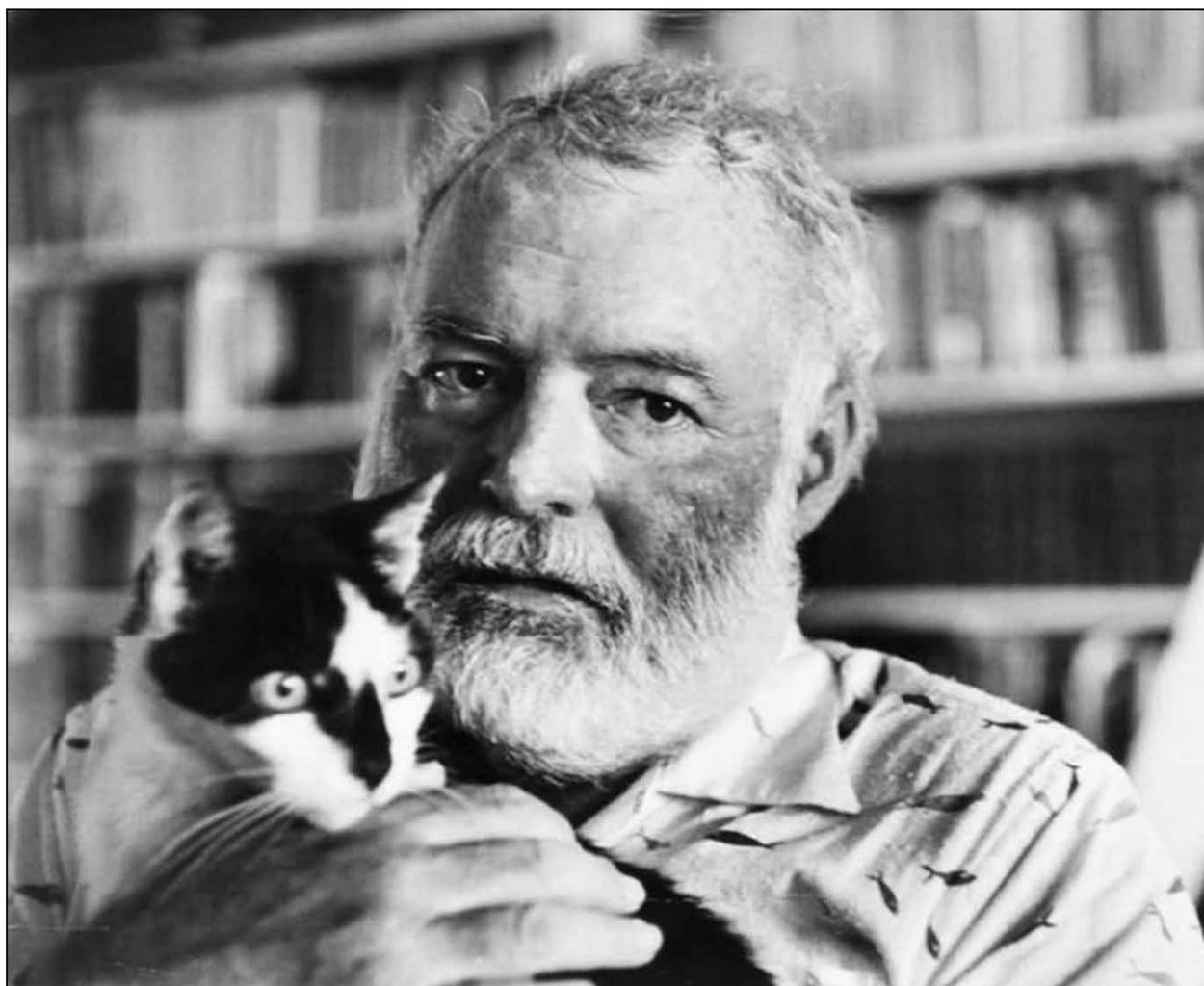
В лагере партизан Джордан встречает девушку Марию, чья жизнь ис-

калечена войной. В душе героя возникает сложный конфликт между воинским долгом и вспыхнувшим чувством любви к Марии. Да еще Пабло исподволь противится выполнению самоубийственного задания. Его жена Пилар, несгибаемая женщина из народа, приходит на помощь Джордану, которому, тем не менее, суждено погибнуть в бою после выполненного задания. Раненный, он остается с ручным пулеметом прикрывать отход отряда...

«Роберт Джордан лежал за деревом, сдерживая себя, очень бережно, очень осторожно, чтобы не дрогнула рука. Он ждал, когда офицер выедет на освещенное солнцем место, где первые сосны леса выступали на зеленый склон. Он чувствовал, как его сердце бьется об устланную сосновыми иглами землю». Таковы последние строки романа о том, что даже в самых трагических обстоятельствах человек может выстоять.

Гражданская война в Испании свела Хемингуэя с русскими. Он высоко ценил классическую русскую литературу, восхищался Толстым и теперь увидел его соотечественников воочию. Теплые воспоминания о советских военных советниках и интербригадовцах занимают значительное место в романе. Одному из центральных персонажей, русскому подрывнику Кашкину, писатель дал фамилию первого классного переводчика своих книг в СССР.

Искренние симпатии к нашей стране Хемингуэй сохранил и в по-

следующие годы, а после нападения Гитлера на Советский Союз в порыве солидарности даже предлагал, как недавно выяснилось, через посольство в Гаване негласные услуги советскому правительству. Это, скорее всего, и послужило главной причиной установленной за ним ФБР под конец жизни слежки. Она усугубила депрессивно-маниакальное состояние стареющего писателя, подвергнутого в психиатрической лечебнице электрошоковой терапии, которая вместе с потерей памяти привела его, в итоге, к самоубийству.

В 1940 году Хемингуэй приобрел в пригороде Гаваны поместье «Финка Фихия», а после войны окончательно переселился туда. Еще раньше он перегнал с бруклинской судовой верфи купленный там большой морской катер, которому дал название «Пилар». Подобно своему великому «Старику», он рыбачил в Гольфстриме и писал книги, пока японская авиация не сокрушила внезапным налетом главную базу тихоокеанского флота США Перл-Харбор.

С согласия военного командования писатель переоборудовал свой катер и выслеживал на нем, набрав

*С женой
Мэри Уолли*

надежную команду, гитлеровские подводные лодки в Карибском море, передавая их координаты начальству. Дело это было весьма опасное, и Хемингуэй правдиво описал его в своем последнем, во многом автобиографическом романе «Острова в океане», опубликованном его четвертой женой уже после смерти писателя.

Ну а затем Хемингуэй отправился военным корреспондентом в Европу. Не удовлетворившись этой ролью, в 1944-м участвовал в боевых и разведывательных действиях во время высадки союзников в Нормандии, после чего встал во главе отряда французских партизан численностью около 200 человек и дошел с ними до Парижа. Воевал позднее в Бельгии, Эльзасе. В составе армейских частей штурмовал «линию Зигфрида»...

Герой в литературе, герой в жизни, «Папа Хем» до старости оставал-

ся общительным, веселым и отзывчивым человеком, всегда окруженным друзьями и женщинами. Женщин, по уверениям биографов выдающегося писателя, было много. Некоторые его вдохновляли на творчество, с другими он просто дружил, например, со звездой экрана Марлен Дитрих. Шутили, что как человек твердых правил он женился на каждой женщине, в которую был влюблен. Впрочем, не на каждой.

Блестящая журналистка и яркая женщина Марта Геллхорн, дружившая с Элеонорой Рузвельт, «влетела в его жизнь, как экзотическая птица». Она была горда, независима и не принадлежала к категории женщин, которые становились женами Хемингуэя. Тем не менее Марта поддавалась магнетизму и обаянию Эрнеста, восхищалась его талантом, но вскоре начала подмечать и недостатки мужа. Она не любила его

бравату, и ее пугал его эгоизм. Они поженились в 1940-м, но война их на время разлучила. Хемингуэя же бесило что, Марта на первое место ставила не его, а работу и не относилась к нему так серьезно, как прежние жены писателя. Это, очевидно, и решило судьбу их короткого брака.

Еще до разрыва с Мартой, осенью 1944-го, когда в Лондоне собралась разноязыкая журналистская братия перед десантной операцией во Франции, Хемингуэй наткнулся в кафе на американского писателя Ирвина Шоу в сопровождении милой блондинки, журналистки Мэри Уолш, и попросил познакомить его с ней. Прощаясь, он сказал новой знакомой: «Мэри, война нас разнесет в разные стороны, но, пожалуйста, запомните, что я хочу на вас жениться». После войны она стала его спутницей жизни вплоть до его последнего часа.

«Месяц, проведенный с тобой в Лондоне, был счастливейшим в моей жизни, — писал он ей, — без разочарований, без разбитых иллюзий и преимущественно без одежды».

После войны писатель окончательно поселился на Кубе. Там же состоялась его свадьба с Мэри. Просторный дом писателя (ныне заботливо охраняемый кубинским правительством мемориальный музей) стоит на холме, откуда открывается умиротворяющий вид на океан.

Он работал в спальне, по большей части, стоя босиком за конторкой и печатая на выдавшей виды пишущей машинке. Мэри в гостиной у него за спиной занималась своими делами, разбирала приходившую со всех концов света почту и листала свежие журналы, подчеркивая в них для мужа важные места. Потом в окружении кошек они обедали на веранде и строили планы на будущее. Мэри писала: «Я хотела, чтобы он был Учителем, был сильнее и умнее меня; постоянно помнил, насколько он велик и насколько мала я».

Отсюда Хемингуэй выходил на катере «Пилар» в открытое море за многопудовыми марлинами. Отсюда он ездил в излюбленный гаванский бар «Эль Флоридита», где бил собственные рекорды по количеству выпитых коктейлей «Дайкири», порой в окружении заезжих гостей — голливудских звезд Авы Гарднер, Эррола Флинна, Спенсера Трейси, Кэтрин Хепберн...

В доме на Кубе среди других прекрасных произведений писатель создал небольшую повесть «Старик и море» (1952). Щемящее лирическое повествование об одиноком человеке, мужественно противостоящем силам природы и извечной несправедливости судьбы. Аллегорическое повествование о старом рыбаке, весь день сражавшемся под палящим солнцем с акулами, которые все же растерзали пойманную им после многочасового

поединка гигантскую меч-рыбу. Эта повесть возвращает читателя к ранней книге автора «Победитель не получает ничего» и отмечена наиболее характерными чертами Хемингуэя-художника: неприязнью к интеллектуальным изыскам и приверженностью к простым жизненным ситуациям, выявляющим ключевые нравственные ценности настоящего мужчины, его способность бороться до конца.

Вслед за Пулитцеровской премией, в 1954 году, в год его 55-летия, писателю была присуждена

теть, его дело — изо дня в день видеть впереди вечность или отсутствие таковой».

На Кубе Хемингуэй начал работу над автобиографической книгой о Париже 20-х годов «Праздник, который всегда с тобой». Он горячо приветствовал Кубинскую революцию, несмотря на яростную вражду к ней американского правительства и истеблишмента. Дружески встречался с Фиделем Кастро на соревнованиях по океанской рыбной ловле (оба вышли победителями).

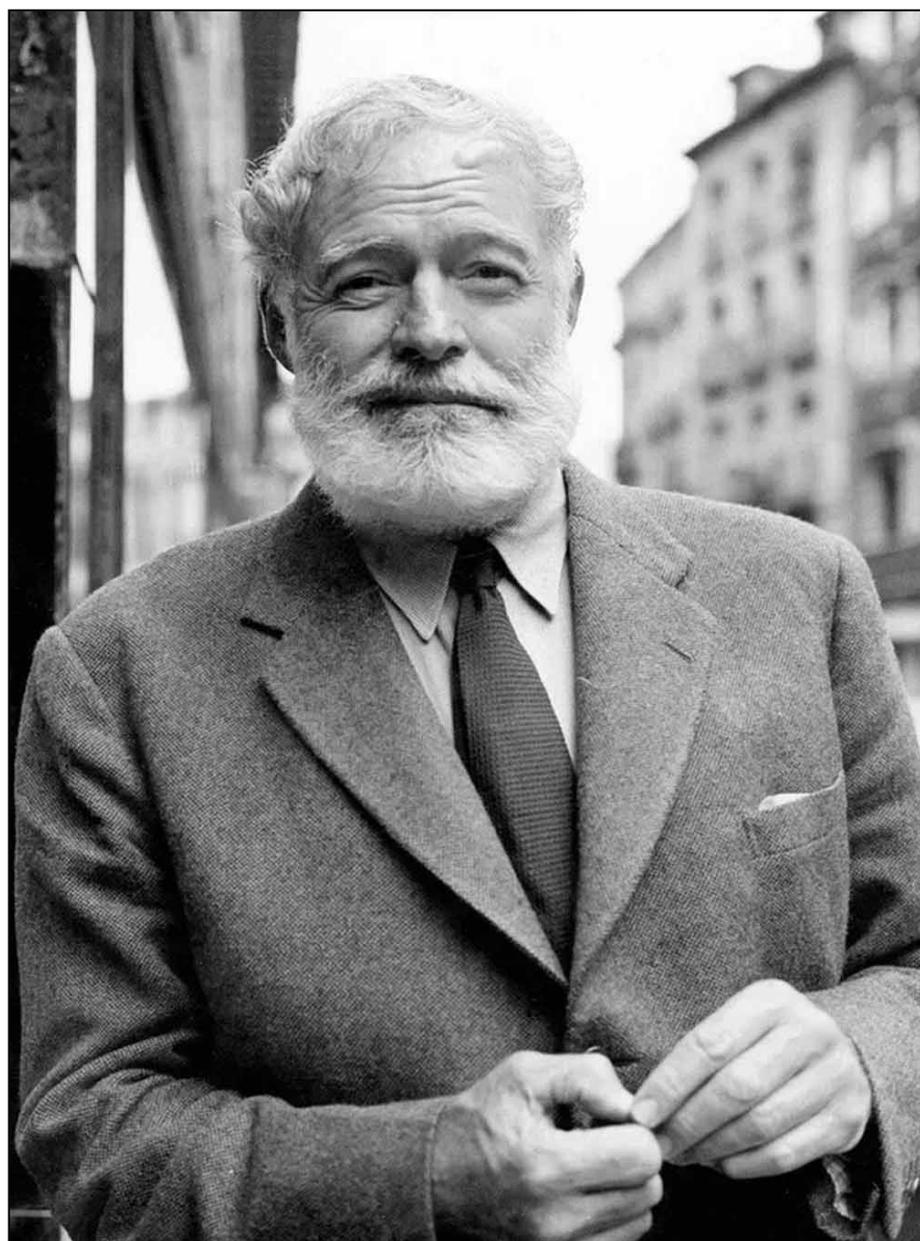
После войны писатель окончательно поселился на Кубе. Его просторный дом (ныне заботливо охраняемый кубинским правительством мемориальный музей) стоит на холме, откуда открывается умиротворяющий вид на океан. Именно здесь среди других прекрасных произведений писателя была написана небольшая повесть «Старик и море» — об одиноком человеке, мужественно противостоящем силам природы и извечной несправедливости судьбы, за которую в 1954 году — в год его 55-летия — Хемингуэю была присуждена Нобелевская премия по литературе

за повесть «Старик и море» Нобелевская премия по литературе. В своей речи на церемонии вручения ему премии (в Стокгольме лауреат не поехал, речь зачитал посол США в Швеции) Хемингуэй писал: *«Писательское дело — одинокое дело... Избавляясь от одиночества, он вырастает как общественная фигура, и нередко это идет во вред его творчеству. Ибо творит он один, и, если он достаточно хороший писа-*

В знаменательном 1954-м, продолжая путешествовать, Эрнест попал в Африке в две серьезные автотрагедии подряд. Некоторые СМИ успели даже поместить о нем некрологи...

Пережитая им близость смерти придает особую атмосферу написанному в 1950 году на Кубе печальному и как бы прощальному роману «За рекой в тени деревьев», в который Хемингуэй вложил много лич-

ного. Главный герой — 50-летний американский полковник Ричард Кантуэлл, прошедший все большие войны столетия, приезжает в предчувствии скорой смерти в Венецию последний раз поохотиться с местным другом на уток в лагуне и попрощаться с юной аристократической возлюбленной (такая же, только платоническая любовь случилась в поздние годы в Венеции и у автора романа). На обратном пути он уми-

рает в машине от сердечного приступа.

«Только не думай о ней! Не думай о Ренате, пользы от этого не будет. Тебе это даже вредно. И ты ведь с ней уже распрощался... Проклятое ремесло, — думал он, — любить и расставаться. Людям от этого бывает больно... Он и не подозревал, что девушка любит его за то, что он никогда не чувствует себя несчастным, есть у него сердечный приступ или нет».

На исходе 50-х могучий организм Хемингуэя начали одолевать болезни, а также последствия многочисленных травм и ранений. Изнурительная морская рыбалка для него стала недоступной. Потянуло на родину. Летом 1960-го он покинул «Остров свободы» и поселился в городке Кетчем на северо-западе штата Айдахо, где годом ранее купил дом. С собой привез рукопись двух своих последних романов — «Острова в океане» и «Райский сад», над которыми не переставал работать: были опубликованы вдовой после кончины писателя.

Близкие отмечали ухудшение его психического состояния. По словам Мэри, Эрнест стал полной противоположностью того, кем был раньше. Из жизнерадостного, общительного «Папы Хема», признанного душой любой компании, он превратился в замкнутого и молчаливого человека. Никто из близких не мог понять, что с ним происходит.

Опытный врач предложил положить его в клинику широкого профиля для обследования. К психиатрам писатель относился весьма скептически, поэтому причиной обследования ему назвали гипертонию. На самом же деле он страдал депрессией, обостренной паранойей по поводу воображаемой слежки за ним агентов ФБР (что оказалось правдой). Выявили у него и сахарный диабет.

В клинике к нему применили шокотерапию. После 13 сеансов

электрошока писатель потерял свое главное оружие — память, а с ней и способность творить. Повторное лечение электрошоком вновь не дало результатов. Трагедия нарастала. Эрнест все чаще заговаривал о самоубийстве и однажды на аэродроме ему едва успели помешать, когда он неожиданно рванулся в сторону крутящегося пропеллера самолета, который готовился к взлету...

2 июня 1961 года, через несколько дней после очередной выписки из клиники, Эрнест Хемингуэй застрелился, нажав рано утром пальцем босой ноги на курок любимого охотничьего ружья в холле своего дома в Кетчеме. Он не раз обманывал смерть. И вот теперь добровольно вызвал ее. Предсмертной записки писатель не оставил.

Он ушел из жизни, но остался с миром, который так любил и в котором дышал полной грудью. Остался с каждым из нас навсегда.

«... в холодные вечера он сидел в большом кресле у огня и читал при свете лампы, временами поднимая голову от книги, чтобы прислушаться к реву ветра и посмотреть, как горит в камине обесцвеченное огнем дерево.

Иногда он гасил лампу и, растянувшись на ковре, вглядывался в цветные ободки пламени, возникавшие там, где сгорали остатки песка и морской соли... Ему видно было, как пламя отрывается от поверхности плавника, и от этого становилось и грустно и хорошо». («Острова в океане») □

Разведка знала: СКОРО ВОЙНА

Нападение фашистской Германии на СССР было вероломным. Но можно ли назвать его внезапным?

Пока жива наша память, не утихнуть мучительным спорам и не избежать тяжелых раздумий. Почему набиравшая мощь страна не смогла сразу дать отпор фашистской мрази, понесла огромные, невосполнимые потери? А еще: нападение Гитлера мы десятилетиями называли вероломным и внезапным. Вероломным — без сомнения. Но внезапным?..

ИЗ ЛИЧНОГО ОБЩЕНИЯ

Время дало мне застать разведчиков еще той, довоенной поры. Накануне войны они работали дома и за границей. Отношения сложились добрые. Разговоры о катастрофических первых днях велись откровенные и не обязательно под запись диктофона.

Будущий первый Герой Советского Союза среди разведчиков-нелегалов Геворк Андреевич Вартамян и его жена Гоар Леоновна, живя в Тегеране, создали группу

«Легкая кавалерия», подчинявшуюся резидентуре НКВД в Иране:

— В Тегеране перед войной обосновались десятки тысяч немцев. Среди них было много военных, сотрудников спецслужб, снимавших квартиры. Постояльцы хвастались своей осведомленностью. Весной 1941-го стали все больше говорить о нападении на СССР, ждать которого осталось недолго — конец мая или начало лета. Мы, прикидываясь несмышленишами, расспрашивали: а почему именно в эти сроки? И нам втолковывали:

«Гитлер должен разгромить Советы за несколько месяцев, обязательно до наступления зимы».

Мы это передавали резиденту Ивану Ивановичу Агаянцу, а он — быстро в Центр. К сожалению, эта наша информация, в отличие от всей остальной, интереса не вызывала.

Разведчики Михаил Исаакович и Елизавета Ивановна Мукасей трудились в Лос-Анджелесе: американцы, тогда среди них было много нам симпатизировавших, еще в январе 1941-го всюду предупреждали о том, что вскоре Гитлер развяжет войну. Мы дружили с Чарли Чаплиным, входим в высшие политические круги. Видимо, понимая, кто мы, великий Чарли несколько раз чуть ли не требовал: сообщите в Москву, фашисты готовы напасть на Россию весной, об этом уже в открытую говорят в администрации Рузвельта.

Мы сообщали, огорчаясь ответам: донесение интереса не представляет.

Герой России, атомный разведчик Владимир Борисович Барковский:

— Нас, зеленых новичков, готовили перед войной меньше года, вместо двух-трех положенных. Теперь много говорят о Рихарде Зорге, первым сообщившим о готовящемся нападении. Да, наверное, одним из первых. Все донесения, что приходили в Москву из столиц стран гитлеровской оси — Берли-

на, Рима, Бухареста, Будапешта, Хельсинки — буквально зывали: война на пороге. Окончательное решение о блиц-криге Гитлером принято. У нас так — если информация из разных источников совпадает, ее можно рассматривать как достоверную. Не было в разведке человека, который бы не знал: скоро война...

Генерал-майор СВР в отставке, историк разведки Лев Филиппович Соцков, который передал мне немало рассекреченных документов о работе разведки:

— Корректная, надежная информация приходила от наших источников в аппарате Геринга и Гиммлера. Люди сработали. Начальник внешней разведки Фитин ручался головой и 17 июня 1941-го лично докладывал Сталину о предстоящем нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Агент «Старшина», офицер штаба ВВС Германии, сообщил: все приготовления к вторжению закончены, вермахт в режиме ожидания. Это может случиться завтра или послезавтра, через несколько дней, но не позже. Фитин подтвердил Сталину: информация полностью соответствует действительности. Источник в аппарате Гиммлера, гестаповец Вилли Леман, агент «Брайтенбах», вызвал нашего работника Журавлева на внеурочную встречу и сообщил точную дату и даже время: 22-е июня, 4 утра.

Данные о переброске войск вермахта из Франции к нашим границам разведка сообщила в Центр еще в начале июля 1940 года. План «Барбаросса», подразумевавший молниеносную войну против СССР, только разрабатывался. Он был подписан Гитлером в декабре.

Разведка о нем знала. Старалась заполучить, но добыть сам документ не удалось. Хотя о речи фюрера перед молодыми офицерами, где он дал понять, что вскоре Германия вступит в войну с Советами, берлинская резидентура передала в Москву на следующий же день после секретного мероприятия.

Не удалось установить, каким образом произойдет нападение: предъявит ли Гитлер ультиматум с заранее невыполнимыми требованиями, как он уже делал, вторгаясь в страны Европы, или фашисты вероломно перейдут нашу границу? В эти тайные политические планы фашистов разведка проникнуть не смогла.

Да, сведения о датах фашистского вторжения постоянно менялись. Это вызывало недовольство советского руководства. Сталин иногда обвинял разведчиков в паникерстве, а в некоторых наших агентах видел провокаторов. Но в той постоянно менявшейся глобальной геополитической обстановке назвать абсолютно точный срок нападения было практически неосу-

ществимо. Кто, к примеру, мог предсказать, что в конце марта 1941 года прогерманское югославское правительство будет неожиданно свергнуто восставшими? В ответ немцы оккупировали страну. Сопротивление было быстро подавлено. Но потребовалась переброска сил вермахта в Югославию, потом их передислокация. Наверное, если бы не это, Гитлер вступил в войну с СССР несколькими неделями раньше.

Не зря источники советской разведки называли 15 мая 1941 года как дату планировавшегося нападения. Весьма правдоподобно. Как раз этого времени не хватило на блиц-криг, значившийся в плане «Барбаросса».

Порой звучат упреки в том, что о точной дате вторжения стало известно только за два дня до его начала. Но ведь стало же.

Информация о вторжении шла с января 1941-го по нарастающей. Докладывались детали. Сначала об аэрофотосъемках наших объектов — военных и промышленных. Немцы осуществляли их очень массированно с территории генерал-губернаторства в Польше и из сопредельных Финляндии, Северной Норвегии. Использовалась техника высокого разрешения. Наш источник в главном штабе немецких Люфтваффе докладывал: «снимки великолепные, они уже конкретно преобразуются в

материал для оформления цели бомбардировок». Немцы понимали, что дороги в России не очень — плохие шоссейные и никудышные грунтовые, так что основные способы перевозки техники — железные дороги. Железнодорожные узлы и развязки стали первыми целями бомбардировок. Так они считали возможным блокировать и парализовать возможность маневра нашей армии. Все чаще забрасывались на территорию СССР диверсионные группы. В основном — белоэмигранты, подготовленные Абвером. Тревожные донесения докладывались наверх.

Любопытно, что наш агент и друг «Старшина» из Берлина, прекрасно разбиравшийся в вопросах авиации, даже выступал с рекомендациями, какие ответные меры следует применять. Называл объекты в Германии, которые надо подвергнуть бомбардировке, чтобы нарушить систему снабжения, произвести соответствующий психологический эффект.

Но когда из разведки писали соответствующие донесения в Кремль, эти элементы, понятно, уходили. Комментарии бывали очень осторожные. В донесении — аналитические и прогностические выкладки, а Сталин любил конкретные данные. Но все равно информацию пытались до него донести, пусть и с какими-то оговорками.

Вот, например, наиболее важное из сообщений резидентуры

от 19 июня 1941 года из Будапешта:

«Имел встречу с заместителем государственного секретаря совета министров Pataki (Патаки). ... Германская армия готова к сильному удару. У советских границ, включая Венгрию и Румынию, Германия сосредоточила около 5 миллионов солдат. К военным действиям готовы 65 мотомеханизированных дивизий. Немецкие и венгерские высшие военные круги предполагают, что военный удар будет иметь два направления — на Белоруссию и через Румынию на Бессарабию...»

А это записка начальнику разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанту тов. Голикову от зам. начальника I управления НКГБ СССР Судоплатова:

«По полученным нами агентурным сведениям, относящимся к середине июня с.г., германское командование предполагает начать выступление против СССР нанесением основных ударов против Мурманска и мурманской жел. дороги, Вильно, Белостока и Кишинева. На варшавском фронте германская армия предполагала оставаться пассивной, а в южной Украине повести наступление в направлении Одессы, Херсона, Ростова. Налеты германской авиации должны быть направлены, прежде всего, на центральные железнодорожные узлы и мосты...»

Объектом воздушного нападения были запланированы также ремонтные мастерские в Москве и ее окрестностях».

Приведу перехваченное римской резидентурой экстренное сообщение от 20 июня 1941 года:

1. «На явку 19 июня «...» (имена нигде не указываются, вместо них прочерк — Н.Д.) передал сведения, полученные от «...» и «...»: Вчера в МИД Италии пришла шифрограмма итальянского посла в Берлине, в котором он сообщает, что высшее немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня.

2. По сведениям, полученным «...» от «...» между Германией и Турцией ведутся переговоры, и что, якобы Турция соглашается на транзит через свою территорию немецких войск, которые будут перебрасываться для нападения на советский Кавказ.

3. В ближайшие дни состоится встреча Гитлера с Антонеску, якобы для определения позиции Румынии после начала немецко-советского конфликта.

19/VI -41 г. №55. ТИТ».

На документе имеется пометка: сообщить т.Тимошенко.

Подпись: 20/VI»

Шла постоянная информация из стран — будущих союзников Гер-

мании в войне. Их войска участвовали в операциях вермахта на советской территории — телеграммы из Финляндии, Румынии, Венгрии и Рима... Они исключительно доказательны, ибо в них описываются такие детали, которые вообще не оставляли никаких сомнений: и политическое, и чисто военное решение о предстоящем нападении приняты. Так из Финляндии докладывали, что одна их армия блокирует Ленинград, другая — Мурманск. А в финских портах шла массированная высадка немецких войск. Резидент добавлял: проводится мобилизация по меркам военного времени. И даже командный пункт финской армии перебазировался, как того и требуют условия войны, в железобетонный бункер под Хельсинки.

Материалы, добытые разведкой прямо из Берлина, Лондона, Парижа, Токио, Варшавы ... взывали и доказывали: скоро неизбежная война. Главный адресат, который всегда первым их и получал — Сталин. Довольно часто документы под грифом «сов. секретно» читали и другие высшие руководители страны.

Выделю донесения из НКГБ Украины и Белоруссии.

С румынами же почти все было понятно. Когда в 1940-м их заставили отдать Бессарабию, то глава Румынии Антонеску договаривал-

ся с Гитлером об участии в войне. Там никаких передислокаций, мобилизационных мероприятий и отслеживать не нужно было. Они проводились в полном объеме, румынская армия была готова. Их 3-я и 4-я армии обеспечивали фланги под Сталинградом. Финны тоже нам войну 1939 — 1940 годов не простили, большие расчеты были на Гитлера, две армии полностью отмобилизованы. А вот из Украины и Белоруссии информация шла исключительно обширная, потому что основной удар немцы готовили по нашему будущему Западному фронту. Ожидали, что все-таки поначалу немцы двинутся на Украину: там железная руда, уголь, хлеб, дальше нефть. Но случилось по-иному, основной удар Гитлер решил нанести по Белоруссии, а цель была — Москва. Группировка, которая двигалась на Москву, и та, что шла частично через север Украины на Киев, развертывались на территории занятой Польши. Информация — в основном, визуальная, из погранвойск, из других подразделений, где действовала госбезопасность, была исключительно обстоятельной. Шло беспрерывное пополнение частей живой силой и техникой, которая дислоцируется на территории генерал-губернаторства. Готовятся средства для форсирования водных преград. Оборудуются в большом количестве полевые аэродромы

для сосредоточения авиации. Склады боеприпасов и горючего — полевые. А со второй половины июня поступающие с германских предприятий боеприпасы выгружались на грунт. Любой, мало-мальски разбирающийся, скажет вам, что речь об их использовании идет не о неделях, только о днях.

У Сталина эти донесения вызывали раздражение. Они были аналитические или прогностические, он же любил конкретику. Не верил, что Гитлер вероломно нарушит советско-германский пакт о ненападении. Приказывая не отвечать на провокации, пытался оттянуть начало войны хотя бы на год, на полтора. Это бы дало возможность подготовиться, укрепить границы, пополнить кадровый командный состав Красной армии, подвергшийся репрессиям.

Сталин категорически не доверял англичанам — ни премьеру Чемберлену, ни сменившему того Черчиллю. И имел на это все основания. Вчитайтесь хотя бы в сообщение резидентуры из Лондона от 20 июня 1941 года, в котором описывается, каким образом премьер-министр всерьез и за счет кого предлагает противостоять Германии:

«... За последнее время англичане усиливают свои приготовления к бомбардировке Баку. 16 июня под председательством Черчилля состоялось очередное засе-

дание комитета имперской обороны, на котором обсуждался вопрос о средствах прекращения получения Германией нефти. В своем выступлении Черчилль настаивал на скорейшем завершении всех приготовлений к бомбардировке Баку, что, по мнению "... " является одной из его «Идей Фикс»... По настоянию Черчилля начальникам штабов (нескольких британских армий — Н.Д.) послана телеграмма №130: «Ход развития советско-германских отношений может сделать для нас исключительно выгодным быть готовыми предпринять бомбардировку Бакинских нефтепромыслов с минимальной задержкой».

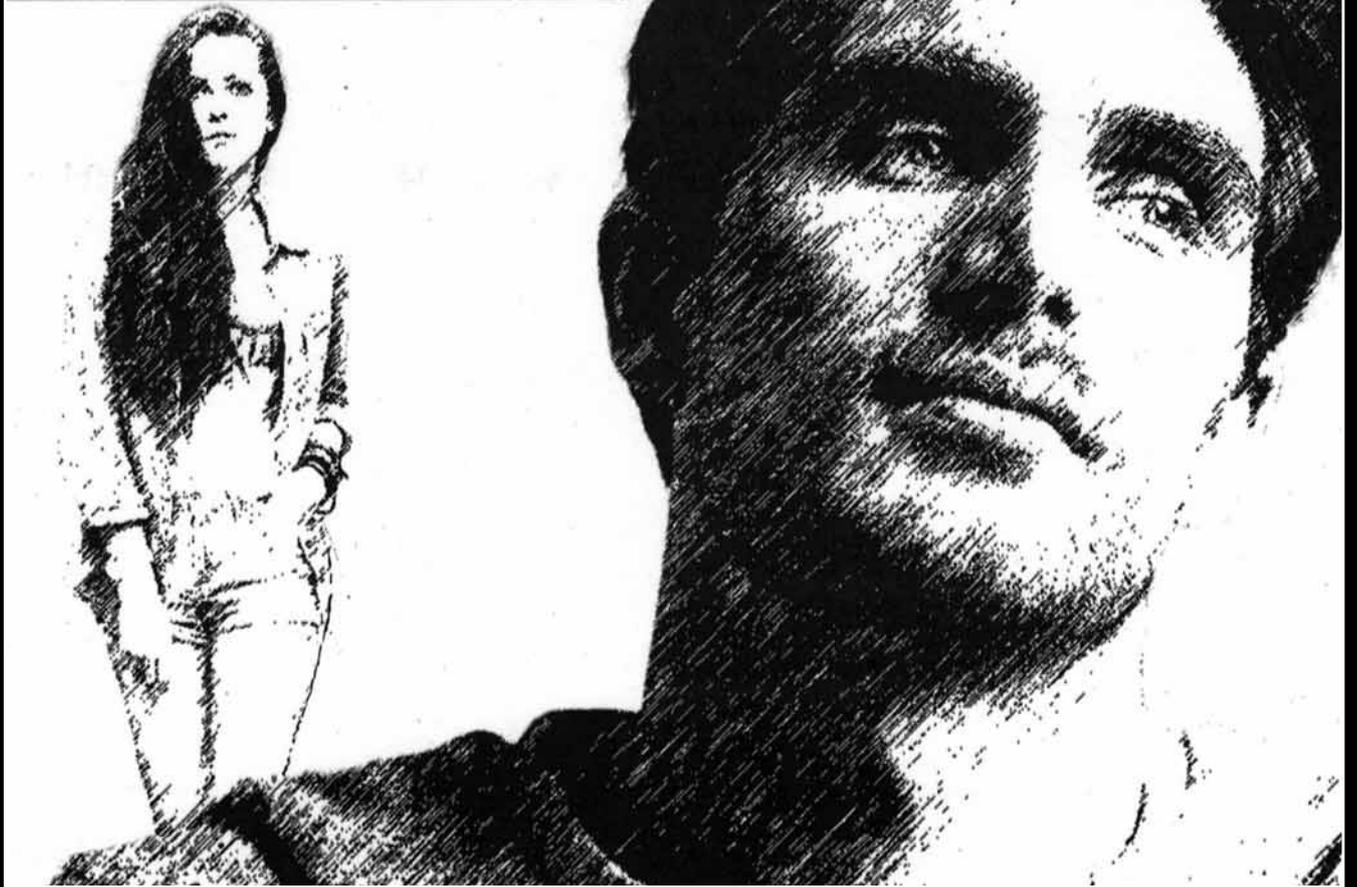
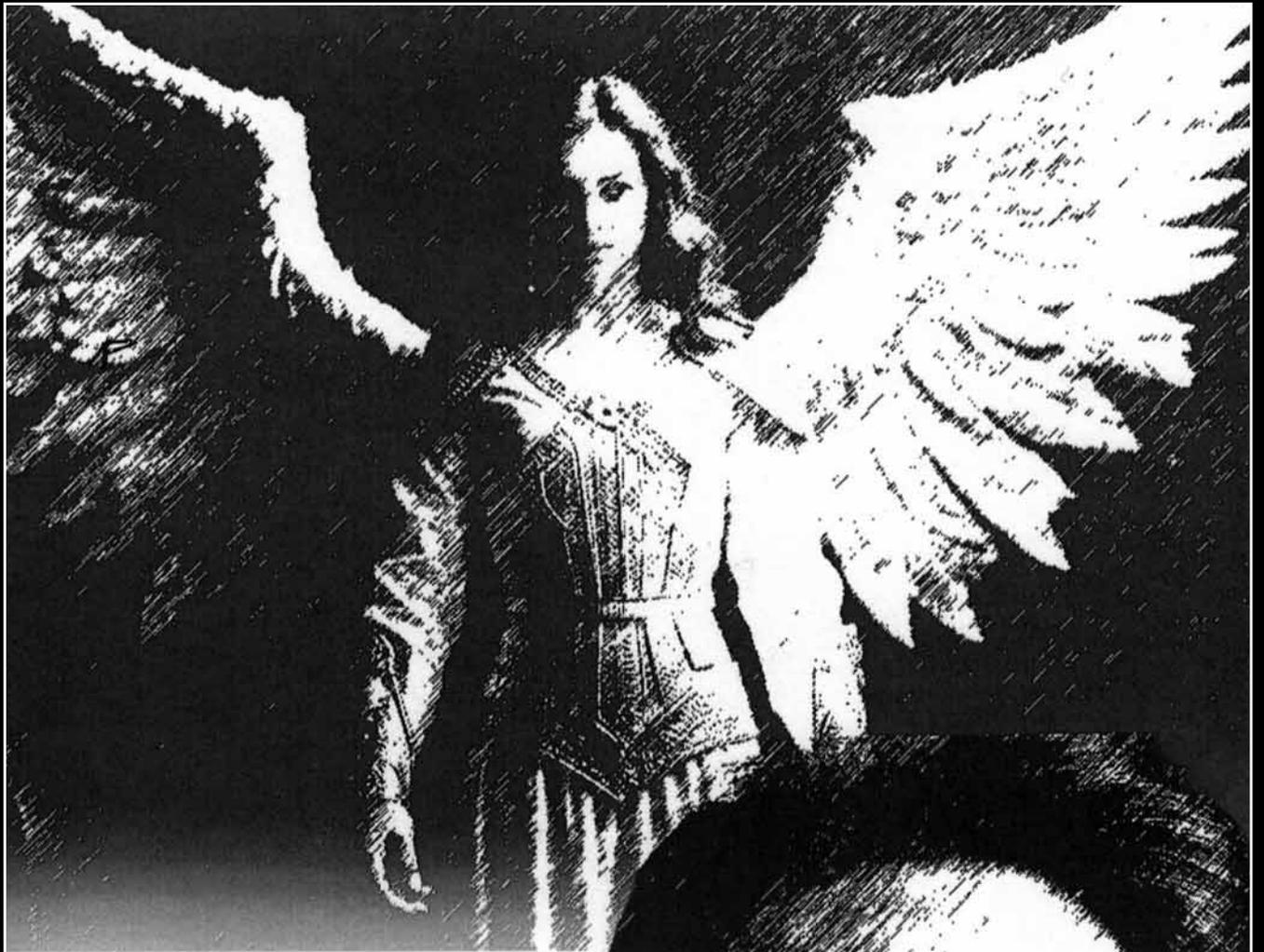
Интересную трактовку предвоенной политике СССР дал уже 27 сентября 1941 года хорошо к нам относящийся посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс в записке в Форин Офис. Оттуда она была моментально переслана резидентурой НКВД в Центр. Тут послу лукавить было нечего. Немцы рвались к столице, возьми они город, участь Криппса была бы предрешена. Привожу короткие выдержки:

«Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого пакта (Договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года — Н.Д.) являлось, как это неоднократно заяв-

ляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы временно... В этот период они не только делали все, что могли, для укрепления своих границ, но и приступили к проведению программы вооружения... Они были полны решимости использовать любую возможность, пока еще имелось время для укрепления своей обороны...»

С Криппсом можно согласиться. Как и с тем, что советское руководство допустило немало ошибок. Даже ориентировка о приведении войск в боевую готовность была дана Сталиным под решительно резким по тем временам нажимом наркома обороны Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым только вечером 21 июня. В ней значилось: в ночь с 21 на 22 июня может произойти внезапное нападение. Внезапное! Такая формулировка вошла в обиход на долгие годы.

Нападение было действительно вероломное. Но внезапным назвать его никак нельзя. Иначе, чем подвигом, действия разведки и ее иностранных помощников не назовешь. Знать все о планах противника практически нереально. Это не под силу ни одной разведывательной службе. А наша сделала все, что в ее силах, чтобы фашистское вторжение не стало внезапным... □

Доказательство ангелов

Вот уже больше двадцати лет я живу в городе замков и дождей, который называется Эдинбург. Это столица Шотландии, откуда родом всемирно известная колли по кличке Лесси и Лох-Несское чудовище.

Типичная погода в нашем городе — свинцовое небо, холодный, пронизывающий ветер и морозящий дождь. Но мне такая погода нравится! Я шагаю по улицам с непокрытой головой или завернувшись в дождевик, и не прячу лицо от водяной пыли. Только разноцветно одетые туристы сиротливо прячутся под окружностями зонтиков.

Что я не люблю — так это изнуряющую жару с палящим солнцем, за которой многие готовы ехать чуть ли не в пустыню Сахара. И еще ненавижу бесцельное лежание на пляже.

Ах, да — забыла представиться! Меня зовут Синтия. Или просто Синди. Я — социолог и математик, учусь и работаю в Эдинбургском университете, занимаюсь статистическими исследованиями. Собираю материалы для статьи о факторах влияния на объемы пассажирских перевозок. Поможет ли моя работа человечеству в решении его насущных проблем? Не знаю. Но каждый день я обобщаю данные о продажах билетов у авиа, железнодорожных и автобусных перевозчиков с помощью собственной компьютерной программы. Та выводит таблицы, строит графики, пытается уловить тенденции и прогнозировать изменения. Говорят, что искусственный интеллект сделает мою профессию ненужной, но я в это не верю.

Некоторые из моих друзей считают эту работу скучной... Я так не думаю. И, самое главное — мне интересно!

Было около двух часов пополудни, когда я зашла в кафе на Джордж-стрит и заказала капучино. Я не была голодна, просто запах свежего кофе

вырвал меня из шумного мира и на некоторое время окружил атмосферой тишины, размеренности и уюта.

Я никуда не торопилась, потому что в запасе был, как минимум, час. А этого времени с лихвой хватит не на одну чашку кофе.

Внезапное «седьмое чувство» просигнало о нацеленном в меня взгляде.

Я мгновенно повернула голову в нужном направлении, словно точно знала, откуда шло воздействие. Остатки «первобытнообщинной» сенсорики, почти убитой эволюцией, дали вполне точный результат. Парень за столиком у стены понял, что обнаружен, и сделал вид, что смотрит не на меня, спрятав глаза в тарелке с фаст-фудом.

«Ну что ж, не на меня, так не на меня!» — иронично подумала я, и, вернувшись к мыслям о статье, опустила свой взор в светлый квадрат окна.

Сделав глоток, поставила чашку на блюдце, рассматривая припаркованный на улице кэб... Однако новый сигнал «седьмого чувства» и женское любопытство заставили меня снова посмотреть в угол, где сидел парень.

Два взгляда встретились, отозвавшись в нервной системе импульсом электричества. Теперь уже я пыталась сделать вид, будто смотрела не на парня, и с неприятным чувством неловкости, чтобы скрасить оплошность, я взяла ложечку и принялась мешать кофе.

Не прошло и половины минуты, как боковое зрение уловило бесшумное движение.

— Доброе утро! — вдруг совсем рядом раздался мужской голос. Я подняла глаза и увидела парня, что минуту назад сидел в углу, нагло глазел на меня и, кажется, не собирался пересаживаться. Надо сказать, что голос его оказался приятным и располагающим. Как в рекламе... Не помню, правда, чего.

— По-вашему, сейчас утро? — поинтересовалась я, продолжая перемешивать кофе. — Впрочем, здравствуйте! Доброго вам дня!

Я не старалась изображать из себя мисс неприступность и даже улыбнулась в ответ. Появление незнакомца случилось так неожиданно, что я не успела подготовиться.

— Вы забыли положить сахар! — с улыбкой произнес парень.

— Что? — не поняла я.

— Вы забыли положить сахар в чашку! — повторил парень, показав на блюдце. Ироничное замечание смутило меня окончательно. Зачем я работаю ложкой, если сахар лежит в пакетике нетронутым! Наверное, это что-то из дедушки Фрейда.

— Я люблю без сахара, — элегантно выкрутилась я.

— Можно присесть рядом с вами? — наконец поинтересовался парень.

— Конечно, — безразлично разрешила я, — стол же не мой! — Я ответила ровно таким же тоном, каким разговариваю с коллегами из университета. Может быть чуточку помягче.

Парень принес тарелку с бутербродом и кофе. Вернулся за матерчатой сумкой на ремне и окончательно переехал ко мне.

— Меня зовут Питер, — радостно представился он и протянул руку для рукопожатия. В этот момент он выглядел забавно. Парень не знал, куда пристроить сумку, поэтому так и держал ее в руке.

— Синди, — ответила я, глядя ему в глаза. Мы смешно, словно дети, пожали друг другу руки и потрясли для крепости. Заметив вывалившийся из сумки ремешок «Кэнон», я не преминула проявить проницательность: — Вы турист? Приехали на наш фестиваль? Я угадала?

— Почему вы так решили? — так же мягко улыбнулся Питер, и в его глазах вспыхнули веселые искорки.

— Увидела фототехнику, — созналась я и добавила: — Впереди — три недели фестиваля искусства Фриндж и парад шотландских волынщиков у Эдинбургского замка! Кто кроме туриста станет таскать с собой тяжелую камеру! Местные жители видели это сто раз! Значит, вы, по меньшей мере, — приезжий! Я угадала?

— Вашей логике можно позавидовать! — ловко уклонился от ответа Питер.

— Так я угадала?

— Если я скажу, что вы угадали, то это будет неправда. Вернее, не вся правда. Но и утверждать обратное тоже некорректно!

— Тогда не мучьте меня тайнами и признавайтесь — кто вы?

— Точно не турист, действительно не местный, и в самом деле приехал на фестиваль, — ответил Питер. — Это моя работа, поскольку я фотограф и репортер лондонского издания.

— Так вы из Лондона? Вот, здорово!

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовался парень.

— Я студентка. И, по сравнению с вами, занимаюсь рутинной работой. Статистическими исследованиями закономерностей, — весело сообщила я. — Но тоже люблю фотографировать!

В общем, с Питером мы проболтали целый час, и, если бы я вовремя не спохватилась, то опоздала бы в университет.

Я вскочила как ужаленная дворняжка, пожелала Питеру удачи и без оглядки выпорхнула на улицу. Парень прокричал про телефонный номер, но я так опаздывала, что не могла задержаться ни на секунду. В общем, я не придавала значения этой мимолетной встрече.

Позже, в университете, мои мысли несколько раз наталкивались на воспоминания о жизнерадостном парне по имени Питер, и даже проскаль-

зывало сожаление о том, что мы не обменялись хотя бы адресами электронной почты. В конце концов в университет можно было бы и опоздать, поскольку мой спешный побег из кафе сэкономил не так много времени.

Остаток рабочего дня тянулся медленно, как никогда. Будто у всех часов в городе сели батарейки. Но, к счастью, и время имеет границы. И оно не резиновое.

Я вышла на улицу, посмотрела на облака и отправилась домой — в сторону Нового города. В глубине сознания плескалась непонятная грусть и обидное чувство, ассоциированное из детства, когда я знала урок на «отлично», но вовремя не подняла руку, и заветную пятерку получила более расторопная соседка по парте.

Тем временем Питер сидел в гостиничном номере и смотрел на новую заставку компьютера — снимок девушки со струящимися волосами, бегущей по Джорж-стрит.

Я убежала от Питера, но не могла убежать от своей судьбы.

* * *

Проснулась я с ощущением потери. Ночные сновидения переплелись плотными кельтскими узлами, распутать которые к утру уже было невозможно. Сюжеты менялись и перетекали в новые формы, но их общий смысл напоминал догонялки. Что-то постоянно ускользало от меня, а я безуспешно пыталась это что-то догнать.

Очнувшись ото сна, я совершила набор утренних действий, составлявших мой ежедневный ритуал, и выскочила на улицу. Небо оказалось серым и, к тому же, просочилось дождем, а встречные прохожие казались такими же не выспавшимися, как и я.

В университете я погрузилась в работу и это было временным лекарством. Но каждая чашка кофе действовала как заклинившая машина времени, возвращая мои мысли в одну и ту же точку пространства и времени.

— У тебя что, голова болит? — вдруг спросила подруга Мелисса, с которой мы вместе учимся и работаем.

— С чего ты так решила?

— Выглядишь озабоченно, как будто голова болит.

— Отстань! Просто не выспалась, — ответила я, что отчасти было правдой. Мели отстала, не вдаваясь в подробности. Ее личная жизнь бурлила романами и общественной деятельностью, поэтому даже учебе оставался лишь остаток приоритета. Ну а я, со своими таблицами, тем более не могла представлять для нее интереса. Скорее, наша дружба выглядела как взаимовыгодный симбиоз.

Около полудня в голову мне пришла замечательная мысль, ставшая одним из ответов к зависшей задачке. Если Питер был в определенном кафе в определенное время, то математическая вероятность того, что в то же самое время он будет там еще раз, имеет значительный положительный процент. Можно предположить, что в этом кафе он бывает каждый день!

— Так что же я жду! — мысленно воскликнула я. — Для решения задачки надо было всего лишь пойти в кафе и выпить кофе. Это самая легкая и приятная формула из всех мне известных.

Я сказала подруге, что пойду перекусить и заодно встречу с одним человеком.

— С парнем? — обрадовалась неумная и вечно озабоченная Мелисса.

— Нет!.. Хотя — да! Мели, отстань от меня! — запуталась я. Мне снова удалось уйти от расспросов с интимным уклоном и дурацкими подмигиваниями!

Город не так велик, чтобы что-то помешало добраться до Джордж-стрит к нужному времени. Подходя к кафе, я издали рассматривала людей, находившихся поблизости... Правда, Питера нигде не видела. Я переходила улицу и чувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Рисовала себе картинку нашей встречи. Как будто все снова должно произойти совершенно случайно, в соответствии с промыслом провидения. Я решила, что сначала не замечу его. Сяду на свое место и сделаю вид, будто смотрю в окно. Тогда он не выдержит и сам подойдет ко мне...

Раздался пронзительный скрип тормозов. Я очнулась и отпрянула. В нескольких метрах от меня экстренно затормозил Rover. Водитель укоризненно взглянул на меня через опущенное стекло, но ничего не сказал. Это было даже хуже, чем если бы он меня обругал. А так... я чувствовала себя такой же виноватой, как моя кошка Тереза, когда по нечаянности оказывалась на запретном для нее кухонном столе.

— Извините, — сказала я водителю, приложив руку к сердцу, будто клялась на Библии, что никак не повлияло на мое настроение. Только бы Питер не видел моего конфуза.

Я приблизилась к кафе и сбавила шаг — я ведь и в самом деле никуда не торопилась! Больше того, я сознательно растягивала мгновения до встречи, повышая градус щекощущего чувства.

— Только бы он меня сразу не увидел, — думала я, не отдавая себе отчета в неверной постановке желаний. А ведь они часто исполняются, и именно в таком виде, в каком мы просим.

Я увидела свое отражение в стеклянной двери, и, выдохнув для нормализации сердцебиения, вошла в кафе.

О, радость! Столик, за которым я сидела в прошлый раз, оказался свободен! Я решительно направилась к нему, краешком глаза посматривая на место Питера...

Моя теория дала первую трещину: на месте Питера сидела немногословная пожилая пара туристов. Может, и не туристов, но очень похожих на них. Заказав кофе, я непринужденно расположилась за столиком, и как истинный математик, решила, что полное подобие прошлой ситуации в моей задаче не требуется. Иными словами, если сегодня Питер будет сидеть за другим столиком, то это не повлияет на результат. Если парень в зале — он меня обязательно заметит и подойдет. Мне и искать его не нужно. Это же просто, как дважды два равно четырем.

Праздничное чувство в душе подсказывало, что Питер где-то тут. Возможно, уже видит меня и собирается подойти. Может быть, уже идет. Нужно закрыть глаза руками...

Прошла минута, другая... Третья и четвертая... Никто не сказал мне: «Привет, Синди»! А ожидание — пытке подобно! Так долго сидеть в неведении я не могу. Беря ситуацию в руки, я осторожно скользнула взглядом по залу...

В кафе многолюдно, но Питера не было, или я его не заметила.

Тогда я развернулась вполборота, чтобы рассмотреть посетителей...

— Вы что-то хотели? — раздалось над моей головой. Сердце обрадованно дернулось и повисло на ниточке. Я даже не поняла, чей голос слышу. Мне было все равно. Ведь я уже знала, что это Питер!

Я оглянулась... Рядом со столиком стоял странноватого вида официант. Я сразу не поняла, что в нем было странного. Может, слегка выпученные глаза или хвост волос в резинке. А может быть, одежда и манера носить фартук. Нет, с одеждой у него все в порядке. Просто парень отличался от других официантов, вот и все. Мои ищущие движения головой он принял за сигнал ему, вот и подошел. Но это был не Питер.

— Нет, — расстроилась я. — Ничего не нужно.

— Извините, мисс. Если что-то понадобится, позовите меня, — улыбнулся официант.

«Конечно, я позову тебя, парень!» — с кислой миной подумала я, беспардонно разглядывая гостей заведения. Через пару минут окончательно стало ясно, что Питера в кафе нет. Праздничное настроение и преждевременная радость схлынули, остудив мозг, словно влажный воздух Гольфстрима.

Я снова заказала кофе и пила его с особо изощренной медлительностью, но уже через час поняла, что сегодня не мой день. У Питера вполне могли случиться неотложные дела, из-за которых его расписание поменя-

лось. Встреча не состоялась. Потому что не могла состояться. Надеюсь, только сегодня.

Я позвала официанта. Он беспардонно заглядывал мне в глаза, будто потерял там что-то. Расплатилась и, проронив холодное «Спасибо», вышла на улицу. День уже не казался таким замечательным и солнечным, как пару часов назад.

Я прошла знакомым маршрутом, внимательно переходя улицы, и вернулась в университет.

— Как прошла встреча? Все успели? — подмигнула вездесущая Мелисса. Ее губы расплющились в пошловатой улыбке, но меня это не тронуло.

— Встреча не состоялась, — грустно сообщила я. — Наверное, мы где-то разминулись.

— Да ладно, разминулись! — не унималась подруга. — Наверное, все успели! Чего ты тогда такая замученная?!

— Не замученная, а расстроенная! Отстань! — огрызнулась я, но Мелисса слышала то, что хотела слышать, и другие версии были бессмысленны. Сделав вид, что занята, я погрузилась в текущие дела. Скоро начнется учеба, и времени на доделки и переделки не останется, появятся новые заботы. Я обзвонила транспортные компании, чтобы те выслали мне сводки о продажах билетов. Возможно, будь я просто «с улицы», со мной бы не стали и разговаривать, тем более тратить на меня время. Но мой университет, одно из главных высших учебных заведений страны, пользуется огромным авторитетом. Он разослал интересующим меня компаниям персональные письма с просьбой помочь в важных для страны исследованиях, и компании пошли навстречу. А многие, по-моему, даже гордятся сотрудничеством с университетом! Или используют в рекламных целях, упоминая на корпоративных сайтах.

По правде сказать, в моей работе имеется тайная составляющая. Я хочу доказать математически существование ангелов-хранителей, оберегающих людей от гибели при разных неприятностях, и написать специальную компьютерную программу для расчета.

Но для серьезного исследования мне не хватает статистики. Поэтому я самостоятельно собираю сообщения о катастрофах и фильтрую сводки о продажах билетов в надежде отмыть из горы пустой породы кусочек чистого золота. Я разослала письма друзьям из других стран и университетов с просьбой помочь. Кое-что присылают. А где-то такие сведения засекречены! Что касается нашего города, то авиакатастроф или серьезных происшествий на транспорте у нас, к счастью, не случилось.

В этот день я еще не знала, что очень скоро мне выпадет шанс прикоснуться к тайне, спрятанной за колонками цифр. Но я была слишком наивна и не понимала, что неоплаченных подарков не бывает.

Питер бродил по городу с фотокамерой, снимая мероприятия фестиваля, но мысли его были заняты только одним — СИНДИ. Девушка с распущенными волосами, которую он видел всего один раз в жизни, накрепко задела в его сознании, словно вирус в операционке ноутбука.

Парень рассматривал прохожих, мечтая отыскать в людском муравейнике знакомую улыбку, координаты которой он не успел взять. Питер мучился от осознания своей внезапной нерешительности, которой в обычной жизни у него не было. Откуда появились эти «тормоза» — он не понимал. Но что произошло, то уже произошло.

Надо сказать, что логика фоторепортера оказалась идентична логике математика и социолога. Именно поэтому Питер пошел тем же путем, что и Синди. Закончив отправку файлов в офис и получив порцию попутных брюзжаний редактора, парень прихватил ноутбук и отправился в город. Естественно, что шел он в направлении того кафе, в котором вчера видел Синди.

Он сел на прежнее место, чтобы его было легче заметить, и заказал набор из салата и чашки кофе. Точно так же, как и Синди, он неторопливо поглощал свои яства, оглядывал людей за столиками и с надеждой поднимал голову, когда раздавался мелодичный звук колокольчика на входной двери.

Через некоторое время к Питеру подошел странноватый официант и поинтересовался, не нужно ли чего клиенту. Парень заказал вторую чашку кофе.

Так же, как и Синди, Питер любил фотографировать и экспериментировать в Фотошоп. Когда любимое занятие совместилось с профессией, он не только не потерял интереса к бывшему хобби, а, напротив, с упоением постигал уроки мастерства, не считаясь со временем. Удостоверившись, что Синди в кафе нет, он открыл ноутбук, загрузил снимки с флешки и, коротая время, неторопливо перебирал их, отрезая второстепенное или выделяя главное. Но работа не клеилась, потому что постоянно прерывалась мыслями о той симпатичной студентке. Тогда Питер возвращался на «Рабочий стол», где стремительное движение девушки с длинными волосами по имени Синди сжимало перспективу, оживляя пространство. Динамика сюжета придавала снимку черты художественного полотна хорошей пробы. Но и на обложке глянцевого журнала это фото смотрелось бы неплохо.

Прошло около трех часов. После нескольких чашек кофе организм уже отказывался его принимать, угрожая ночной бессонницей. Затянувшееся выжидание пришлось прекратить. Питер засунул вещи в сумку, дал на чай странноватому официанту с выпученными глазами и отправился в отель.

Настроение не улучшилось. Да и босс, словно нарочно, позвонил именно в такой момент и учил, как нужно снимать... Шел бы он!

Поздно вечером Питеру пришла неожиданная идея. Он придвинул компьютер, открыл Фотошоп и перетащил в него единственное фото Синди.

* * *

Следующий день я начала по привычному расписанию, только ощущения сменились. Чувства потери больше не было, потому что во сне я уже ничего не теряла. Но какие-то особенные, торжественные нотки, похожие на предвкушение скорого дня рождения, терпко будоражили душу.

Я распахнула окно, и свежий воздух, настоящий на чистом солнечном свете, хлынул в мою маленькую уютную комнату, наполнив ее прозрачной прохладой. Настроение приподнятое, ведь наступающий день мог принести встречу с Питером. А я так этого хотела!

Это странно. Я не понимала себя. Чего я мучаюсь? Парень — первый встречный, о нем мне ничего не известно. Неужели засели в памяти старые сказки? Ведь только там девушки выходят замуж за первого встречного и... получается очень даже ничего и, даже, за принца! Впрочем, это посторонние мысли.

— Тереза, не подходи к окну! Потому что у кошек нет ангелов-хранителей! — предупредила я любимую кошку. Насыпав в миску горку сухого корма, отнесла ее на кухню, чем на несколько минут заняла свободное время Терезы. Как раз, чтобы проветрить комнату. Благодарное животное мелодично мяукнуло и галопом помчалось на завтрак. Ее довольное мурлыканье и хруст корма были слышны даже в комнате! Много ли кошке надо для счастья.

Мне стало смешно и я улыбнулась. Тереза непонимающе взглянула на меня, но продолжила завтрак.

На улице ощущение дня рождения усилилось. По дороге меня постоянно встречали артисты, циркачи и клоуны. Прямо на газоне, тротуаре или автобусной остановке мне демонстрировали калейдоскоп спектаклей, представлений, миниатюр, пантомим, мюзиклов и шоу. Если все их смотреть, то и целого дня не хватит! А на работу точно опоздаешь! Часов на двадцать! Однако нескончаемый праздник заряжал оптимизмом и радостью на весь последующий год, чтобы я без зонтика прогуливалась под проливным дождем, а по вечерам зажигала в доме огни, привлекая тех, кто смотрит на них с неба или хотя бы с борта самолета.

Промучившись половину дня, я поняла, что не могу ни сидеть, ни работать, ни думать. Стянула со стола свою сумочку, тихо прикрыла дверь и выпорхнула на улицу.

К кафе на Джордж-стрит я подходила с громко бьющимся сердцем. А войдя в зал, сразу бросила взгляд на угол Питера... Но, естественно, его место пустовало.

Я села за свой столик. Он оказался свободным второй раз подряд, и это не вписывалось в законы математики. Наверное, неспроста. Заказала кофе...

...Я провела в кафе часа два и оглядела всех посетителей, но тот парень так и не появился. Я свалилась с неба на землю и поняла, что занимаюсь ерундой. Сдался мне этот незнакомец! Я его совсем не знаю, и еще не факт, что мы подружились бы. Мало ли придурков вокруг, успокаивала я себя.

Решительно встав, я покинула заведение. Хотелось сказать «гордо покинула», но никакой гордости не было. Скорее, досада и разочарование.

«Дура! — корила я себя. — На что я рассчитывала?! Он давно забыл, что встретил в кафе какую-то ненормальную! И не вспомнит никогда! Вообразила себе романтическую историю! Точно, ненормальная!»

Уличные музыканты добавили грусти. Их песня про несчастную любовь под аккомпанемент расстроенной гитары и убитой трубы просто бесила!

Должно быть, на моем лице было написано все, что я думаю о жизни, потому что до самого вечера ко мне ни разу никто не обратился. Так и добралась до дома. Но даже Тереза смотрела на меня как-то не так, а поужинав, старалась не шалить.

Но я переболела и пошла на поправку. Как при простуде — сначала резко повышается температура, голова не соображает, а потом раз — и наступает перелом, облегчение. Так и со мной. Я перевернула неудачную страницу и успокоилась. Сумасшествие прошло. Я вернулась в сознание, а к своему микроскопическому приключению относилась с иронией. Ведь на самом деле ничего не произошло, даже не понятно, чего это я возбудилась. Радоваться нечему, но горевать тоже нет причин.

Мое «сегодня» закончилось. Я дотянулась до настольной лампы и выключила свет. Точка моего окна исчезла с картины вселенной. Но вряд ли кто-то это заметил...

* * *

Параллельные миры существуют! И в одном из них жил Питер. Он не забывал о Синди и продолжал искать с ней встречи. Только их измерения никак не хотели совпадать. Синди и Питер существовали в разных реальностях, и каждый жил своей жизнью, а значит, ходили по разным или одинаковым улицам, ездили на разных или одних и тех же автобусах. Только никак не попадали в одну точку одновременно.

— Можно напечатать фото на память? — спросил парень, забежав в фотосалон.

— Какой размер: десять на тринадцать, десять на пятнадцать? — уточнил приветливый менеджер.

— «А-три».

— Это фото на память?! — развеселился менеджер. — Может, оформим снимок в рамку? Чтобы сразу на стенку?

Питер согласился. Через час он получил огромный сверток с заказом и вернулся в кафе. Подозвал хозяина заведения, полноватого мужчину в джинсах и клетчатой рубашке, и минут десять что-то ему рассказывал. Мужчина внимательно и флегматично слушал, по ходу дела понимающе кивал. И лишь когда Питер показал содержимое конверта, хозяин моментально преобразился.

— Вот это да! Смотрите, это же наша улица и мое кафе! — воскликнул он, радуясь как ребенок. — Вот это да! Идите все, смотрите!

Мужчина схватил рамку и с гордостью кинулся показывать фотографию всем сотрудникам и заинтересовавшимся посетителям. Через пять минут рядом с входной дверью появился красочный постер, стилизованный под анонс фильма-катастрофы, натуралистично передававший момент драматического времени, когда Земля подверглась метеоритной или астероидной атаке. Огненные бомбы с хвостами черного дыма разрушают Джордж-стрит. Изломанную мостовую разделяет огромная трещина. Косые нити синего дождя из черно-серых облаков пробивают гигантские молнии... На поломанных, как спички, мачтах освещения искрятся оборванные провода... Вокруг разруха, всеобщая паника... И — бегущая Синди с распущенными волосами.

Вместо названия фильма — надпись эффектным шрифтом: «СИНДИ, ПОЗВОНИ МНЕ! Питер».

Туристы приняли этот плакат за элемент оформления интерьера и фотографировались около него, выстроившись в небольшую очередь. Но, что самое поразительное, некоторые из них, особенно дотошные, звонили по указанному на постере номеру, чем ужасно нервировали Питера.

* * *

Утратив в настроении романтические нотки, я весь день занималась делами. Мысли о парне из кафе больше не посещали мою голову. Или, скажем так, почти не посещали. Я была бы не искренней, если бы сказала, что моя память полностью стерта и отформатирована. Как бы я не старалась, я не могла игнорировать воспоминания, хотя с течением времени

они потускнели и уже не казались яркими, как в первый день. Их заунывная волынка еще будоражила душу, но уже не слишком остро.

Из университета я ушла около четырех часов пополудни. По дороге встретилась с Мелиссой, чтобы передать флешку, которую она забыла в компе. Она же такая растеряша! Мы прогулялись и поболтали. Мели рассказала про нового поклонника и про то, как она от всех них устала. Это было забавно слышать от нее, потому что романы и поклонники были одним из ее немногих смыслов жизни, на который она не жалела времени.

Расставшись с Мелиссой, я неспешно шла по городу, потому что никуда не торопилась. Вдыхала аромат улиц и наполненный влагой воздух. Если бы дома не ожидала меня Тереза, я могла бы беспрестанно останавливаться и смотреть фестивальные 3D-действия, вылившиеся на улицы. Проходя по Джордж-стрит, я взглянула на кафе и собиралась перейти на другую сторону улицы, потому что внутри ничего не шелохнулось, но избыток свободного времени, природное любопытство и возникшее чувство голода привели меня к двери заведения, заставив войти внутрь.

Я проследовала на излюбленное место у окна, не преминув бросить взгляд на столик в углу...

Нет, Питера там не было и, видимо, глупо предполагать что-то другое. Не стоит придумывать себе хрустальные замки, чтобы потом рушить их чугунной кувалдой! Я утоляла голод, смотрела в окно, слушала музыку, о чем-то думала... И все такое в одном флаконе. Задерживаться в кафе я не собиралась, поэтому, слегка перекусив, направилась к выходу.

Мое внимание привлекли туристы, фотографировавшие картину на стене. Раньше там было пусто, и мне захотелось посмотреть, что же там изображено.

Туристы отщелкали кадры и вернулись за столик, а я приблизилась к предмету интереса.

Сначала я ничего не поняла. Сюрреалистическая сцена отвлекла взгляд от главного. Я с любопытством разглядывала картину, не обращая внимания на детали. И вдруг с удивлением узнала себя! Я ничего не понимала. Это было так неожиданно, что, ища объяснения, взгляд, наконец-то, сполз на текст...

И тут я испытала такой шок, будто меня коснулись электрическим проводом! Я не могла поверить своим глазам! Этот плакат был посланием от Питера! Послание адресовано мне! Значит, он искал меня! Весь клубок угасших было эмоций и чувств окатил меня новой горячей волной. Я лихо радочно полезла в сумочку за телефоном. Быстро набрала номер... Но сердце участило ритм, и я не смогла запустить вызов. Боже мой, я испугалась! Испугалась поговорить с незнакомым парнем! Да я ли это! Это был даже не страх, а какая-то юношеская робость.

Номер сохранился в записной книжке. Я вышла на улицу, постояла, беспричинно улыбаясь и отправилась кормить Терезу.

Забежав домой, положила телефон на видное место, будто сама ожидала звонка, и занялась кошкой. Подсыпала ей корм, налила свежей воды, подмела рассыпанный по полу наполнитель для туалета. Я ждала, не решаясь позвонить, потому что не знала, что смогу сказать! Никогда раньше я не задумывалась над подобным вопросом, а в общении с людьми не было проблем. А тут... Я почувствовала недостаток словарного запаса.

Однако, выдержав паузу, я твердой рукой запустила набор номера.

— Я слушаю! — ответил серьезный голос.

— Привет, это Синди! Мне нужен Питер, — беззаботно сказала я, ожидая ответной радости. Но мое приветствие привело абонента в необъяснимое замешательство.

— Здравствуйте! — сухо произнес парень.

— Ты просил позвонить? Вот я и звоню! — сказала я, теряясь от непредвиденной реакции и не представляя, о чем говорить дальше.

— А это точно ты? — последовал осторожный вопрос. — Чем ты занимаешься?

— Я... — Я оказалась в замешательстве. Он забыл, что я ему рассказывала! Даже обидно!

— Я учусь в университете и работаю там же! Занимаюсь статистикой! — с раздражением и досадой ответила я таким же тоном, как ответили мне в трубке. Я даже допустила, что просто ошиблась номером.

Но интонация абонента вдруг резко переменялась.

— Синди, Привет! Это, правда, ты?! — проникновенно произнес Питер. — Это был его голос! — Извини, что я проверял тебя! Мне звонили разные люди! И некоторые говорили, что они — Синди! Представляешь!

— Кошмар! — включилась я, не успевая за быстрыми изменениями. — И кто эти люди? Что им от тебя было нужно?

— Не знаю! Представляешь, они звонили и несли всякую чепуху! Наверное, проверяли телефон.

— Ты придумал замечательный постер! — похвалила я. — Все в восторге! И я тоже! Изображение так реалистично сделано!

— Если бы это не сработало, я бы пошел искать тебя в университете! — сказал Питер.

Мне стало приятно. Значит, он меня не забывал!

Мы встретились в кафе. Питер весь светился, как новогодняя гирлянда. Да и я была рада не меньше. Мы сидели за столиком у окна и болтали без остановки. К нам подошел хозяин кафе и принес по бокалу хорошего вина — комплимент от заведения. Оказалось, что он узнал нас и пришел сказать,

что тоже рад нашей встрече. Это было так странно, сказочно, и так трогательно, что я чуть не заплакала.

Питеру позвонил босс и что-то долго ему выговаривал.

— Что не так? — спросила я Питера.

— Понимаешь, я отправил в редакцию снимки, а тексты к ним не прикрепил, — смущенно улыбнулся Питер. — А самое плохое, что я случайно выбросил шпаргалку с текстами и теперь не разберусь, где и что изображено. Такая мешанина в голове. Твой звонок был для меня таким неожиданным, что я забыл о делах.

— Значит, это я виновата?! Тогда, давай, вместе все исправим! — предложила я.

Мы прошлись до отеля. Разумеется, я не поднималась в номер, а то был привет Мелиссе! Питер принес компьютер. Мы устроились в холле и принялись за работу. Он показывал мне фотографию, а я рассказывала, что на ней изображено. Мы тут же придумывали заголовок и короткую историю, писали текст и переходили к следующей фотографии. Это было хорошее развлечение для меня, ведь приходилось подключать фантазию. Мне было интересно, словно я делала студенческую газету!

Когда мы закончили работу, Питер отправил материалы в Лондон и вздохнул свободно.

— Я спасен! — воскликнул он. — Ты — моя спасительница! А я — твой раб!

Из скромности я шутливо заметила, что работали мы вместе, а работорговлю отменили в далеком веке. Но мне было безумно приятно! Я поняла, что мои положительные чувства вызвало не слово «спасительница» — само по себе очень даже хорошее слово. И, уж точно, не «раб», поскольку «садомазо» — не мой конек. Душевный трепет был вызван словами: ТЫ МОЯ! И, возможно, «Я ТВОЙ...» Именно таких слов ждут все девушки мира от своих принцев. И, конечно же, это глубоко зашифрованное послание не могло быть не услышанным моей романтической натурой. Ведь его тайный смысл я почувствовала еще при первой встрече!

Питер отнес компьютер, захватил фотокамеру, и мы отправились гулять по вечернему городу. Я взяла на себя обязанности экскурсовода, а Питер фотографировал город и встречавшиеся нам фестивальные события. Сумерки и обильное искусственное освещение добавили снимкам густоты и сочности красок.

Мы приблизились к старому замку. Питер подал мне руку, и мы взбежали вверх по ступенькам. На других ступеньках Питер снова подавал мне руку, и это было так естественно, что, казалось, мы не замечали соприкосновения наших пальцев.

Потом мы просмотрели снимки на фотокамере и сделали шпаргалку, по которой Питер напишет тексты. Мне было весело, светло и интересно! Казалось, что мир открылся специально для меня. Но это было не тот мир, к которому я привыкла! Это был совершенно новый, незнакомый ранее мир, радостный и светлый, манивший тайнами и полной свободой.

Сумерки сгустились и незаметно перетекли в ночь. Питер проводил меня до дома. Пришло время прощаться. Мы стояли под фонарем и не могли расстаться, придумывая новые темы.

— А фото на память?! — воскликнул Питер и навел на меня фотоаппарат, а я сделала страшную гримасу.

— Что получилось?! Ой! Это я?!! Какой ужас!

Мы смеялись и, несмотря на позднее время, совсем не хотелось домой. Потом наступила пауза...

— Ну все, мне пора, — негромко сказала я, понимая, что расставанию может не быть конца. — Завтра рано вставать. Тебе тоже.

— Уже сегодня! — заметил Питер. — Спасибо за помощь, за прогулку.

— И тебе спасибо за интересный вечер, — ответила я. Мы пожимали друг другу руки... И, кажется, всего на миг Питер задержал мою ладонь... Это было приятно. Незнакомый импульс пробежал мурашками по спине и замкнулся в точке контакта. А может быть, это на улице похолодало.

Миг растянулся на секунды, и его не хотелось останавливать. Мы лениво разжали пальцы, постояли еще минуту... Но другого повода взять друг друга за руки не нашлось. Мы попрощались, и я пошла домой. Вот так просто — повернулась и пошла. Иначе — не получилось бы.

Войдя в квартиру, я погладила Терезу, скинула туфли и тихонько подошла к окну. Питер стоял внизу и смотрел вверх. Он ждал, когда я дойду, и искал мое окно. Я включила свет и махнула ему рукой. Питер заметил меня, помахал двумя руками и только после этого ушел.

Я переоделась, покормила Терезу и приготовилась спать. Душа была свободна как ветер и плескалась в океане радостных чувств, смутно предчувствуя приближающееся счастье. А может быть, счастье лилось на меня прямо сейчас, только я этого не понимала.

Сердце не чувствовало подвоха.

Вдруг телефонная трубка подала сигнал — Питер прислал сообщение. Я ответила. И мы еще долго не могли уснуть, отправляя друг другу забавные смайлы-рожицы.

Наконец окончательно и твердо пожелали друг другу спокойной ночи и легли спать.

Но разве мы могли уснуть!..

* * *

Утро было особенным. Во-первых, потому что ужасно хотелось спать. Во-вторых, потому что Питер обещал меня разбудить на работу и сдержал обещание, прислав милую открытку с пожеланием доброго утра. И, в-третьих, — потому что светило солнце, а сердце было распахнуто для света и тепла, как окна моей спальни. Второе и третье обстоятельства полностью компенсировали первое.

Я словно знала наперед какой-то секрет, будто предчувствовала наступление нового времени, которое другим людям невидимо и неподвластно. Это мой секрет и мое время!

Примчавшись в университет, я сделала всю работу до обеда и сказала Мелиссе, чтобы она меня сегодня не ждала. Подруга расценила мои слова по-своему.

— Так вы встретились? — обрадовалась она. В этот момент мне пришло сообщение от Питера, на которое я сразу же ответила, не замечая никого вокруг и улыбаясь. — Да у вас общение полным ходом! И ты расцвела как цветочек! А ну, давай, рассказывай!

Я не удержалась и все разболтала! На самом деле мне хотелось с кем-нибудь поделиться, и Мели оказалась поблизости.

— Вау! У вас лавстори! — восторгалась подруга. — А ты не забыла про мой день рождения? Жду вас вместе с Питером — надо же посмотреть на твоего бойфренда!

— Не знаю! — засмуцалась я. — Только он не мой, а просто...

— Просто, — хмыкнула она. — Просто только знаешь, где бывает!

Я знала. Потому что слышала это от Мелиссы не раз. Я чмокнула ее в щеку и убежала. Ведь я могла опоздать на встречу с Питером.

* * *

Мы гуляли и вместе делали репортаж о фестивале. Оказалось, что это так увлекательно! Мы искали неожиданные ракурсы, находили новые сюжеты.

— Какое впечатление от города?

— Первое, что я заметил, выйдя из самолета, — в Эдинбурге сильно пахнет солодом. Такое впечатление, что весь город — это большой пивоваренный завод! А еще меня удивили каминные трубы! Множество труб! В несколько рядов на каждом доме! Просто нереально! Много серого цвета и копоти на камнях!

— Это дань истории, печному отоплению и лучшему в мире виски! — ответила я.

Мы подошли к центру города, где мне пришлось стать экскурсоводом. — Эдинбургский замок и дворец Холирудхаус соединяет Королевская миля, — рассказывала я. — По легенде, под мостовыми Королевской мили живет дух отважного волынщика, который, спустился в подземелье и начал играть, чтобы люди наверху слышали его и могли найти. Но волынщик так и не вернулся. Говорят, что звуки его волынки слышны из-под земли до сих пор.

— Зачем он туда спустился? — вдруг поинтересовался Питер.

Я растерялась. В самом деле — чего он туда полез? Кто просил?

— Не знаю! — честно ответила я, и мы дружно засмеялись. Я вспомнила еще кое-что. — Призрак волынщика у нас не один. Кроме него по Эдинбургу бродят обезглавленные барабанщики, разбойники с жертвами, кровавый судья Маккензи и другие забавные личности.

— Теперь я буду бояться темноты! — сказал Питер. — У вас тут сплошная мистика, приведения и средневековье! Хотя из самолета город выглядит романтично: бескрайние изумрудные холмы, темные воды загадочного залива, и светлячки огоньков жилых домов.

— Город старый, но замечательный! Я бы никогда не переехала жить, скажем, в Лондон! Но мистики у нас хватает. Кстати, работа, которую я делаю в университете, тоже отчасти мистическая!

— Статистические исследования? — хихикнул Питер.

— Представь — да! — чуть не обиделась я. — Я исследую удивительный феномен, который сопровождает все, без исключения, катастрофы: всегда находятся те, кто должен был стать жертвой трагедии, но по каким-то причинам не попал в гущу событий и избежал смерти. Причем, эта закономерность имеет место в катастрофах любого типа! Представляешь?

— Как-то не очень...

— С точки зрения религии и веры — все понятно: ангел-хранитель не подпустил человека к беде и тем самым отвел от него гибель. Но я хочу приблизиться к разгадке с другой стороны — с помощью математики и статистики! Я воспользовалась подсказкой Стивена Кинга, который первым обратил внимание на авиацию. И хочу доказать математически существование ангелов-хранителей, спасающих людей.

— Никогда не слышал об этом! — воскликнул Питер. — Теорема Синтии! Красиво! Как ты это сделаешь?

— Ну сам процесс исследования — чистая статистика, математика, социология, а вот результат может получиться интересный!

— Ты сказала — статистическая аномалия, но причем тут ангелы? — недоумевал Питер.

— Понимаешь, когда-то давно социолог Стаунтон исследовал статистику двух сотен железнодорожных крушений за тридцать лет и выяснил, что

поезда, попавшие в аварию, были заполнены всего на шестьдесят один процент от максимального количества пассажиров. А в благополучных поездах заполнение составляло семьдесят шесть процентов! Результаты шокировали исследователя, и он списал пятнадцать процентов на вмешательство ангелов-хранителей. Иного объяснения аномалии найти не удалось. Позже ученые обратились к авиации и тоже выявили вмешательство ангелов-хранителей: от рейсов, закончившихся катастрофой, отказались на двадцать процентов больше пассажиров, чем от благополучных!

— Но причем тут Кинг?

— Он случайно наткнулся на статью Стаунтона. А как раз в это время в США, на маршруте Денвер — Бостон, разбился самолет компании Majestic Airlines, в котором погибли все пассажиры и экипаж. Кинг позвонил в штаб-квартиру компании и, под видом журналиста, поинтересовался, сколько из купивших билеты людей не полетели. Оказалось, что шестнадцать человек! Кто-то отказался от брони, кто-то просто опоздал! Но, как сообщили в авиакомпании, обычно таких бывает не более трех, а опоздавшие и вовсе редкость! Видишь, какая аномалия?!

— Впечатляет! Но это было так давно! Сейчас другие технологии, другие скорости. Что-то могло измениться, — предположил Питер.

— Технологии и скорости влияют только на безопасность и скорость перевозок. Аномалия сохраняется! За последние двадцать лет от рейсов, окончившихся катастрофами, отказывалось на восемнадцать процентов больше людей, чем от обычных рейсов. Это четкая закономерность, которая не может быть совпадением или случайным всплеском.

— А что сегодня? — заинтересовался Питер.

— Сегодня такие исследования веду я! Когда их закончу, то создам компьютерную программу для автоматического выявления рискованных рейсов и передачи сообщения в службу авиационной безопасности или полицию. И это будет еще одним сигнализирующим инструментом для спецслужб. Так сказать, система раннего предупреждения!

— Любопытно! Любопытно! — удивлялся Питер. — Об этом можно написать статью! И взять у тебя интервью!

— Когда-нибудь напишем, а пока идет техническая работа. У каждого исследователя должны быть собственные результаты. Ситуацию не прояснить, если рассматривать случаи необъяснимого спасения разрозненно. Поэтому я оцениваю большой массив информации о событиях с точки зрения математической статистики и моделирования.

— Значит, ангел-хранитель есть у всех людей? — уточнил Питер.

— Конечно! Он «положен» каждому человеку при рождении. Но есть множество людей, которые не обращаются к его помощи. А есть и другой

тип людей, которые молят о помощи, но у них черная душа и темная аура. К таким ангелы не приближаются!

— С темной аурой — это зомби и вампиры?! — дурачился Пит.

— Отстань!

— Ну ладно, все! А почему не приближаются?

— Не знаю... Может, там действуют законы разделения разнополярных энергий, — предположила я. — И светлое отталкивается от темного. Хотя на Земле почему-то отталкиваются одноименные полюса.

— Но если хранитель положен каждому, тогда почему люди гибнут в ужасающих количествах? Несчастные случаи, дорожные происшествия, наконец — войны и локальные конфликты! Получается, что ангелы не выполняют свои служебные обязанности? — воскликнул Питер.

— Ангел-хранитель — не бронежилет. Это существо высшего порядка, которое желает помочь человеку при его стремлении к доброте и любви к ближнему. Ангел не станет помогать людям, сознательно деградирующим во всех смыслах. В его задачу не входит и исправление кармы человека. Совсем наоборот. Хранитель не препятствует получению необходимых жизненных уроков. Но если ангел должен спасти человека, то он сделает это даже в смертельной ситуации. Например, уведет из самолета, который должен разбиться, заставит пересесть на другое место в автомобиле, потому что через минуту в то место врежется автобус, вынудит человека наклониться в тот момент, когда над головой пролетает пуля... Ангел может придумать массу уловок, чтобы его подопечный не попал на «несчастливый» поезд или самолет, и тем самым спасти его.

— Так что ж не спасает?! — не успокаивался Питер. — Люди же гибнут!

— Неужели ты не понимаешь?! — воскликнула я. — В задачу ангела-хранителя не входит сделать человека бессмертным! Он помогает ему стать лучше, чище, совершенней. Но если сам человек к этому не стремится, то и не может рассчитывать на помощь свыше. Да, много людей погибло в горячих точках. А сколько спаслось? Иногда — чудом! У тебя есть статистические данные, которыми можно оперировать? — Питер промолчал. — И кто стоял за сотворением многочисленных чудес, если не ангелы-хранители?

— Наверное, — согласился Питер. — Но мне кажется, что везет и подлецам.

— Я не согласна. И дело не в везении. Подлецы быстрее продвигаются по карьерной лестнице или хапают сокровища, но это не делает их счастливыми. В душе и на душе у них черно и пусто. И простой дворник-эмигрант может быть счастливее нашего миллионера!

— Ты права, но многие бы не отказались от миллиона в кармане, даже с пустотой в душе, — заключил Питер. Он помолчал и вдруг с теплотой произнес: — Синди, ты очень хорошая девушка.

— Я знаю! — отшутилась я, потупив глазки.

— И скромная, к тому же! — развеселился Питер.

— Отстань! — рассмеялась я и отодвинула его от себя. Мистическая тема закончилась сама собой. Так же внезапно, как и возникла. Наверное, это тоже мистика!

Мы проголодались и завернули в кафе. Ожидая заказ, стали просматривать снимки. Некоторые я хотела удалить как неудачные, но Питер сказал, что нужно посмотреть их на экране компьютера, потому что на маленьком экране камеры можно что-то упустить. Я согласилась. Ведь он профессиональный фотограф, а я всего лишь любитель.

Перекусив, мы двинулись дальше. В какой-то момент мы вдруг обнаружили, что ходим по городу, взявшись за руки.

— Ничего себе! — удивилась я. — Когда мы успели?!

— И я не заметил! — вяло оправдывался Питер. Мы оба лукавили, ведь держаться за руки было приятно нам обоим!

День пролетел как одна минута! Мы подошли к моему дому и остановились. Было уже темно, и свет фонарей давал резкие тени. Я понимала, что меня тянет к Питеру, как и его ко мне, но давать волю фантазии боялась. Ведь если посчитать, то мы знакомы всего несколько дней, из которых вместе провели еще меньше времени. Для эволюции отношений этого явно недостаточно.

— Пойду? — прервала я затянувшееся прощание. Но Питер не отпускал мою руку. Он приблизился и погладил мои волосы. В моей душе громче запели птицы и ярче зацвели сады. — Пойду, — тверже повторила я, потому что голова кружилась в хороводе чувств, а нежные прикосновения являлись тяжким испытанием. Питер потянулся к моим губам. Я улыбнулась, ловко подставив для поцелуя щеку. — Пока-пока, прошептала я и... впорхнула с улицы в открытую дверь.

Тереза встретила меня довольным урчанием. Пожалуй, я тоже была готова мурлыкать! Только, не умела этого делать!

* * *

— Как прошла вчерашняя встреча? — горячо интересовалась Мелисса.

— Отлично! — откликнулась я, и по моему сияющему виду было бы трудно заподозрить обратное.

— Все — все? — хитро уточнила подруга. Ее интересовали пикантные подробности.

— Отлично, это не значит все — все! — заверила я, сохраняя интригу личной жизни.

— Чего ты теряешься?! — недоумевала сексуально-раскрепощенная Мелисса. — Живем один раз!

— Мели, я не теряюсь. У меня все нормально, не заморачивайся по поводу меня, — попросила я, ведь пошловатый подтекст начинал доставать.

Отработав положенные часы в «универсе», я, сломя голову, побежала на свидание. Странно, но на каждом углу мне встречались волюнки. День, что ли, такой! Я посчитала это хорошим знаком. Предмет национальной гордости собирал вокруг себя толпу любознательных слушателей, напоминая о воинственном характере горцев. Однако и в заунывных, казалось бы, звуках я слышала свою оптимистическую мелодию.

Встретившись с Питером, мы по-дружески чмокнулись в щеку и отправились штурмовать фестивальные мероприятия, чтобы сделать репортаж. Строго говоря, профессии Питера я уже завидовала, хотя когда-то тоже мечтала стать репортером. Ему нужно быть сразу везде, и при этом вовремя отправлять материалы в лондонскую штаб-квартиру. Как это успевать — мне непонятно, но творческий процесс в этой профессии, на мой взгляд, уступает место технологии. Достаточно запомнить десяток приемов, чтобы твои фотки выглядели на уровне, а тексты читались без запинок.

Поскольку свободного времени у меня, вдруг, высвободилось достаточно, мы с Питером с удовольствием носились по городу, пытаюсь ухватить дух фестиваля, потому что охватить весь фестиваль физически невозможно. Даже если мы превратимся в «репортеров-Рэмбо» и начнем снимать с двух рук одновременно, а еще двумя писать тексты.

...К вечеру, изрядно уставшие, мы приземлились в летнем кафе, чтобы элементарно поесть и отдохнуть.

Мы выпили немного вина. Голова закружилась от градусов, легкой усталости и приятного общения в романтической атмосфере. Пока мы обсуждали, какие снимки и тексты отправим в Лондон, я неожиданно открыла для себя: помогая Питеру, я тоже работала репортером! А еще училась и стажировалась одновременно! Но, что еще более важно — у нас появилось общее занятие. Только для Питера оно было работой, а для меня — приятным хобби.

Домой мы отправились дальней дорогой, через утопающий в зелени сквер. Питер был безумно обаятелен. Я видела, что нравлюсь ему, и сама теряла голову. Я забралась на высокий каменный бордюр и, расставив руки, балансировала, стараясь не свалиться. Питер шел рядом, придерживая меня. Я представила нас на носу корабля, летящего к горизонту, как герои из «Титаника».

Камень оказался слишком узким для меня. Я взмахнула руками и... потеряла равновесие!

— Осторожно! — воскликнул Питер, едва успев меня поймать. Он держал меня двумя руками, словно угодившую в сети золотую рыбку, и не торопился отпускать. Тусклый свет и уединение стирали грани реальности. Голова кружилась от вина. Питер обнял меня, приблизившись к моему лицу.

— Кажется, я упала, — почему-то шепотом произнесла я.

— Но я же тебя поймал, — так же тихо ответил Питер. — Значит, не упала.

Мы смотрели друг другу в глаза и говорили всякий вздор, не замечая, как сокращается расстояние. В какой-то момент я закрыла глаза, чтобы позволить нашим губам нечаянно соприкоснуться. Но губы оказались непослушными, и, встретившись однажды, уже не могли утолить накопившуюся жажду, снова и снова соприкасаясь в сладких поцелуях.

— Что это было? — вдруг очнулась я.

— Где? — не понял Питер.

— Тут, сейчас.

— Не знаю! — улыбнулся он, не выпуская меня из рук и целуя мое лицо. Я обнимала его или укладывала свою голову ему на грудь вместе с ладошками, а он зарывал свое лицо в моих волосах и просто молчал.

Наверное, это был всего лишь сон...

— Сколько времени? — спохватилась я и взглянула на часы. — Мы тут уже два часа!

Я не могла поверить! Мы стояли в общественном месте, беспрестанно целуясь, и не замечали ничего вокруг! Даже время для нас остановилось. Не думала, что такое может случиться со мной.

Всю дорогу до дома Питер нежно обнимал меня, а наше движение периодически прерывалось остановками для поцелуев. Кажется, я была на седьмом небе от счастья. А долгое отсутствие любви делало стремительно наступавшее чувство насыщено-ярким, но очень опасным.

Почти приблизившись к дому, я остановилась.

— При соседях нужно вести себя прилично, чтобы они про меня не сплетничали, — прошептала я, не противясь возникшему из ничего поцелую.

Попрощавшись со мной, Питер ушел. Но по дороге к отелю посылал в мой мессенджер приятные сообщения. Что он мне писал?

Это — секрет!

* * *

Следующий день ознаменовался днем рождения моей подруги Мелиссы. На работу она, естественно, не пришла, занимаясь прической и подготов-

кой к празднику. Я принимала сводки о продажах билетов, забивала цифры в электронные таблицы, делала расчеты, не забывала о текущей работе и думала над подарком.

Собственно, сам подарок я купила заранее, осторожно выведав у Мели ее предпочтения. Требовалось лишь его упаковать.

Я сбегала в лавку и купила рулон упаковочной бумаги. Не думая долго, отрезала большой кусок блестящего полотна, положила подарок на середину, подняла края бумаги вверх, придав пышную форму, и перевязала ленточкой. Получилось что-то вроде большой конфеты. Не знаю, как бы оценили мою работу дизайнеры, но мне она понравилась.

Тем временем Питер сидел в номере и верстал срочное задание от шефа.

— Представляешь! — сказал он мне по телефону. — Звонил шеф. Сказал, что мои репортажи пахнут плесенью и скукой!

— Сам он плесенью пахнет! — возмутилась я. — А что ему нужно?

— Он хочет «взбодрить» читателя» историями об обратной стороне фестиваля! Вот кретин!

— Что значит обратная сторона? — не поняла я. — Криминал? Мигранты?

— Нужно найти какой-нибудь негатив, завернуть его в упаковку из душещипательной истории и раздуть до размеров скандала! Ну, не кретин?! Теперь сижу в Интернете, читаю городские происшествия за сутки, пишу текст, чтобы подогнать его под фото.

— Не патриотично как-то плохо писать про фестиваль, — заключила я. — Ты нашел что-нибудь?

— Ерунда — мелочевка! Карманные кражи, потасовки в пивной и мелкие автомобильные происшествия. Придется придумывать историю из того, что есть.

— Ага, как карманник стащил кошелек, потом на радостях напился, подрался с туристами и, убегая, спровоцировал автоаварию! — пошутила я. — Сочувствую тебе! Но выход один — придумать свою красивую, в смысле, страшную, историю и, как ты сказал, подогнать под нее имеющиеся фотографии. Или сделать постановочную съемку! Хотя бы про приведение волынщика! В-общем, надо подумать! Не боги новости пишут! Не расстраивайся!

— Если из-за каждого дурака расстраиваться, то придется пить антидепрессанты! — ответил Питер. — А историй я ему... мы с тобой придумаем сколько угодно! Помнишь вчерашний снимок перевернутого мусорного контейнера?

— Который неровно поставили, и его уронило ветром? — уточнила я.

— Да! Но не ветром, а разгоряченной толпой фестивальных фанатов, устроивших локальные беспорядки в знак протеста против ограниченного числа билетов в концертный зал! — рассмеялся Питер.

— Ну, ты даешь! — засмеялась я. — Может, не надо сразу про беспорядки, а то на самом деле спровоцируешь! Кстати, ты не забыл про день рождения моей подруги?

— Конечно, забыл. Зачем нам подруга? Для меня на свете никого не существует, кроме тебя! — дурачился Питер.

— И твоего босса! — напомнила я. Мне, конечно, такие слова приятны, да и самой не хотелось идти к Мелиссе и ее друзьям. Но делать нечего, приглашение получено, тем более что ты пойдешь со мной.

Во второй половине дня я заскочила домой переодеться. Питер подошел позже и ждал меня внизу. Я вышла. Чмокнула его в щеку, и мы отправились на вечеринку.

— Ты так шикарно выглядишь! — сказал мне Питер. — Я скучал по тебе!

— Я тоже скучала, Пит! — вспыхнула я.

Едва мы отошли от дома, как Питеру срочно понадобилось позвонить. Мы зашли в телефонную будку. Питер приложил трубку к голове, сделал вид, будто звонит, а сам обнял меня и начал целовать!

Как порядочная, законопослушная девушка я была в шоке от его художеств! И даже считала это невыносимым!

— Что ты делаешь! — вяло сопротивлялась я, не пряча свои губы. — Сейчас нас отведут в полицейский участок за...

Увещевания не помогли, Пит не отпускал меня из объятий.

Вдруг в будке раздался резкий стук по стеклу. Я вздрогнула и испуганно отпрянула. Стук повторился. Я оглянулась и увидела пожилую женщину, которая колотила по стеклу ручкой зонтика и беззвучно ругалась. Звук в кабину не проникал, поэтому я догадалась об этом по ее выразительной мимике. Ну и еще — по ситуации.

— Мои извинения, мэ! — ответил Питер, приоткрыв дверь. — Вам позвонить? Мы немедленно уходим...

В этот момент словно в телевизоре включили звук. Раздался поток ругательств, суть которых сводилась к нашему распутству в общественном месте. Но больше всего досталось мне. Это я такая плохая! В ее молодости подобного не было. Видимо, тетушка имела в виду времена Королевы Виктории.

— Извините нас, мэ, — вежливо и серьезно сказала я, состроив весьма печальное лицо. — Видите ли, мы сегодня поженились, а дома родители, сестра и брат... Я понимаю ваши чувства, но нам некуда идти! И это был наш первый невинный поцелуй.

— Поженились? Так я и поверила, что первый! Шли бы в отель, где вас никто не видит. Вы в этой будке и первую брачную ночь собрались проводить? — уже без злости, но в большом недоумении пробурчала женщина.

И удалилась так же внезапно, как появилась. Видимо, вспомнила, как сама была молодая, и вошла в наше положение. Спасибо, что полицию не вызвала!

— По-моему, это было приведение кровавой кухарки! — предположила я, и мы дружно засмеялись!

— Значит, мы сегодня поженились? — игриво повторил Питер. Я не поняла, на что он намекал. — Такое событие нужно, по меньшей мере, отметить! Не говоря уже обо остальном!

— Сейчас и отметим! — согласилась я, подставляя губы для поцелуя... — Но пока — это фиктивный брак! И никакого остального! Даже не мечтай!

— По любви? — не отставал Питер. — Или по расчету?

— Давай тебя об этом спросим! — уклонилась от ответа я. — Что ты ответишь?

— Вот хитрая! — веселился Питер. — Тогда, конечно же, по расчету!

— Ууууу! — загудела я, опустив большой палец вниз, как зрители на гладиаторских боях.

— По расчету на любовь! — пояснил Пит.

— А-а! — обрадовалась я и перевернула палец вверх. Мы снова целовались, становясь ближе друг другу с каждой секундой. Собственно, ближе уже и некуда! Чувства били в голову и через край, и я со страхом думала о том, что вечером нам придется расставаться на целую ночь. В голове еще не было мысли о том, что Питер приехал в Эдинбург всего на три недели, и его командировка непременно закончится. Я не думала об этом, потому что не хотела смотреть так далеко и ничего не загадывала наперед. Я видела не дальше собственного носа. Я потом это поняла...

В клубе была громкая музыка, а прожекторы заливали зал цветными огнями. Мы чмокнулись с Мелиссой вместо приветствия, сказали пару дежурных фраз. Я познакомила ее с Питером.

— Это и есть твой парень? — спросила Мели, оценивая Пита. — Ничего, мне нравится! — бесцеремонно заявила подруга, как будто кто-то спрашивал ее мнение. Она была уже подшофе, потому что начала отмечать свой праздник задолго до нашего прихода.

Мне стало неуютно, и, чтобы смягчить ситуацию, я вручила ей свою подарочную «конфету».

— Спасибо! Спасибо! — последовали поцелуи. — А что там? Можно посмотреть?

— Конечно! Это же тебе!

Мелисса небрежно развернула бумагу и вытащила коробку с колонками для ее нового сотового.

— Ура! Ура! Я именно их хотела! — радовалась подруга. — Как ты узнала?

— Это секрет! Хотя ты же сама сказала!

Мелисса утащила нас за столик и представила друзьям. Вечеринка шла по обычному сценарию. Друзья поднимали тосты, пили и танцевали. Потом все забыли про именинницу и просто веселились. Я танцевала с Питером все медленные танцы, которых было катастрофически мало. Мели танцевала все подряд, а на медленные к ней стояла очередь из ее друзей. Я уже запуталась, кто из них сегодня считается ее парнем. Она такая странная. Но мне не было до этого дела. Я танцевала с Питом и нам было хорошо, потому что не было дела до других людей.

Закончив танец, мы вернулись за столик. Болтали. Слушали смешные истории. Смеялись. В это время Мелисса куда-то пропала. Я подумала, что она отлучилась в туалет.

Заиграла медленная музыка... Мы не собирались танцевать. Но вдруг, откуда ни возьмись, появилась растрепанная Мелисса. Она бесцеремонно взяла Питера за руку и почти насильно вытащила на танцпол. Он, извиняясь, посмотрел на меня, но было понятно, что от ее цепких лап Питеру не уйти.

Я была в шоке и убила бы ее, но виду не показала. Ведь у Мелиссы день рождения.

Не знаю, что на нее нашло. Наверное, поссорилась со своим парнем. Она обняла Питера и так близко прижалась к нему, что у меня от злости перехватило дыхание. Я видела, как расплющилась ее прижатая грудь! Захотелось встать и убить ее прямо там!

Питер продолжал танцевать, бросая взгляды на меня, и это было настоящей пыткой! Я ужасно нервничала и бесилась, глядя на этот ужасный танец. Ругала подругу и Питера за то, что он позволил себя увести. Я была вне себя от ревности, которая вспыхнула пожаром и разгоралась все сильнее. И, когда Мелисса положила голову на Питера, вскочила с места, готовая наброситься на них с кулаками и подручными предметами.

Питер попытался дистанцироваться от подруги, но она липла к нему, как муха на мед, обнажая декольте! Неужели чтобы мне насолить?! Но за что?!

Я смотрела на них волком, и Питер это заметил. Он остановился и повел Мелиссу к столу. Она сопротивлялась, тащила его танцевать... Но Пит проявил настойчивость. В этот момент через зал быстро прошел какой-то нетрезвый парень. Он вышел на танцпол, резко оттолкнул Питера и вlepил Мелиссе звонкую пощечину. Потом схватил Питера за одежду и попытался ударить его. Питер оказался спортивным. Он ловко увернулся от удара и крепко схватил парня за руку. Пит не хотел скандала, но парень

не успокаивался, что-то кричал, делал рэперские движения руками и пальцами.

Назревала драка.

Врубившаяся громкая музыка заглушила звуки разборки, но посетители уже обращали на нас внимание. Питер что-то говорил парню, но это не помогало. Зато подбежали его дружки...

— Ты откуда взялся?! — осмелел бойфренд.

Я побежала под лучи прожекторов разнимать парней. Мелисса обиженно взглянула на меня, как будто я была в чем-то виновата, и бросила на ходу:

— Вот видишь! Все мужики одинаковые!

— Дура ты! Забирай своих друзей и идите за стол! — посоветовала я, едва сдержавшись, чтобы не вцепиться ей в волосы. Но, разумеется, я не опустила до этого.

Взяла Питера под руку, схватила сумочку и быстро направилась к выходу. Уже второй раз в день мы могли запросто угодить в полицию. Хорошо же эта «медовая пчела», как переводится имя Мелиссы!

— Извини, я не мог от нее отделаться! — оправдывался Пит, поправляя рваную футболку. Но я молчала. Мне было ужасно больно и обидно. Вечер казался безвозвратно испорченным. Хорошо, что я вовремя пришла в себя и поняла, что Питер тут не причем. Скорее виновата я сама, затащив его на вечеринку к этой дуре.

Будем считать, что этот неприятный эпизод был первым нашим испытанием.

Мы крепко взяли друг друга за руки и пошли подальше от клуба.

— У тебя же кровь! — вдруг спохватилась я.

— Где? Правда, я не заметил!

— Не стирай! — вдруг сказала я. — Давай фотокамеру.

— Зачем? — удивился Пит.

— Давай! Это отличный сюжет! Сфотографирую тебя, и напишем заметку про нападение неизвестных на лондонского репортера.

— Ты молодец! Может, меня кетчупом облить для антуража?! — обрадовался Питер. Вероятно, больше оттого, что я быстро оттаяла и все забыла.

На улице стемнело. Питеру надо переодеться. Мы дошли до отеля.

— Поднимешься со мной? — спросил он. Я колебалась. Чувства прыгнули на новую ступеньку эволюции, и я боялась, что дальнейшее развитие отношений может оказаться слишком быстрым.

— Ты же недолго? — уточнила я, соглашаясь.

Мы поднялись в номер. Я увидела, как живут столичные репортеры. Небольшая комната, узкая кровать, компьютер на столике, провода, зарядки для батарей.

Питер сбросил порванную майку. Порывшись в шкафу, нашел, во что переодеться.

— Спине тоже досталось! — заметила я. — У тебя есть что-нибудь спиртовое?

— Туалетная вода сойдет?

Я стерла с кожи остатки крови и побрызгала больное место. Питер зашипел.

— Терпи! — велела я, вытирая излишки парфюма. Прикосновения к обнаженному телу вызывали волнующие чувства, хотя я и старалась отстраниться. Видимо, Пит их тоже испытывал. Он повернулся, обхватил меня руками и нежно, одними губами, принялся прокладывать дорожку от моего уха к губам, транзитом через щеку.

Голова кружилась от любви. Да, я, наконец, смогла себе в этом признаться! Но как признаться Питеру? И нужно ли? Что он скажет? Что подумает обо мне?

Любознательные мужские руки двигались по моей спине, вызывая тахикардию. Ласковые пальцы не спешили, но тщательно изучали мое тело, спускаясь все ниже. Я понимала, что еще чуть-чуть, и я сдамся. Долго находиться на краю обрыва, не двигаясь ни вперед, ни назад — изощренный вид садомазохизма! Даже Терезу я уберегала от такого садизма. Когда рука Питера скрылась под ремешком моих брюк и, отвлекая мою бдительность, начала опасный разворот, я сказала себе: СТОП! — и, с усилием освобождаясь от Питера, тихо прошептала:

— Я хочу кофе!

— Мы не отметили нашу помолвку! — так же тихо ответил Питер. Голос его был глухим и хрипловатым, как будто у него болело горло.

Он надел новую майку, мы вышли на улицу и отправились в любимившееся кафе на Джордж-стрит.

Вечер исправился. Хотя по небу плыли тучи, они не могли повлиять на мое настроение. Только что наши отношения преодолели следующую ступень эволюции и чуть было не улетели в космос. Элемент дружбы остался, но появилось новое, особенное — доверие между мужчиной и женщиной. Это пропуск и дорога к более близким отношениям, наступление которых было лишь вопросом времени. Только нужно ли мне это?

Мы пили вино, кофе, говорили нежности и глупости, а я медленно тонула в омуте его глаз, не представляя, как жила без него — наверное, это была и не жизнь, а только подготовка к ней. А еще не представляла, как смогу остаться одна, когда Питер вернется в отель.

...Мы подошли к моему дому. Фасад смотрел на нас погасшими окнами. Мы держались за руки и не хотели друг друга отпускать. Мы как альпини-

сты находились в одной связке и, если один из нас разожмет пальцы, другой — погибнет.

— Я пошла? — произнесла я, словно спрашивая разрешения.

— Сегодня такой день, — прошептал Пит. — Совсем не хочется тебя отпускать.

Он смотрел на меня прямо и открыто, словно во взгляде был какой-то подтекст.

— А что же делать? — спросила я, зная единственный ответ. — Не могу же я тут стоять до утра.

Я еще сомневалась, но погода расставила все по местам: небо прохудилось и хлынул настоящий ливень! Мы не пытались спрятаться. Холодные водяные струйки стекали с волос на лицо, залезая под одежду. Мы мгновенно промокли, но не сдвинулись с места и не разомкнули объятий. Я поняла, что этот дождь был послан нам свыше, возможно, моим ангелом-хранителем. Для чего? Не знаю. Вероятно, он спасал меня от одиночества!

— Если ты не выпьешь горячего чаю или виски, то точно простудишься, — заботливо произнес Питер.

У меня не осталось выбора. И, честно говоря, он совпадал с моим желанием!

— Ты тоже весь промок и можешь простудиться! — я погладила его мокрое лицо. — Кажется, у меня есть немного виски и чай. Давай тихонько поднимемся, чтобы не разбудить соседей!

Чтобы не заболеть, мы выпили по наперстку чистого виски и закусили шоколадом. Вытерли волосы. Я нашла Питеру майку, которая была велика мне на несколько размеров, чтобы переодеться в сухое... Но все это стало второстепенным, когда мы прижались друг к другу и дали волю губам.

Я уже не могла затормозить и не хотела этого. И вновь оказавшись на краю, я отпустила свои чувства и желания, отстегнула страховочные блоки и без оглядки прыгнула в пропасть. Я была захвачена потоком нежности, который вырвал меня из этого мира и стремительно уносил в новое измерение параллельного пространства. Туда, где были только Питер и я.

В мечтах я представляла себе этот момент красивым и романтичным, но настигшее нас любовное торнадо закрутило в таком сумасшедшем вихре взаимных прикосновений и каскада поцелуев, что время и реальность перестали существовать. Земля ушла из-под ног, будто оставив меня в открытом космосе, и я вся растворилась в электрическом поле неизвестной реальности. Не было ни прошлого, ни настоящего. Только короткие мгновения, сотканые сознанием из мерцающих дальних звезд и вспыхивающих огоньков.

Я нырнула в глубину лазурного океана и была поглощена им без остатка. Блуждала в неведомых мирах, пока не пришло время возвращаться... И начался медленный подъем.

Я открыла глаза, будто после долгого беспомыслия. Питер лежал рядом с закрытыми глазами, потерявшись в моих волосах.

Когда ко мне вернулось сознание, я поняла, что первый раз в жизни по-настоящему счастлива!

* * *

Если бы не работа, я бы не ходила в университет до начала учебы. Но к концу лета транспортные перевозки испытывают настоящий пик, что дает много материала для статистики. Плюс к этому — наплыв миллионов туристов на фестиваль. Так что ко мне в руки попадали большие массивы информации, которую требовалось систематизировать и обработать. И лучшего времени, чем август, мне не найти.

Мелиссу после ее дня рождения я не видела около двух недель, пока однажды она не появилась на работе, нарушив мой душевный комфорт. В преддверии нового учебного года она решила закончить на работе то, что возможно, а то, что не успеет, отложить на неопределенный срок или передать другим.

— Привет! — сказала Мели как ни в чем не бывало и приблизилась ко мне, чтобы чмокнуть в щеку..

Я поздоровалась, но от поцелуя увернулась.

— Ты что — обиделась? Из-за того случая? — спросила она с наигранным удивлением и невинным взглядом.

— Мне все равно, — спокойно ответила я, хотя лицезреть подругу было неприятно. Но я сказала правду — мне действительно все равно.

— Ну, ладно, прости меня! — примирительно произнесла Мели. — Я выпила, а мой парень пошел в туалет и по пути встретил бывшую подружку. Ну, короче, я застала их, когда они целовались под лестницей! Вот и взбесилась! Ты же должна меня понять как женщина!

— Я не обиделась, я разочарована, — ответила я, начиная входить в положение подруги. Была бы возможность расстаться с ней навсегда — я бы ею воспользовалась. Но с Мелиссой мы вместе учимся и вместе работаем. Какой смысл дуться друг на друга целую вечность, если все в прошлом?!

— Нууу, — притворно заныла Мели. — Прости!

— Ладно! Не парься! Все в порядке! — улыбнулась я и подала ей руку.

Мелисса обрадовано потрясла мою ладошку, подобралась ко мне и все-таки чмокнула в щеку! Прямо как моя Тереза! Мы обнялись и помирились. На душе стало на одну звездочку светлее, а в жизни — на одну подругу больше!

С Питером мы встречались каждый день и проводили вместе все свободное время. Любовь нас накрыла с головой, изменив жизнь до неузна-

ваемости. Кажется, мы делали все то же самое, что и до дня рождения Мели: гуляли, делали репортажи, целовались, держались за руки, веселились вместе с туристами, пили пиво, наконец... Но каждый наш день был наполнен каким-то новым смыслом.

И только ночью, когда оставалась одна, я не могла уснуть от предчувствия надвигающейся беды, которая, как мне наивно казалось, заключалась в окончании командировки Пита и его возвращении в Лондон. Я поняла, что Питер — это мое, и не представляла, что будет со мной, с нами, когда он уедет. Я не могла и не хотела верить в то, что в один прекрасный момент Пита не будет в моем городе, а возможно, и в моей жизни.

Конечно, наши города находятся не на разных континентах. Эдинбург всего в часе лета от Лондона. А на поезде из Лондона до Эдинбурга можно добраться за четыре часа двадцать минут. Но на самолете мы каждый день не налетаемся, а чудовищно большое время в пути на поезде подразумевает лишь редкие встречи на уик-энд.

Насколько тогда нас хватит? И насколько хватит нашей любви?

Я предчувствовала беду, но не могла понять ни ее природу, ни источник, потому что настоящая угроза зрела совсем в другом месте. За пределами человеческого понимания и влияния.

* * *

Мы посчитали с Питером, что на уик-энд заслужили выходной, и сделали вылазку в развлекательный аквариумный центр Deep Sea World, что в двенадцати милях к западу от Эдинбурга. Пожалуй, это единственный аквариум, в котором можно поплавать вместе с акулами и совершить замечательное путешествие по самому большому в мире подводному тоннелю. А это — сто двенадцать метров лазурной красоты!

Впечатления и краски — незабываемые. Питер забил снимками не одну флешку! Жаль только, что, скорее всего, он не сможет использовать их для своих репортажей. Редактор опять недоволен и требует «более жизненные» материалы, которые приходилось выдумывать. Вероятно, в каждой профессии есть свои издержки. Издержка профессии репортера в выдумывании связки между фактами. Однако я уверена, что красота не может быть не востребована, и наши снимки с красотами морских глубин и подводного животного мира Питеру когда-нибудь пригодятся.

...Мы обошли почти весь аквариум. Разве что с акулами не поплавали. Устали, проголодались, зашли в кафе и ожидали заказ.

— Синди, ведь твое имя Синдерелла? Значит, Золушка? — вдруг догадался Питер.

— Верно, Золушка, как у Шарля Перро, — улыбнулась я. — Тебе не нравится?

— Мне очень нравится и эта сказка, и это имя! Я буду называть тебя — моя милая Золушка!

— Только милая? — хитро прищурилась я. — Или испачканная в золе? А где моя хрустальная туфелька?

— Еще любимая и самая хорошая Золушка! — проникновенно произнес Питер.

Мне стало так хорошо, что я чуть не заплакала. Видимо, Бог послал мне испытание в виде Пита, решила я про себя. Ведь я не знала, что будет по окончании его командировки.

— Я тебя тоже очень сильно-сильно люблю! — прошептала я, чтобы никто не услышал. — Я готова тебя съесть! Вот как люблю!

— Если меня съешь, кого будешь любить? — беспечно засмеялся Питер.

— Только тебя, мой дорогой! — прошептала я прямо ему в ухо. — Но я боюсь неопределенности, — я решила первая заговорить на важную тему. Питер молчал, понимая, о чем речь. — Когда твоя командировка заканчивается?

— Планируется, что я буду находиться здесь до окончания фестиваля и еще день-два, чтобы рассказать, как разъезжаются гости и туристы. Все на усмотрение моего редактора. Ты же знаешь.

— До закрытия фестиваля осталась неделя. И что тогда? Ты уедешь? А что будет с нами? Ты думал об этом? — спрашивала я. Пит сидел напротив и смотрел на меня пронзительными глазами. — Я не смогу быть без тебя ни дня! Это будет слишком больно...

Он молчал, а у меня в это время от страха сердце провалилось до пяток. Боже мой, чего я только не передумала за какие-то доли секунды! Даже то, что у него в Лондоне есть жена и ребенок, а со мной он только развлекся! А я загружаю его какими-то глупостями!

— Почему ты молчишь?! — заволновалась я. — Ответь что-нибудь.

Питер молча встал. Открыл сумку с фотокамерой. Достал сверток...

Мне стало не по себе — что он собирается сделать? Что он мне ответит?

Через секунду Питер вернулся за столик и, наконец, обрел дар речи.

— Я думал об этом много раз, моя Золушка... Я тоже не смогу без тебя, поверь! В общем, я приготовил тебе подарок в стиле викторианской эпохи, — сказал он, сбросив серьезность, и протянул мне маленькую шкатулку. С приятным волнением я взяла подарок в руки и спросила.

— Это хрустальный башмачок?

Я осторожно открыла крышку и... обомлела! В шкатулке лежало красивое кольцо с камнем!

— Что это? — удивилась я, извлекая красоту на свет.

— Это кольцо помолвки для моей Золушки! Загляни внутрь.

Я посмотрела. Внутри кольца гравировка с сегодняшней датой и нашими инициалами! Я находилась в шоке.

— Кольцо носится на безымянном пальце левой руки до венчания. Жених снимет его с невесты в алтаре, перед началом церемонии. После венчания кольцо можно надеть обратно, поверх обручального, и тогда оно будет предотвращать потерю обручального кольца, — зачитал «инструкцию» Пит.

— Подожди, я ничего не поняла! Какой жених, какое венчание?! Ты о чем? — растерялась я. — Ты делаешь мне предложение?!

— Извини, я волнуюсь и, наверное, что-то сделал не так... — смутился Питер. Он встал, приблизился ко мне, опустил на колено и торжественно произнес: — Синди, милая, я тебя люблю! Ты самая лучшая девушка! Будь моей женой! И в печали, и в радости!.. И... что там еще говорят дальше?

Я провалилась в рай и заплакала. Люди за соседними столиками с интересом наблюдали за нашей импровизированной помолвкой, но я их не замечала!

— Ты согласна, моя Золушка? — переспросил Питер.

Я не могла говорить, потому что была счастлива! Такого состояния благодатной радости я не испытывала никогда. Значит, все мои опасения и тревоги были напрасны. Боже мой, если Пит послан мне Богом для испытания, то я согласна на любое из возможных! Лишь бы он всегда был рядом!

— Милый, я тебя люблю! Я... конечно согласна! — тихо прошептала я, потому что горло сдавил спазм. Все было так мило и неожиданно, что я не сдержала эмоции и заплакала.

— Теперь мы помолвлены! — радостно сказал Пит и извлек из фото-сумки маленький букетик цветов. — Это тебе!

У меня закружилась голова. Мне хотелось разбежаться и прыгнуть в аквариум с самой высокой точки, даже если там плавают акулы! Мне хотелось расправить крылья и взлететь в небо! Меня разрывало на части от радости, и каждая часть хотела бежать, лететь, прыгать... и кричать о любви!..

...По дороге в Эдинбург Питер сделал неожиданное предложение.

— Давай, ты сегодня останешься у меня.

Я молча посмотрела на него, будто не понимая.

— Навсегда, — пояснил он.

— В отеле? — засмеялась я. — За кого меня там примут? И что подумают!

— Пусть думают, что хотят! — воскликнул Питер.

— Нет, так нельзя, — ответила я. — У меня другое предложение.

— Какое? — насторожился Пит.

— Переезжай ко мне ты!

Питер засветился от радости! Он схватил меня, оторвал от земли и закружил, словно в танце! Я поняла, что счастье не имеет границ и зависит только от нас!

Но я смотрела на мир через розовые очки.

* * *

Питер выписался из гостиницы и переехал ко мне. Мы начали совместную жизнь, опыта которой у нас еще не было. Зато у нас было главное — мы любили друг друга! И это чувство было совсем не фиктивным.

Окрыленная любовью, я вернулась к теории ангелов. Друзья прислали мне файлы с наполняемостью европейских и атлантических рейсов, потерпевших катастрофу. Это были бесценные материалы для завершения моей работы. Несложная обработка показала, что разбившиеся поезда и самолеты были заполнены только на шестьдесят процентов, тогда как на благополучных рейсах этот показатель не превышал восьмидесяти. Причем, при менее фатальной угрозе жизни пассажиров усредненные показатели были менее заметы. Это стало настоящим открытием! Я нашла доказательство существования ангелов-хранителей, зафиксированное в строгих математических выкладках. Осталось собрать еще немного материала, оформить работу и написать статью в наш научный журнал.

* * *

Фестиваль заканчивался вместе с летом и теплой погодой. Туристы начинали разъезжаться. Транспортные компании города распродали билеты на месяц вперед и пребывали в состоянии нирваны. Я получила базы данных состоявшихся продаж и старательно конвертировала их для своей работы. Это был заключительный этап сбора статистики. Питер делал репортажи с последних дней фестиваля. Вечером мы смотрели снимки, выбирали удачные и отправляли в лондонскую штаб-квартиру.

Вдруг зазвонил телефон Питера. По громкой речи, звучавшей из трубки, я поняла, что у Питера неприятности. Редактор узнал, что Питер выписался из отеля, и метал громы и молнии.

— Теперь понятно, почему ты медленно работаешь! Завис у подружки и положил на работу! Все! Мне надоело! Завтра же вылетай в Лондон, а послезавтра утром я жду тебя у себя в кабинете!

— На завтрашний рейс билеты давно проданы, — пытался сопротивляться Питер.

— Ничего, у нас есть брони! — орал шеф. — Свяжись с офисом, и тебе скажут, как взять билет! Все! Не обсуждается! — И в трубке раздались гудки.

— Что случилось? — забеспокоилась я.

— Редактор велел вылетать завтра вечером, — расстроено произнес Питер.

— Но почему завтра?! — не понимала я, вновь почувствовав тревогу. — У тебя же еще несколько дней!

Питер развел руки.

Я чуть не плакала. У меня отнимали кусочек меня. Отнимали бесцеремонно и без анестезии! Вдруг оказалось, что никаких трех дней у нас нет! Разница, вроде бы, небольшая, но при этом — огромная.

Питер приблизился ко мне, нежно обнял, вытер выступившую слезу, поцеловал в лицо...

— У нас еще целые сутки! Ты только представь! И мы будем вместе! — оптимистично обнадежил он. Но это была неправда. Потому что утром мне нужно появиться в университете, а Питер должен доделать городской репортаж.

— Зато у нас есть целая ночь! — ответила я, крепче прижавшись к Питеру.

* * *

Утром Питеру позвонили из офиса и сказали номер его рейса. Мы быстро позавтракали и разбежались по своим делам, чтобы высвободить время до отлета.

Я обрабатывала свежие данные от авиакомпании, чтобы как можно быстрее закончить с систематизацией. Ровные колонки цифр ползли по экрану, будто сами по себе, а мои мысли вылетели в открытое окно и находились где-то в городе, рядом с моим Питером. Пожалуй, впервые эта работа наскучила мне. Потому что хотелось поскорее уйти домой.

Сначала появилось странное чувство, будто что-то не так. Мне показалось, что я допустила ошибку. Так бывает: делаешь что-то на автомате, думаешь о своем, а потом вдруг вспоминаешь о пропущенном шаге.

Пропустить шаги я не могла, но чувство, что я видела какую-то ошибку и не отреагировала на нее — осталось.

Но я люблю точность! Для проверки я запустила визуализацию результатов. У выстроенной компьютером диаграммы был явный дефект: усредненная линия на графике продаж одной авиакомпании имела заметный прогиб на сегодняшней дате.

Я задумалась. Вероятно, допущена ошибка при вводе данных, вот дефект и выплыл. Я торопилась домой, и поэтому не хотелось тратить время

на копание в цифрах именно сегодня. Но научное любопытство взяло верх и заставило меня перепроверить данные.

Я взяла базу только одной авиакомпании за один сегодняшний «ошибочный» день и запустила обработку...

При высоком разрешении выявилось выраженное проседание продаж билетов на один — единственный рейс — сегодняшний вечерний рейс Эдинбург — Лондон до аэропорта Гатвик. Получалось, что в пик нагрузки на авиакомпании из-за отлета туристов с фестиваля, когда все билеты распродаются задолго до вылета, а купить билет в кассе невозможно, часть билетов значилась не проданными. Но если есть спрос, почему эти билеты не продали?

Появилось ощущение, что я нашла то, за чем гонялась долгое время.

Я позвонила в аэропорт, чтобы проверить, нет ли ошибки в данных. Оказалось, все верно: на этом рейсе есть свободные места. На мой вопрос, почему эти билеты не продались в кассе, когда есть дефицит, мне ответили, что пассажиры не ожидают найти билеты в кассе, поэтому не спрашивают!

Не слишком убедительно. Логика авиакомпании меня не удовлетворила. Для «чистоты эксперимента» я не поленилась просчитать средние показатели продаж билетов и заполнения лайнера этого же вечернего рейса Эдинбург — Лондон в течение года, чтобы сравнить их с сегодняшними. В результате компьютер выдал мне график, представлявший собой линию, колеблющуюся около среднего значения с циклически повторяющимися сезонными отклонениями. Но на сегодняшней дате кривая снова имела дефект.

Пересчитав отклонение в проценты, я получила...

Я была в шоке! Цифры почти сравнялись с процентами Стаунтона! Чтобы выяснить все до конца, я опять позвонила в авиакомпанию и спросила, каким образом появились свободные билеты. Наверное, если бы не мои хорошие отношения с сотрудницей авиакомпании, она послала бы меня куда подальше. А так — я получила ответ. Оказалось, что двое сдали билеты накануне вылета, несколько человек отказались от брони. И только что еще один пассажир сдал билет по причине пищевого отравления.

Можно было копаться в этих цифрах и дальше, но я спешила к Питеру, и убежала с работы пораньше.

Когда я приехала домой, Питер собирал вещи. При виде этого, мне стало так тоскливо, хоть плачь. Моя сказка закончится сегодня. Пробьет двенадцать, и карета превратится в тыкву.

На фоне личных переживаний вдруг вспомнилось мое исследование.

— Пит, а каким рейсом ты летишь? — уточнила я.

— Эдинбург — Лондон, с посадкой в аэропорту Гатвик, — ответил он, не оборачиваясь в мою сторону.

Я запаниковала и рассказала Питеру про свое открытие, попросив перенести вылет на утро. Но Питер был далек от мистики и нашел простое объяснение аномалии.

— Сегодня вечером на стадионе «Тайнкасл» состоится футбольный матч «Харт оф Мидлотиан». Будет телетрансляция, поэтому нет ничего удивительного в том, что многие болельщики захотели посмотреть игру своей команды не на стадионе, а дома, в уютной обстановке, перенеся вылет на другое время. Я уверен, что завтрашний рейс будет переполнен!

Я успокоилась, согласившись с «футбольной версией» аномалии. Даже забавно, что у серьезной научной темы нашлось такое банальное объяснение. Да и процент отказавшихся не дотягивал до критического. Жаль, что невозможно выяснить футбольные пристрастия сдавших билеты пассажиров.

Я переключилась на Питера. Ведь через несколько часов он улетит, и я останусь одна. Мне трудно такое принять, поэтому только эта мысль доминировала в моей голове над всеми другими.

Питер обнял меня. Он запустил руки в мои волосы, а я уткнулась ему в плечо и едва слышно прошептала:

— Не представляю, как я буду без тебя. Я учусь и не могу бросить университет. Перевестись в Лондон — тоже нереально. А у тебя работа...

— Не волнуйся, Золушка! Все будет хорошо! Вот увидишь! Мы что-то придумаем! — пообещал Пит.

Я тяжело вздохнула. Я верила ему, но расставание, словно огнем, плавило мои мозги, а вместе с ними и мысли.

Нежные поцелуи привели к взаимным ласкам, а вспыхнувшая страсть увлекла нас в царство блаженства и торжества любви. Сознание уступило дорогу бессознательному. Там мы и заблудились...

Мы сидели на кухне, пили кофе. Однако вместо расслабления и приятной неги ко мне вернулось забытое чувство тревоги.

— Пит, пожалуйста, пообещай, что сделаешь для меня одно дело, — зашла я издалека.

— Конечно, все что хочешь! — пообещал он.

— Обещаешь? — не отставала я.

— Обещаю, — кивнул Пит.

— Позвони в Лондон и попроси перенести отлет на утро.

— Ну, Золушка! — заупрямился Питер. — Что я скажу редактору? Да он меня съест!

— Скажи правду, — серьезно посоветовала я.

— В смысле? — не понял Пит. — Сказать шефу, что моя девушка меня не отпускает до утра? Это, конечно, забавно, но редактор не будет смеяться!

— Попробуй заинтересовать шефа статьей про мои исследования! Он же любит сенсации! Скажи, что есть материал для хорошей статьи. Расскажи о безумном математике, который вычислил катастрофу вечернего рейса! Но чтобы получить эксклюзивный материал, ты должен улететь утром!

— Написать статью о твоих исследованиях? Мысль интересная! Но редактор не верит в приведения!

— Причем тут приведения! Ты обещал! — надавила я, не оставив Питу выбора.

— Хорошо, я позвоню, — вздохнув, согласился Питер. — Но чтобы тебе было лучше слышно, включу громкую связь...

Разговор с редактором сразу же не задался. Видимо, зря я лишний раз подставила Питера своей просьбой, ведь он лучше меня знает своего шефа.

— Не валяй дурака, парень! — разнервничался редактор. — Я догадываюсь, чем ты там занимался все это время, и для чего понадобилась еще одна ночь! К тому же, если твой математик так уверен в катастрофе, то, как гражданин, он обязан сообщить об этом в полицию, чтобы спасти больше сотни пассажиров! И не нужно мне пудрить мозги! А ты завтра в девять часов пополудни должен сидеть напротив меня в моем кабинете с отчетом о командировке!

— Хорошо, вылетаю, как запланировано, — сдался Питер, признав свое поражение.

— Вот и правильно! — горячился редактор. — Насмотрятся голливудских сказок! Эдинбургские провидцы там нашлись! Может, им Нобелевскую премию выписать?! А то я могу!!!

Громкие гудки отбоя прозвучали, как гонг после неудачного поединка. Связь прервалась. Я проиграла. Но не собиралась сдаваться. Вероятно, я просто идеалистка!

— Пит, — по-кошачьи мягко подкралась я к нему. — У меня в железнодорожной компании работает подруга. Она достанет билет, даже если в кассе билетов нет. ...Позвони шефу, пусть они откажутся от билета.

— Да ты что! — потерял терпение Питер. — Ты не слышала его реакцию?

— Пусть только откажутся от билета, и все! Расходы за мой счет!

Но я умею уговаривать! И Питер набрал редактора.

— Это опять я... Можно, я поеду поездом компании East Coast? Он идет четыре с половиной часа — по времени получается практически одно и то же!

Но с юмором у редактора было плохо.

— Когда это поезд стал ездить со скоростью самолета!? Ты что там, совсем с ума сошел?! — злился он.

— Если учесть дорогу до аэропорта и из него, время на регистрацию и получение багажа... И по цене даже дешевле. Из поезда можно снять побережье Северного моря.

— На кой хрен мне твое побережье!!! Да еще ночью!!! — все больше зверел шеф. — А дешевле насколько — на пару фунтов?! Все!!! Ты меня достал!!! До завтра!!!

Снова поражение.

Мы вышли из дома за два с половиной часа до отлета. Питер втащил чемодан в автобус и втиснул в багажный отсек. Ехали минут сорок, с тремя остановками в городе. Потом остановка и выгрузка.

У стойки регистрации нас встретила очередь из туристов. Оказалось, что желающих улететь этим рейсом не так уж и мало. По крайней мере, визуально.

Пока стояли, мы наслаждались тем, что все еще вместе, что моя ладонь чувствует тепло руки Пита... Но время утекало как песок. Я чувствовала это, словно часы работали внутри меня, отбивая сигналы в моем сознании.

Питер прошел регистрацию и встал в очередь на досмотр службы безопасности. Он находился по ту сторону от меня, а я — по эту. Нас разделял стальной забор и небольшое расстояние, которое скоро вырастет до гигантских размеров.

Я видела Пита, но подойти и прижаться к нему не могла. Тоска подступила к горлу резиновым комком. Непослушные слезы смазали тушь на глазах, но это было уже неважно.

У рамки металлодетектора Питер выложил ключи, отложил «жидкое» в отдельный пакетик, показал сотовый и фототехнику, собрал вещи... Он оглянулся, и увидев меня, махнул рукой. После чего скрылся из виду.

К стойке регистрации подошел солидный господин с сопровождающими. Лицо показалось мне знакомым, но я не вспомнила, кто это. Вероятно, какой-то актер. Мне запомнился его портфель. Добротный, дорогой, с разбухшими боками и золотыми замками. Чемодана у этого господина не было, и я подумала, что хорошо путешествовать вот так — налегке, с портфелем и кредиткой в кармане.

Регистрация закончилась. Тревога меня не отпускала. Я уже собиралась уходить, как вдруг заметила плотного мужчину, пробивавшегося через кордон службы безопасности. Я заинтересовалась и остановилась.

Мужчина полез через ограждение, его пытались схватить за рукав, но он вырвался и продолжил штурмовать укрепления. Странный, подумала я. Почему он не мог пройти обычным путем? Вероятно, мужчину не пропустили назад из зоны безопасности. Приблизившись к стойке регистрации,

он положил билет и сказал, что не летит, потому что только что у него родила жена.

Вот повезло!

И тут я будто проснулась! Ничего не значащее происшествие натолкнуло меня на важную мысль: еще один человек отказался лететь этим рейсом! А сколько пассажиров отказались от регистрации? Ведь в своих расчетах я учитывала лишь непроданные билеты, упустив людей, вернувших билеты в последний момент или не явившихся на регистрацию! Я позвонила в билетную службу и уточнила наличие свободных мест...

Еще пять человек отказались от брони! Я подошла к администратору регистрации и поинтересовалась:

— Все ли пассажиры зарегистрировались?

— Есть опоздавшие, — сообщила женщина. — Видимо, застряли в пробке! Вы же знаете, какие в это время пробки. Один человек сдал билет уже после регистрации — у него жена родила! Что за день сегодня! Полнолуние, что ли!

По словам администратора, количество «внезапных отказников» и опоздавших сегодня больше обычного. Обновленные данные словно придавили меня к полу. И без точных расчетов стало ясно, что суммарный показатель отказавшихся от полета превышал не только мои расчетные показатели, но и критические проценты Джеймса Стаунтона!

— С этим рейсом что-то не так. Его нужно задержать!

— Для этого нет оснований, — ответил администратор.

— По расчетам, с ним может случиться катастрофа, — безуспешно пыталась объяснить я. Администратор принял мои слова серьезно, но совсем не так, как думалось.

Я была в панике. Потому что объяснение Питера про футбол уже не казалось мне убедительным. Математика дала явное указание на потенциальную опасность этого рейса.

В голове все перемешалось. Я позвонила Питеру и уговаривала его выйти из самолета. Черт с ним, с билетом, с деньгами и редактором! Даже если это будет всего лишь мой бзик!

Но Пит только успокаивал меня, обещая, что все с ним будет в порядке, и советовал обратить внимание на завтрашний рейс.

Сердце учащенно билось, не находя выхода. Я не обладала даром ясновидения и не могла объяснить свои ощущения как и источник опасности для самолета. Я помнила недавнее заявление правительства о террористической угрозе и могла связать свои выводы только с этим.

Вдруг я вспомнила слова шефа Питера: «...если твой математик так уверен в катастрофе, то как гражданин он обязан сообщить в полицию...»

Наверное, это выглядит высокопарно, но я почувствовала себя тем самым гражданином. Я представила, как двести пассажиров сели в самолет, выслушали инструктаж, пристегнули ремни... Кто-то скучно пялится в иллюминатор и не подозревает, что сегодня его ангел-хранитель взял выходной.

Но среди среднестатистических пассажиров — мой Пит!

Каждая клеточка моего организма почувствовала опасность, угрожавшую ему и мне. Я ощутила себя крохотной песчинкой в этом мире и от бессилия пошла на отчаянный шаг. Ангелы спасают людей разными способами. И, видимо, этот был одним из них.

Я вышла из аэропорта, но воздух казался мне душным. Я поняла — цифры статистики — сигнал, переданный ангелами-хранителями пассажиров самолета лично для меня. Суть не в теории Стаунтона и не в моих открытиях. Не они, а голос изнутри был настоящим ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ существования ангелов-хранителей! Этот голос толкал меня на безумие. Но только я одна могла его совершить. Никого другого не было.

Я зашла в телефонную будку и набрала номер полиции. Изменив голос до неузнаваемости, произнесла что-то вроде:

— Рейс... Эдинбург — Лондон потерпит катастрофу! Задержите его!

— Почему вы так считаете, мэм? — вдруг спросили на том конце линии. Но я находилась в полушоковом состоянии и выпалила, не думая.

— Это бомба!

Я бросила трубку и покинула будку, чувствуя облегчение. Я не слышала, как двигатели лайнера прибавили обороты. Не видела, как самолет тронулся и покатился по взлетной полосе к точке старта. Но почему-то представляла себе Питера, который сидит у иллюминатора и думает обо мне.

На душе стало легче. Ведь я помогала ангелам и была с ними заодно!

Я вернулась в здание аэропорта и, совершенно опустошенная, опустилась в кресло. Мыслей не было. Они словно пчелы покинули улей, оставив меня в состоянии усталой заторможенности. Мне даже показалось, что у меня поднялась температура.

В здании прибавилось полиции. По громкоговорящей связи объявили о временном закрытии аэропорта по техническими причинами. Вылет и прилет ряда рейсов задерживается...

Вдруг зазвонил телефон.

— Привет, Синди! — раздался радостный голос Питера.

— Привет! — обрадовалась я. — Ты где?!

— Представляешь, мы уже должны были взлетать, как нас отбуксировали на запасную полосу и попросили покинуть самолет! Подъехали по-

жарные, «скорая помощь»! Оказалось, что сотрудники транспортной безопасности приняли решение эвакуировать всех людей, находившихся на борту в связи с угрозой теракта! Значит, ты была права и правильно все рассчитала! Я передал новость о задержании рейса в редакцию и теперь должен следить за развитием событий! Представляешь, как мне повезло! Сейчас я единственный корреспондент, оказавшийся в аэропорту!

У меня не было сил. Пит радовался как ребенок, а я находилась в состоянии подавленности.

— Я так рада, что все закончилось хорошо! — ответила я. — Когда мы поедем домой? Ты уже выходишь?

— Боюсь, я застрял надолго! Все пассажиры собраны в отстойнике, и пока нас никуда не выпускают... Работает полиция, багаж нюхают собаки. Короче — целый боевик!

— Я буду ждать тебя в зале! Позвони мне, пожалуйста, когда вас отпустят. Я так устала...

На большом телевизионном мониторе шли новости. Внизу бежала строка: «...Три человека погибли в результате взрыва в столице Шотландии Эдинбурге, сообщила Шотландская служба «скорой помощи». Взрыв прогремел в одном из домов на улице Слейтфорд-роуд на юго-западной окраине. На место происшествия вызваны спасатели и пожарные... Представитель полиции шотландского округа Лотиан-энд-Бордерс заявил, что началось расследование причин трагедии...»

Прошло несколько новостных сюжетов, прежде чем под экраном побежало тревожное сообщение CNN:

«...В аэропорту Эдинбурга проводится экстренная эвакуация пассажиров рейса Эдинбург — Лондон после сообщения о заложенной в нем бомбе. Аэропорт временно закрыт в целях безопасности. Несколько рейсов задержаны, однако серьезных сбоев в расписании не ожидается. Является ли сообщивший о бомбе опоздавшим пассажиром самолета — не сообщается. Есть данные, что этим рейсом в Лондон должен был вылететь не названный член кабинета министров на утреннее заседание Специальной Комиссии Великобритании по терроризму. Кроме того, полиция связывает взрыв в жилом доме с сообщением о минировании самолета...»

Я сидела в оцепенении, потому что знала истинную причину задержки рейса и уж точно не имела отношения к взрыву жилого дома. Меня удивило, что в новостях говорилось о «сообщившем» о бомбе. Значит, полиция поверила в то, что им звонил мужчина?! Это замечательно! И даже — забавно! Серьезные дяди из Скотланд-Ярда купились на вынужденную шалость влюбленной девушки. Надо рассказать Питеру — вот посмеемся!

Меня охватило немотивированное веселье. Видимо, стресс искал выхода. Но ведь «сообщившим» может быть человек «вообще», без учета пола! Веселье тут же улетучилось.

Ожидая Пита, я смотрела сообщения CNN и наблюдала, как пассажиры отходили от стойки регистрации и рассаживались в зале. Кто-то продолжал стоять с чемоданом у ног, ожидая возобновления регистрации.

Какие-то люди подошли к администратору, поговорили и прошли в зону безопасности. Я видела человека со служебной собакой, прошедшего туда же. Полицейские тщательно проверяли документы у подозрительных пассажиров. К моей радости, таковыми оказывались в основном выходцы из арабских и африканских стран. Хотя не менее тщательно проверяли и граждан Северной Ирландии или парней с длинными или слишком короткими волосами. По какому принципу полицейские их отбирали — я не понимала. Пока я наблюдала за жизнью аэропорта, двое полицейских медленно двигались между рядами кресел. Их рация что-то шипела, они откликались. Мне показалось, что один из них посмотрел в мою сторону. Видимо, у меня началась паранойя. Я же не похожа на террористку, да и вычислить меня они никак не могли. Полиция проверяет мужчин!

Чтобы отвлечься, я запустила игру на сотовом телефоне и уставилась в экран...

— Добрый вечер, мисс! — раздался жесткий, уверенный голос.

Я и не поняла, что обращаются ко мне. Но, подняв глаза, увидела перед собой рослого полисмена — одного из тех двоих. И он обращался ко мне.

Я занервничала, и, возможно, не смогла этого скрыть. Опытному глазу это было заметно.

— Здравствуйте!.. — тихо ответила я.

— Разрешите ваши документы, — произнес полицейский.

Я полезла в сумочку, и, немного порывшись в ней, нашла. — Пожалуйста.

Полисмен взглянул на фото, потом на меня и спросил:

— Простите, что вы делаете в аэропорту? У вас билет?

— Провожала своего парня...

— На какой рейс?

— Эдинбург — Лондон, — легко ответила я.

— Но ведь посадка давно закончилась. Почему вы не уехали? — заинтересовался полицейский.

— Устала и просто отдыхала. Уже ухожу...

Я протянула руку, чтобы получить документ обратно, наивно предполагая, что проверка — случайность. Но я ошибалась.

— Вы слышали о задержке рейсов? — наступал полисмен.

— Что-то слышала, по трансляции говорили... Но это же ненадолго? Какое это имеет отношение ко мне? — Мое волнение усиливалось.

— Значит, вы знаете, что ваш парень не улетел, потому что его рейс задержан, — спокойно продолжал раскладывать полицейский.

— Да, он звонил мне... А в чем дело?

Я чувствовала, как с каждым вопросом полицейского и каждым моим ответом на него меня затягивает в липкую и прочную паутину. Похоже, я неправильно отвечала с самого начала и не слишком уверенно. Я не предполагала, что ко мне прицепятся, и была слишком беспечна.

— Это вы говорили администратору о катастрофе, мисс? — ошарашил меня полисмен. Я растеряно хлопала глазами, собираясь с мыслями. Стоп! Откуда он это знает? Значит, они шли ко мне не случайно? Пришлось согласиться.

— Откуда у вас такие сведения? — холодно поинтересовался полицейский.

— Видите ли, я математик... — начала я издалека, но была немедленно прервана.

— Ясно. Мисс Синтия, нам потребуется ваша помощь. Не могли бы вы пройти с нами? — ненавязчиво предложил полисмен. При этом мой документ он положил себе в карман.

Я не могла отказаться. Наивная! Я все еще думала, что сейчас все разрешится, и мы с Питером поедem домой. Я не предполагала, что полиция уже все знает!

Меня привели в небольшое помещение службы безопасности. Мужчина за столом задавал мне обычные вопросы: имя, фамилия, проживание, чем занимаюсь... Я отвечала. Он записывал. Потом меня завели в другую комнату. Туда же зашла худощавая, но крепкая женщина в форме. Лицо злое, как у армейского сержанта. Та еще мегера! Она спросила, нет ли при мне запрещенных предметов, наркотиков, оружия. Я ответила, что нет.

— Высыпайте все из сумочки, — приказала женщина.

Я высыпала вещи на стол. Она посмотрела, прощупала сумочку и вдруг сказала.

— Раздевайтесь!

— Зачем? — не поняла я.

— Для личного досмотра!

— Как раздеваться? — глупо спросила я, не веря в происходящее.

— Не умничай! — прикрикнула мегера.

Я скинула верхнюю одежду, с ужасом наблюдая, как та надевает резиновые перчатки.

— Тебе сказано — снимай все! — рыкнула мегера. — И трусики тоже!

— Вы не имеете права! — возмутилась я. — Я напишу жалобу!

— Молчать!

Сгорая от стыда, я выполнила приказ и с отвращением перенесла унижительную процедуру.

— Одевайся! — велела мегера.

Меня вернули обратно, а сотрудник полиции снова спрашивал меня о моем разговоре с администратором. Я объяснила ему, как могла, суть статистических расчетов и рассказала про полученный результат...

Но, кажется, он не поверил.

— Это вы сообщили в полицию о бомбе в самолете? — вдруг жестко спросил полицейский. Вид у него был такой, как будто он уже все знал.

— Я вынуждена была так поступить, потому что мои обращения к администрации аэропорта результата не дали! — защищалась я.

— Отвечайте на вопрос! Вы или не вы? — настаивал полицейский.

— Да, я.

После этого последовали совсем дурацкие вопросы.

— У вас есть сообщники?

— Вы о чем?! — не поняла я.

— Какой тип взрывного устройства находится на борту?

— Откуда мне знать!

— Куда вы его заложили?

— Вы издеваетесь! Я не террористка! — возмущенно заявила я.

— Но вы заявили о бомбе на борту! От кого вы об этом узнали? От вашего парня? Это он пронес бомбу?

— Я же сказала, что не знаю ни о какой бомбе! Я проводила статистические исследования, и они показали вероятность аварии в этом рейсе!

— Я вас понял, — не дослушал полицейский. — Вы знали, что этим рейсом летит министр правительства Великобритании?

— Откуда мне знать! — нервничала я. — Я даже не знаю, кто у нас министр!

— Что вам известно о взрыве дома на улице Слейтфорд-роуд?

— Видела в новостях, больше ничего...

— Кем вам приходится Питер Блейк? — наконец спросил полицейский.

— Жених! — с вызовом бросила я. — Какое это имеет значение!

— Где он сейчас?

— Он должен был вылететь этим рейсом, но рейс задержан!

Мне показалось, что все вокруг сошли с ума и того же ждут от меня. Я не знала, что Питеру задают те же вопросы, что и мне. Только он не знает, что виновница задержки рейса — я.

— Мисс, Синтия. С какой целью вы сообщили о бомбе? Вы хотели задержать вылет рейса? Вы не хотели, чтобы ваш жених улетал?

Я ничего не могла добавить. Мне сообщили, что я арестована и могу позвонить своему адвокату.

— У меня нет адвоката. Могу я позвонить кому-то еще?

— Это ваше право, — сказал полисмен.

Я позвонила соседке по квартире, чтобы та покормила Терезу и навещала ее каждый день. Я подумала, что больше всех в этой истории будет страдать моя кошка, но почему-то забыла о себе.

На мне защелкнули наручники, посадили в машину и повезли. Я смотрела сквозь окно полицейской машины, словно впитывая увиденные картинки. Первый раз в жизни я оказалась «по ту сторону» и смотрела на родной город глазами человека, у которого его отнимают. Я смотрела глазами невольника, потерявшего свободу и приготовившегося к испытаниям. Я ощущала себя плененным заложником, жизнь которого висит на волоске. Почему судьба сделала внезапный крутой поворот — я не представляла. Ведь если за грехи, то особых грехов я еще не успела наделать. (Если не считать канцелярской кнопки, подложенной на стул школьной подруге. Или взрослых отношений с Питером до свадьбы). Я лишь просила своего ангела-хранителя не оставлять меня в беде и помочь выбраться. И малого времени заточения достаточно, чтобы почувствовать ценность и значение свободы.

Как оказалось, меня везли в Скотланд-Ярд.

* * *

Я никогда не бывала в Скотланд-Ярде, даже на экскурсии, и, основываясь на фильмах, представляла себе это место довольно пафосным. Но там, куда меня привезли, оказалось не так светло и просторно, как в фильмах. Машина въехала в открывшиеся на мгновение ворота, и, оказавшись во дворе, припарковалась у специального входа, где нас встречали. Меня вели лестницами и коридорами, и я слышала, как drobные звуки шагов отскакивают от стен, затихая у потолка.

Куда-то пришли. Фотография на память у стены, расчерченной ростовыми отметинами. Отпечатки пальцев. Серая комната. Обшарпанный стул. Такой же старый стол. Я вспомнила, что где-то должно быть полупрозрачное зеркало, через которое на меня будут смотреть, но никакого зеркала не было. И совершенно чужеродный элемент в интерьере — это я, домашняя девочка в джинсах и футболке, занимавшаяся математикой, статистикой, социологией и рукоделием. Как я сюда попала, почему, зачем — никто не ответит.

В Скотланд-Ярде меня уже ждал адвокат. Не знаю, откуда он взялся. Мы с ним переговорили. Он мне показался человеком безэмоциональным, но вменяемым. По крайней мере выслушал меня внимательно. Поверил или нет, не знаю. Наверное, верить клиенту входит в его обязанности.

Потом — допрос. Это было не так, как в аэропорту, где со мной просто говорили. Допрос — это совсем другое. Я несколько раз рассказала про свои исследования. Объясняла, как пыталась добиться понимания у сотрудника авиакомпании, а, отчаявшись, решилась на крайний шаг. Доказывала, что я не сумасшедшая! И уверяла, что не преступница! Мой поступок объясняется только тревогой за жизни людей, и ничем иным!..

Но, похоже, меня подозревали в чем-то более серьезном, чем задержка рейса, и мою «математическую версию» не принимали всерьез. Все мои слова отскакивали от хмурых людей, словно горох от пола.

Вопросы полиции кружили вокруг моего мнимого участия в террористической деятельности. И даже заговоре против члена правительства! Это было похоже на театр абсурда. Но поскольку на все вопросы из списка полиции я ответить не могла, меня допрашивали снова и снова, словно закоренелую преступницу или идиотку. А я снова и снова объясняла, что я студент-математик. Я не знаю, как делают бомбы или взрывают дома. Я не знаю этого министра ни лично, ни по фамилии, ну, может быть, видела когда-то по телевизору. Я не знала, что у него билет на этот самолет. Я не знаю, признание в чем от меня хотят получить.

Тяжело выносить то, что происходило, но я думала о Питере и о нашей любви. Только эти мысли придавали мне силы, терпение и веру в справедливость, которая должна была восторжествовать.

Инспектор сказал мне, что для полной проверки самолет могут задержать до утра. Но, если бомбу не найдут — мне грозит серьезное уголовное наказание и иск от авиакомпании на круглую сумму. А если бомбу найдут, то придется вспомнить, кто мне сказал о ней, или считаться соучастником и укрывателем террористов. Много чего еще мне говорили. И я жалела, что заварила такую кашу, не представляя последствий. Я жила в уютном мире, как моя кошка Тереза, которая ни разу в жизни не выходила на улицу и не знала, что происходит за дверью. Каждый день ей приносили вкусный корм, а по TV мне показывали успехи правительства в обеспечении безопасности граждан. Мы кушали то, что получали, радовались и особо не задумывались. Жизнь казалась приятной и безоблачной. Вся я находилась погруженной в учебу и в интересные исследования. Откуда мне знать про то, что знают эти грубые люди. И вдруг я — в тюрьме!

Полицейский включил ночные новости. Показывали, как меня в наручниках запикивают в машину полиции.

«...Арестована подозреваемая в «минировании» самолета в Шотландии! Ею оказалась студентка Эдинбургского университета.... Проверяется ее причастность к взрыву на Слейтфорд-роуд, а также принадлежность к религиозным, политическим и экстремистским группировкам...»

Господи, какой стыд, какой позор! Ведь это видят все!

Телевизионщики разыскали мою подругу Мелиссу!

«...Синтия никогда не говорила, что состоит в террористической организации, хотя мы были подруги... Я не замечала ничего подозрительного в ее поведении и не ожидала от нее такого! Возможно, она поступила так, потому что этим рейсом улетал домой ее парень...» — сказала она в интервью. А уже на следующий день ее слова подхватят и извратят газетчики.

Допрос длился почти до утра. Я вымоталась и хотела спать. Меня поселили на ночлег в комнату с решетками, где я и коротала ночь. Вернее, не ночь, а утро. Там было холодно и влажно, но теплых вещей у меня не было. Я не могла заснуть, хотя очень хотела спать. Все время думала о Питере, о себе... Ну и еще — о Терезе. Как она там без меня. Наверное, скучает. Что будет с ней, если меня посадят за решетку на 10 лет.

Мне вспомнился замок, который мы посещали с Питером. Среди экспозиций — бывшая тюрьма. Интерьеры воссозданы очень тщательно и правдоподобно, а из десятков спрятанных за камнями колонок доносятся голоса, разговоры, туберкулезный кашель, крики и стоны. Находясь там, я на минутку представила себя узником, и у меня пробежал мороз по коже. Я не могла представить и в кошмарном сне, что когда-нибудь сама окажусь за решеткой!

И сейчас я не на экскурсии.

Душа стонала и противилась. Она протестовала против заточения и несвободы. Я еще на что-то надеялась, не успев осознать всю тяжесть и бесперспективность своего положения. А душа уже все знала...

...Перед рассветом я провалилась в темноту.

* * *

Проснулась я от громких звуков. Слышались голоса, лязг железных дверей. Голова болела, а сознание мутилось, словно после шумной вечеринки. Хотелось пить, есть и залезть под горячий душ.

Я умылась холодной водой, но пробуждение не наступило. Принесли тюремный завтрак, но, несмотря на голод, в горло он лезть отказывался. Потом мне сказали, что пришел адвокат, и отвели на встречу с ним.

— Чем вы меня обрадуете? — спросила я.

— Ничем. Бомбу на борту лайнера не обнаружили, — с каким-то скучным выражением лица сообщил мужчина. Скорее всего, он был в этом уверен с самого начала. — Кроме того, оказался сорван вылет члена правительства. Застрявшие в аэропорту туристы опоздали на стыковочные рейсы. Авиакомпания собирается выставить вам счет на пятьдесят миллионов фунтов. Если вы добровольно не погасите их убытки, они подадут в суд...

Услышав сумму, я чуть не умерла. Я уже не слышала, что еще говорил адвокат. Я будто оглохла! Для студента-математика сумма с таким количеством нулей означает то же, что уложенная горизонтально восьмерка. То есть — бесконечность! И если бы выставленная мне сумма была в тысячу раз меньше — это не изменило бы мое восприятие численного значения. Сумма в пятьсот тысяч фунтов для меня такая же неподъемная, как и пятьдесят миллионов!

— Я думаю, ваше дело пойдет обычным порядком, — без энтузиазма заключил адвокат. — Будет приговор.

— И что можно сделать? — спросила я с надеждой.

— Давайте представим дело как действие в состоянии аффекта, — предложил стратегию адвокат.

— То есть, стать душой, которая позвонила в полицию, чтобы задержать отлет своего жениха?! — возмутилась я.

— Ну, во-первых, никто не знает, что он ваш жених, — заметил адвокат. — Он просто ваш парень, который на волне ваших чувств решил вас бросить. А во-вторых, почему обязательно дура? Уверяю вас, что нашлось бы немало женщин и старше вас, которые в подобном случае поступили бы именно так, как вы, — в той же скучной манере ответил мужчина. — И потом... У нас не так много вариантов защиты. Я бы даже сказал, что их совсем нет. Все слишком очевидно.

— Подождите! — не сдавалась я. — Есть же истинная причина моего поступка! Вы ее знаете! Есть мои расчеты! В университете могут подтвердить, что я занималась исследованием статистики катастроф! Разве этого недостаточно?!

— Да, разумеется, я запрошу в учебном заведении ваши характеристики, — вяло откликнулся адвокат. Он напомнил мне священника, приглашенного к приговоренному к смертной казни. Еще бы справку о здоровье запросил! — Мы попытаемся снизить наказание... Но на значительное снисхождение судей я бы не рассчитывал.

— Да подождите вы! — взорвалась я. — Я могу доказать, что процент «отказников» на рейсах, закончившихся катастрофой, выше обычного! А на этом рейсе было аномальное количество отказавшихся лететь! Этого не могло случиться просто так, поймите! Для этого должна быть причина! И одну из возможных причин я нашла! Можно сослаться на исследования социолога Джеймса Стаунтона или писателя Стивена Кинга! Они тоже выявили эту статистическую аномалию!..

— Видите ли, мисс Синтия. Если бы вы делали научный доклад, то возможно, могли бы сослаться на этих уважаемых господ. Но в суде они вряд ли смогут выступить свидетелями вашей невиновности хотя бы в силу то-

го, что затруднятся туда приехать. К тому же, насколько мне известно, Стивен Кинг не верил в ангелов.

Я поняла, что из тюрьмы мне не выбраться. Так глупо испортила себе жизнь, какая же я дура!

Адвокат вытащил из портфеля утренние газеты и положил их на стол.

— Вот посмотрите прессу, чтобы понимать фон, — бесцветным голосом сказал он.

Газеты пестрили моими фотографиями, и я заплакала. Какую гадость они пишут! Газетчики выдумали чудовищную историю про мой любовный роман с лондонским репортером! Будто бы я забеременела и заставляла Питера жениться на себе. А он не захотел и поехал домой в Лондон. И, чтобы его остановить, я позвонила и сказала о бомбе. Но это же неправда!

Какая чушь и мерзость! И это будут читать мои преподаватели и знакомые. Видимо, все репортеры придумывают немыслимые истории. Это делал и Питер... Но он же не писал гадостей про людей.

Другая газета сообщала о том, что сорванным рейсом в Лондон должен был лететь министр внутренних дел Великобритании. А «телефонная диверсия» была предпринята с целью срыва заседания чрезвычайного правительственного комитета «Кобра»!

Третьи издания писали о предотвращенном спецслужбами покушении на членов Кабинета министров! А взрыв жилого дома должен был отвлечь силы полиции.

Ну не бред?! Хоть бы кто-нибудь подумал головой, ну зачем мне звонить в полицию и говорить о бомбе, если бы я действительно хотела взорвать самолет! Наверное, лучше было бы, если бы я ее туда сама заложила!

Но самое большое потрясение ждало меня в сюжете о студенческом пикете возле университета. С плакатом «Террористам не место в университете!» стояла... моя подруга — Мелисса!

Похоже, она свихнулась от общественной деятельности, любовных романов и шумных попок! Мелисса решила прославиться за мой счет и начать политическую карьеру! Вот она уже раздает интервью, а завтра окажется среди каких-нибудь активистов.

Дура! Вот дура!

Не она, а я! Потому что с ней дружила!

В утренних новостях уточнили информацию о взрыве дома. Оказалось, что причиной была не я, а бытовой газ! На одно обвинение меньше! Не тысячу ударов палкой по голове, а только девятьсот девяносто девять. Для математика — это важно. Для человека... вряд ли.

Показали интервью моего адвоката.

«...Моя подзащитная не имела преступного умысла, совершая звонок в полицию, а, наоборот, хотела предотвратить трагедию, которая, как

ей казалось, должна была произойти... Назначена психиатрическая экспертиза...»

А я думала, что хоть он не считает меня сумасшедшей. Ну да ладно. Мне уже все равно!

— Задержанный из-за меня самолет уже улетел? Или деньги за его простой продолжают капать на меня? — спросила я, не догадываясь, что мой ангел-хранитель уже спешит ко мне на помощь.

— Трудно сказать, — пожал плечами адвокат. — У меня нет информации. Но, если хотите, я могу узнать.

Наше время вышло, и меня куда-то повели. Думала — на новый допрос. Но лестницы и коридоры привели меня обратно в камеру. Я никак не могла запомнить этот маршрут. Непонятно, как людям удается бежать из заточения?..

До самого вечера меня никуда не вызывали и, видимо, забыли о моем существовании. Я тихо умирала, хороня и себя, и свою жизнь. Казалось, что прошла целая вечность... Но это были всего лишь первые сутки моей несвободы. А сколько их впереди — я не знала, потому что боялась представить это кошмар.

* * *

Прошло время. Я осваивалась в новом месте и в новой роли, запоминала нехитрые правила, действующие в моей темнице. Ко мне подселили женщину, обвиняемую в убийстве. Раньше я думала, что такие люди выглядят как полусумасшедшие маньяки с горящими глазами и ножами за пазухой. Но хрупкая женщина по имени Долли оказалась на редкость умной, тихой и спокойной. У меня даже возникла неуместная и шутливая ассоциация со знаменитой одноименной овечкой.

Долли была подавлена и очень переживала. Женщина рассказала мне, что никого не убивала, а стала жертвой стечения обстоятельств. Долли встречалась с женатым мужчиной, и во время одной из таких встреч ее другу стало плохо. Мужчина ждал назначения на хороший пост в банке и не хотел огласки внебрачной связи, поэтому не позволил вызвать «скорую помощь». Он попросил помочь ему одеться, вывести его на улицу и симитировать, что «скорую» вызвал случайный прохожий...

На это ушло слишком много времени. Когда «скорая» приехала, мужчина был мертв. Соседи сказали полиции, что видели этого мужчину неоднократно, а может быть, кто-то видел, как Долли тащила его к выходу. Женщину обвинили в убийстве и подселили ко мне.

Встреча с Долли стала для меня неожиданным уроком, принесшим небольшое облегчение. Я поняла, что кому-то может быть гораздо труднее,

чем мне. Ведь кроме несвободы и обвинения в не совершенном преступлении Долли потеряла любимого человека. И это — ничем невозполнимая утрата.

Я поддерживала Долли, как могла, хотя сама была на грани отчаяния. У меня еще теплилась надежда на благополучный исход моего дела, хотя логика твердила, что влипла я прочно и по самые уши.

Долли уводили и приводили. Это были допросы, встречи с адвокатом, выезды... Мы с ней подружились и стали настоящими подругами. Не только по несчастью, но и по жизни.

А мой адвокат так и не появлялся. Я понимала, что моя вина не подлежит сомнению даже у него, и, фактически, это так и было.

Во мне что-то менялось. Я заметила, что научилась ощущать течение времени. И, самое главное, поняла его ценность. Я осознала, как много времени тратила впустую, на бессмысленные, бесполезные вещи, тогда как к нему нужно было относиться бережно, как к бесценному дару. Я никогда не задумывалась о свободе, считая подобные размышления уделом революционеров. Но, потеряв свободу, поняла, как много она значит для человека, и запоздало научилась ее ценить. Я будто стала взрослее, взглянув на мир под каким-то новым углом. Но сокровенные знания бытия давались мне непросто. Я поняла, что за все в жизни приходится платить, но моя плата оказалась слишком неподъемной.

Новое утро началось по обычному распорядку. Я не знала, что происходит с Питером, и постоянно думала о нем. Хотела прижаться к его плечу, уткнуться в него носом и спрятаться от мира, вдруг ставшего таким холодным и злым. Я боялась, что Питера тоже арестуют. Но, к счастью, он был на свободе и все это время искал способы моего спасения. Питер написал статью обо мне, давал интервью телеканалам, рассказывал нашу историю в соцсетях и на YouTube, сумев вызвать интерес и сочувствие сотен тысяч людей.

Лондонский редактор Питера стал лапочкой и чуть ли не молился на него, ведь благодаря нашей громкой истории рейтинг издания взлетел до небес! Как и частота упоминания темы в Интернете. А это — дорогого стоит!

Что касается Мелиссы, то на нее я не обиделась. Что толку обижаться на ежа, уколовшись об его иголки! Это его сущность, его природа, не зависящая от него. Он так и останется с иголками, но я уже не буду приближаться к нему. Мелисса хотела получить немного известности с нашего стола. И она этого добилась. Я ее простила, отпустив обиду в небо, как воздушный шарик. Нет ничего тяжелее, чем носить в себе груз обиды. По сравнению с моим нынешним положением поступок Мели — такая мелочь.

Весь день меня никуда не вызывали, и я подумала, что моя судьба уже решена. Но ближе к вечеру меня вызвали на допрос. Долли пожелала мне удачи, а я махнула ей рукой.

Меня удивило, что кроме знакомого мне следователя в комнате присутствовали и другие люди. Целая делегация. Похоже, дело плохо. Но среди них не было моего адвоката! Он что, бросил меня, когда понял, что дело проигрышное? Вот подлец!

— Здравствуйте, мисс Синтия! — обратился ко мне незнакомый мужчина в хорошем костюме и с располагающей улыбкой на губах. — Ваш адвокат скоро будет, а пока могу я задать вам несколько вопросов в частной беседе?

Чем-то неуловимым мужчина выделялся из группы полицейских, и мне показалось, что он не полицейский. Мужчина излучал уверенность и оптимизм.

Мой интерес подогревался полным молчанием полицейских и фразой, «в частной беседе»... Значит, это не допрос. Ну что ж, в частной беседе — валяй, спрашивай! Только я уже не помню, куда заложила бомбу! Не помню, как ее изготовила и доставила на борт! Я ничего не помню!

— Попробуйте, — согласилась я, сгорая от любопытства. Я видела в фильмах, как сокамерников заставляют давать показания друг на друга, и, почему-то была уверена, что появление этого важного господина связано с делом Долли. Ничего плохого я о ней говорить не стану. Даже не надейтесь.

— Не могли бы вы вкратце рассказать о ваших исследованиях, — вдруг спросил мужчина.

Я даже растерялась — уже столько раз рассказывала! Напряглась еще раз, объяснив все несколькими фразами.

— И как давно вы занимаетесь этой работой?

Я ответила, пытаясь угадать причину возникновения этих странных вопросов.

— Что будет результатом ваших исследований?

Вопрос расстроил меня. Что толку говорить о том, чего никогда не будет! Насколько я представляю, в тюрьме не ведут научную работу. Из университета меня вышибут как пробку, на этом и закончится моя научная деятельность.

— Я планировала создать компьютерную программу раннего предупреждения об угрозах на транспорте. Но это было давно. В прошлой жизни.

Однако, несмотря на мою язвительную реплику, мужчина не унимался и продолжал сыпать вопросами из серии: «если бы»!

— Скажите, мисс Синтия, вы пробовали получить гранд на ваши исследования в университете и включить их в список приоритетных? Сколько потребуется денег на завершение работы?

Я уже злилась на этого господина. Он что — издевается?! Он приехал в тюрьму, чтобы поинтересоваться, как шла моя учеба? А чего другие

молчат, как воды в рот набрали! Что за спектакль они устроили! А-а! Я поняла! Полиция иногда устраивает спектакли. Но надо понять их цель.

— Так! — решительно сказала я. — Давайте на этом остановимся! Ваши вопросы в этом помещении кажутся мне, по меньшей мере, странными! Вы, собственно, кто?

— Извините, я забыл представиться! Я представитель Министерства внутренних дел Великобритании по транспортной безопасности, — с достоинством произнес мужчина. — Видите ли, в чем дело. Ваш адвокат обратил внимание на тот факт, что задержанный вами самолет не улетел по окончании проверки даже на следующий день, а был отбуксирован в технический ангар. Ему это показалось странным, ведь каждый час простоя несет огромные убытки, счет по которым предъявят вам. Ваш адвокат связался со своим старым другом — со мной, и мы провели проверку, опросив руководство компании и технический персонал.

— И что же вы выяснили? — заинтересовалась я, не понимая направления беседы.

— О-о! Это интересный вопрос! Оказалось, что авиакомпания скрывала от общественности и государственных органов результаты проверки технического состояния самолета.

— Как же скрывала, если во всех газетах и теленовостях говорят, что бомба на борту не обнаружена? — запуталась я. — Вот, спросите хоть у этих полицейских! Они вам точно скажут.

— То, что бомбу не обнаружила полиция, еще не означает, что ее там не было! — вдруг ошарашил представитель МВД. — Но это я так, к слову.

— Подождите, так что — бомбу нашли? — запуталась я, пытаюсь найти поддержку у следователя. Но тот молчал как рыба.

— Нет, нет! Бомбы там действительно нет! — воскликнул мужчина, окончательно сбив меня с толку. — Дело в другом! Пилоты сообщили технической службе, что был короткий провал тяги, хотя приборы показывали норму. И только при повторной проверке самолета обнаружилась серьезная, фатальная неисправность топливной системы. В случае продолжения полета эта неисправность со стопроцентной вероятностью привела бы к отказу двигателей при завершении набора высоты и неизбежной катастрофе.

Я была шокирована услышанным и не могла поверить! Потому что объяснить это можно было только чудом! Значит, я была права?

— Руководство авиакомпании пыталось скрыть эту информацию, чтобы не портить свой имидж, и не предприняло ничего для снятия обвинений с вас, — чеканил представитель МВД. — Впрочем, это уже параллельная история, и, возможный повод для вашего иска к ним. Это вы с вашим адвокатом обговорите. Кстати, вот и он.

В комнату вошел мой адвокат. Как всегда подтянутый, опрятный и немногословный.

— Здравствуйте, мисс Синтия! Сейчас мы уладим некоторые формальности, и ваши приключения закончатся! — с теплотой сказал он. Спасибо, что подсказали мне про самолет! Я бы никогда не догадался!

Я заплакала, а он по-отечески обнял меня и протянул свой носовой платок. Это было трогательно, потому что совсем недавно адвокат казался мне сухим и черствым человеком, не способным к эмпатии. А сегодня я увидела его совсем не таким. Я рада, что ошиблась.

Процедура обретения свободы не заняла много времени. Я попрощалась с Долли и обещала заняться ее делом. Мы обнялись. Мне вернули сумочку, я расписалась в описи, и мы пошли на выход. Я испытывала особенное, не знакомое ранее чувство.

У ворот тюрьмы нас ждали десятки телекамер и огромное количество людей, пришедших поддержать меня. Но первым, кого я увидела, был Питер. Я не выдержала, заплакала и бросилась к нему. Я рыдала и не могла говорить, а Питер гладил меня по голове как маленькую девочку и приговаривал, что все плохое — позади.

Мне так хотелось в это верить!

Я заметила группу молодых людей. Они подняли над головами плакат: «СИНДИ! МЫ — С ТОБОЙ!» Это было незабываемо! Я заметила скромно стоявшую девушку... Мелисса! Даже забавно. Она любит оказываться в центре событий.

Вышел мой адвокат и весело подмигнул Питеру:

— Я оттяну внимание репортеров на себя, чтобы вы скрылись от любопытных глаз. Давай, парень, теперь все в твоих руках!

Мы воспользовались возможностью.

— Тебя там встречают! — заговорщически сообщил Пит, указав на стоявший неподалеку автомобиль.

— Кто? — удивилась я, руками вытирая непослушные слезы.

— Иди и посмотри, — прошептал Пит и легонечко подтолкнул меня вперед.

Я приблизилась к машине. Из приоткрытого окна на меня смотрели желтые глаза моей Терезы! Кошка сидела на руках соседки и, едва я открыла дверь, как Тереза прыгнула ко мне на руки, едва не вырвав поводок!

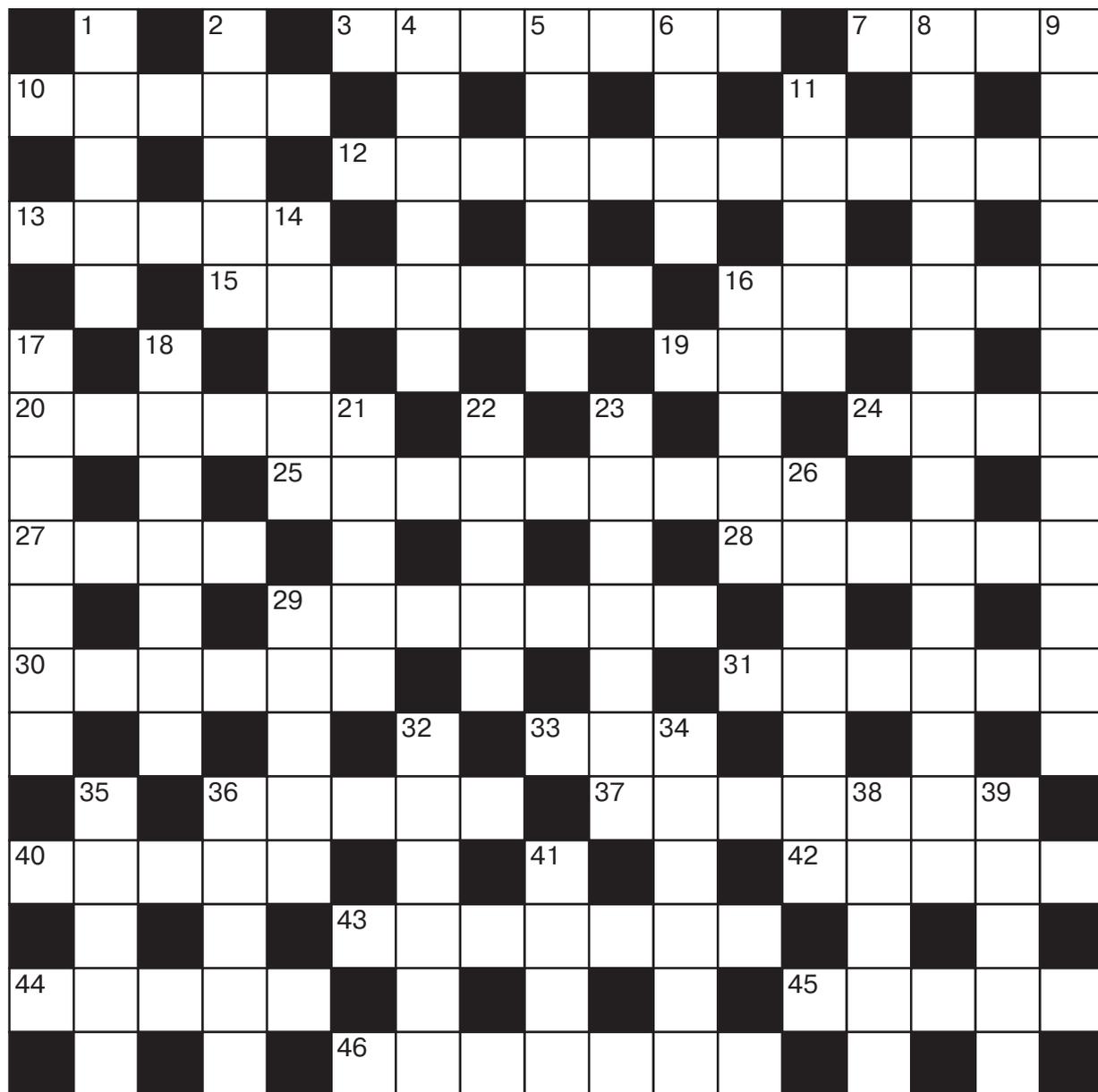
Это было очень мило. Я не могла сдержать слезы радости!

Мы ехали по городу, наполненному красками. Я все еще не могла поверить в свое спасение, находясь во власти эмоций.

Я совсем по-другому смотрела на окружающий мир и мысленно благодарила своего ангела-хранителя за мое чудесное спасение.

Жаль, я не знаю его имени... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Рыба с «односторонним взглядом на мир». **7.** Шумиха пополам с ажиотажем. **10.** «Врата Интернета». **12.** Чем имитируют запах в леденце? **13.** Куда выходят циркачи на потеху публике? **15.** Инструмент, чье изобретение приписывают Дедалу. **16.** Прапорщик

Задов по паспорту. **19.** С какого коллектива началась певческая карьера Леонида Собинова? **20.** Запах «со знаком качества». **24.** Простор для радиоволн. **25.** пляжный теннис. **27.** Песня оперного певца. **28.** Любимая певица Ивана Тургенева. **29.** Солдат Урфина Джюса. **30.** Кто

из французских драматургов появился на свет в «Обезьяньем доме»? **31.** «Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит» (немецкий классик). **33.** Одна из картин русского художника Василия Перова названа «Сельский крестный ... на Пасху». **36.** Без чего пива не сварить? **37.** Государственная должность французского писателя Виктора Гюго. **40.** Порция кредита. **42.** Звезда итальянского кино, прозванная в детстве Жердочка за высокий рост и худобу. **43.** Путь от нефти к бензину. **44.** Какое дерево идет на изготовление русских матрешек? **45.** Краска из каракатицы. **46.** Княгиня, чье состояние перед революцией превосходило капитал царской семьи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Заправила на кухне. **2.** Что надевал русский царь, выходя из алтаря после причастия? **4.** По какому континенту не раз путешествовал русский поэт Николай

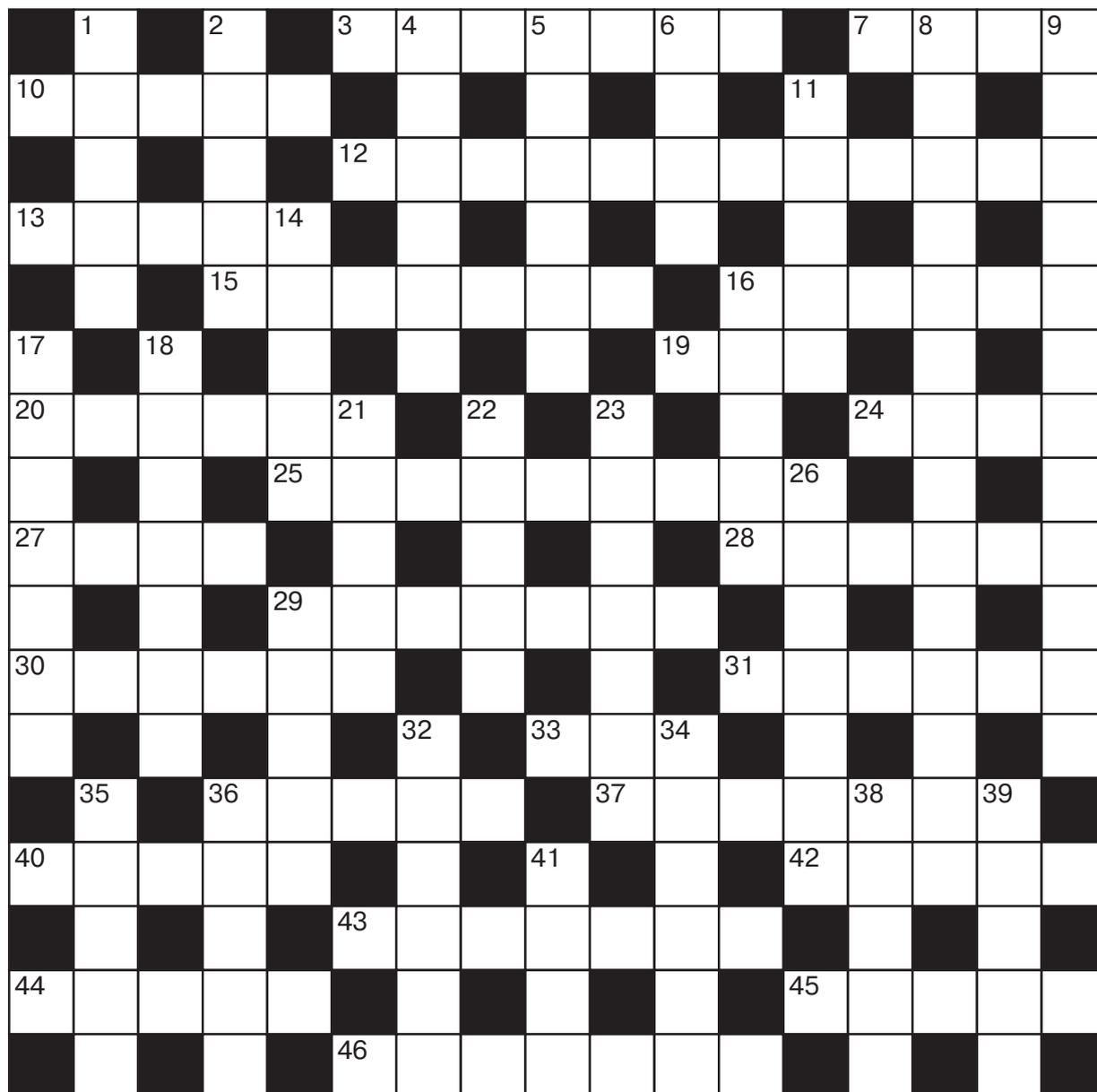
Гумилев? **5.** Знак из партитуры. **6.** Самая ходовая мера на бензоколонке. **8.** Заменитель оператора «горячей линии». **9.** Обращение шпиона «в свою веру». **11.** «Медовый компот». **14.** Кто женился на антилопе в песне Владимира Высоцкого? **16.** Характер с заскоками. **17.** Полковое общежитие. **18.** Чи-Чи при сказочном докторе Дулиттле. **21.** Повод приспустить флаги. **22.** Какой город стал прототипом Энска из романа «Два капитана»? **23.** Трудяга с коромыслом. **26.** Политик широких взглядов. **29.** «Подвыпившее буйство». **32.** Что заостряют? **34.** Памятник какому мореходу с женой поставили в Якутске? **35.** Какой способ наиболее часто используют во время плавания в соревнованиях вольным стилем? **36.** Елена Волошанка для Ивана Великого. **38.** Заменитель монеты. **39.** Овощ с ботвой. **41.** Помните, как у Владимира Высоцкого: «А я для того свой покинул .., чтоб не было во все потопа».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Багаж. **7.** Зонт. **10.** Задаток. **12.** Отравление. **13.** Бегунок. **14.** Зашифровка. **15.** Ростбиф. **17.** Процессор. **20.** Кениг. **23.** Налог. **24.** Сакля. **25.** Тоник. **28.** Рений. **29.** «Алеко». **30.** Произвол. **32.** Геликон. **35.** Ранжир. **37.** Папа. **38.** Капитолий. **41.** Тени. **42.** Рекортан. **43.** Синод. **44.** Арес. **45.** Декантер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Каменотес. **2.** Капустник. **3.** Логотип. **5.** Аттракцион. **6.** Аравийский. **8.** Огниво. **9.** Трепак. **11.** Иларион. **16.** Фри. **18.** Рабле. **19.** Сойка. **21.** Наводнение. **22.** Глазник. **25.** Телевизор. **26.** Никифор. **27.** Оперетта. **28.** Рог. **31.** Йорик. **33.** Мачтет. **34.** Вагнер. **36.** Радий. **39.** Леже. **40.** Йода.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Низший дворянский титул прежде у итальянцев. **7.** Праздник урожая у индийцев. **10.** Волнение на море. **12.** От чего умер отец Михаила Булгакова? **13.** Какую роль играл «Катехизис революционера» в политической организации «Народная расправа»?

15. Венгерские клецки. **16.** Реинкарнация из каббалы. **19.** В популярном сериале «Игра престолов» можно встретить ... Костей. **20.** Медонос, чьи молодые побеги очень даже съедобны. **24.** Ильная рыба. **25.** Легендарная столица Тартарии. **27.** Полумесяц в окладе иконы.

28. Служитель при больных чумой из словаря Даля. **29.** Коллективный мозговой штурм у программистов. **30.** «Занавес», отделяющий женскую половину дома от мужской у мусульман. **31.** Сталинский соратник, чья смерть дала начало «Делу врачей». **33.** Русский журнал мод «Венский ...» **36.** Повелитель духов среди магов. **37.** Вьючный ремешок. **40.** Эверест в границах Албании. **42.** Поэтический прикол от Губермана. **43.** Толстые вязаные носки с Кавказа. **44.** Разварная говядина у французов. **45.** Сметанный соус. **46.** Живородящая бельдюга.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Австралийская овчарка. **2.** Обезьяна, чей самец считается победителем, если сумел перекричать своего соперника. **4.** Карачаевская лезгинка. **5.** На какой планете у братьев Стругацких правят «Неизвестные Отцы»? **6.** Гусыня из диснеевского мультфильма «101 далматинец». **8.** Из какого графства

родом отец Маргарет Тэтчер? **9.** «С вашими комсомольскими замашками назреет, если еще не назрел, громадный международный конфликт» (мадам из пьесы). **11.** Настоящее имя Геракла. **14.** «Отец уголовного розыска», издавший словарь криминального жаргона. **16.** Рыбный соус древних римлян. **17.** Инновационная идея. **18.** меховая безрукавка у румын. **21.** «Военная столица» ассирийцев. **22.** Большая звезда с австралийского флага. **23.** «Каменная основа» Ниагарского водопада. **26.** Улучшение внешнего вида компьютера. **29.** Турецкая мера около аршина. **32.** Смесь овсяной муки и ржаного солода. **34.** Американский пловец, сыгравший в кино Тарзана. **35.** «Кукла исполнения желаний». **36.** Какую тибетейку носил Иван Грозный? **38.** Самый восточный среди Галапогосских островов. **39.** Полководец в родственниках историка Фукидида. **41.** Кто сделал первый во Франции рояль?

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Тонка. **7.** Эреб. **10.** Лимбург. **12.** Ринеландер. **13.** Фруафон. **14.** Диктериада. **15.** Уклейка. **17.** Абхасвара. **20.** Хомич. **23.** Аарон. **24.** Нинон. **25.** Робин. **28.** Лорак. **29.** Нгома. **30.** Ксенофоб. **32.** Хелонит. **35.** Свиток. **37.** Инга. **38.** Крепдешин. **41.** Эзоп. **42.** Телескоп. **43.** Спред. **44.** Рода. **45.** Шпильман.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дидриксон. **2.** Абрамелин. **3.** Арновка. **5.** Оригинатор. **6.** Креативщик. **8.** Роджак. **9.** Барзах. **11.** Каррара. **16.** Аби. **18.** Ааргх. **19.** Бонмо. **21.** Мизерикорд. **22.** Чоботок. **25.** Робеспьер. **26.** Байонет. **27.** Икосаздр. **28.** Лох. **31.** Кизил. **33.** Уникум. **34.** Сайпан. **36.** Крепп. **39.** Шерп. **40.** Нейл.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

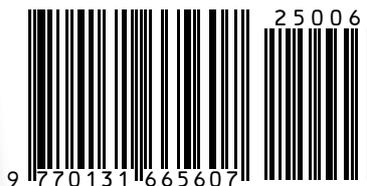
* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №7-2025**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

«Александра Коллонтай была не только олицетворением нового типа независимой женщины, но и первой женщиной-дипломатом. Как это произошло?»

В 1922 году она вошла в оппозицию Ленину, и, чтобы выслать ее из страны, Коллонтай предложили стать представителем Советского государства в Норвегии. Через семь лет после этого она, уже в ранге посла, начала работать в Швеции, где пробыла до конца Второй мировой войны и помогла удержать Швецию на позициях нейтралитета. В 1945-м, вернувшись в Советский Союз, она работала консультантом при МИДе. На склоне лет она говорила о себе: «Я прожила множество жизней...»

Светлана Марлинская «Первая женщина-дипломат и посол»

«В 80-х годах прошлого века Илья Репин сблизился с женщиной-меценаткой баронессой Икскуль фон Гильденбант и, увлеченный внешностью баронессы, нарисовал ее портрет. После его появления на выставке передвижников об этом портрете не стихали разговоры, а Третьяков сразу приобрел его для своей знаменитой коллекции. Художник назвал портрет «Дама в красном» — это название было связано с тем, что при дворе баронесса Икскуль получила прозвище «Красная баронесса». Это была удивительная женщина. Чехов называл ее «баронесса выхухоль», «белая дьяволица», а Зинаида Гиппиус писала о ней: «Такая очаровательная, что я не знаю ни одного живого существа, не отдавшего ей дань влюбленности». А портрет «Дама в красном» считается образцом великосветского портрета и, пожалуй, одним из лучших в творчестве Репина.»

Ирина Опимах «История одного портрета»

««Нежный и бесстрашный реставратор» — это строка из стихотворения Евгения Евтушенко, а речь в нашем материале пойдет о реставраторах Русского музея. В этой истории подкупает не только профессионализм музейщиков, но и их жизненная позиция, их способность откликаться на чужую беду и уверенность, что чужих бед не бывает. Впереди этих уникальных мастеров ждут новые заботы и проблемы, но они обязательно со всем справятся, потому что у них дар божий: «Зиянье обращать дано в сиянье...»

Татьяна Кудрявцева «Нежный и бесстрашный реставратор»

Детектив Елены Колчак «Смерть в Замке»

№6 июнь 2025